

Алексей Радов

ГОД

Москва
«Пробел-2000»
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р60

Радов, Алексей Георгиевич.

Р60 Год / А. Г. Радов. — Москва: Пробел-2000, 2017. — 144 с.

ISBN 978-5-98604-578-8

ISBN 978-5-98604-578-8

© Радов А. Г., 2017
© «Пробел-2000», 2017

Глава 1. ДВА СВИДЕТЕЛЯ

Ближе к пяти Секст выбежал до угла за французскими из своего подъезда, рядом у крайнего трое неизвестных ему стыдили женщину красивую, в лицо показывая чем-то, и жестикулируя широко, стремясь сбить ее этим манером на неосвещенную сторону проспекта.

— Где деньги, человек ты человек, — спросил старший, с открытым лицом, нормального сложения мужчина. На вид ему нельзя сказать сколько так, или лучше не давать ничего, люди пошли обидчивые, да и что будет с ним теперь, когда будет, думал, инстинктивно вжавшись в ограждение, но отпружинив спешно, отпрянув, достаточно громко произнес:

— Кого надо позову, ну прекратили!

— Это что за новый, опрятные подтяжки! — бросил невольно старшему один из двух.

Смолчав, тот взял, выстрелил в него. Упал, прямо на морозную землю с остатками оранжевой и изумрудной канатки, — было больно, вначале даже всхлипнул, разом перестал, стал немного непроизвольно дергаться — не похоже, но сейчас вдруг погибнет — в сознании кровь хлестала и грела холодное тело.

— Ну что ты сотворил опять, трапезник! (ему показалось, имя предводителя звучит именно так, мог поклясться, произнесла «Трапезник»!) — Почти убил мальчугана.

— Поняла, что будет, не вернешь, — без издевок бросил, едва шевеля морозными щеками, трапезник.

— Без ревизионизма. Не надо!

— Всего тогда, — улыбнулся другой сколь мог. — Пойдем.

— Верно, напарник, — спросил, интонируя, тот же из одного из тех двух других напавших.

— Да, ничего не повернуть, спешим.

И посмотрев, в стоявшую на земле раскрасневшуюся женщину, быстрым шагом удалились куда-то вне восприятия.

Она бесилась с негодования, до неуместного возмущения. Казалось, вот сейчас, снова эти сапоги! Первые полгода после окончания приватизации было вполне интересно и развивалось по накатанным рыночным понятным стандартам, но теперь. Одни, другие. Позавчера обещали угостить по такой день добрые местные тормози́лы, по папе — прямо бритты, по маме — похоже, что северяне. Зачем бритт зародил новую жизнь в независимой предположительно горожанке, сам много раз пытался прояснить. Будь при советах — судили, и куда скажут, брось так вот ее, и мал мала, уже произносящих, стоит попросить, передовой девиз. Был вполне молод — только исполнилось двадцать три.

Легко осмотрелась в бушующем порицании. Шел приятный мороз воздуха, возможно, порчена погона демисезонки, утверждать не могла, вроде оптического обмана — когда походка тонет в летнюю праздную толпу, идет не обязывающий промена́д. Из левого рукава изящной, беспроегрышной на вид поддевки переходил на длань, с нее на колено и на парной асфальт прозрачный, забавный натуральный пот с нотками предгорного шафрана, — создавая нечто похожее на пар на жесь.

— И чего, — спросила парня, в прочих обстоятельствах приятно.

— До свидания, — отозвался он. Было, нет.

Раздался звук двигателя, качающий хап.

— Ты там! Жива?!

— Его поначалу. Человеку помогите! — тоже громко ответила она, и он нагло оценил, что за женщина с ним, совсем недалеко — надо, приключилось.

И не видел, подбежали пара, подняли, против бальзама просьбы ее. Но его тоже подхватили и поволокли к машине.

— Только не в салон! — командовала она. — Просторней в багажнике, что под зонтиком частного пляжа, расположится удобно, а у меня новая, красная. Потом замотаюсь чистить, — был без задних, и не смог ответить на оправдание в свой черед. — Видите — ему совершенно нет разницы, где

расположиться. В конце-то концов, мне придется обрабатывать багажник, по-божески.

— На конец земли умотаем, — предлагала она, фразы появились на излете мыслительного потока, куда-то отвлекся, всего на ничего, и они затихли изнутри, надоело, в чем нет сомнений — была в типаж, с большой улицы, такие на дороге не валяются, глотая кислород после составов.

Сейчас — что лишь. Не нравилось, когда забывалась, смута переживания, а вспомнить не получается — ее еще не было, одно предвкушение.

— Знаешь, хорошая, — молвил, почти не раскрывшись. — Можно и сбежать. Должен мир завершаться где.

Не заценила философии мышления.

— Ты меня? — всколыхнула. Была ее манера начинать, но очень прочувствованно, существование вообще бытовой запад в том умерен.

— Идут? — услышал рядом.

— Восемь разом.

— Скучаю, — сказал в итоге голос, и повесил на том конце фирму.

— Жди.

И тут, — почувствовал восторг, просто вспомнив ее, линии джинсов. А ту точно звали так? С ней было. Из лучших. Но имя не хранила. Набитые историй взаимоотношения. Или это только в его развращенном сознании влечение связано с неприглядностью вящей. Точно презрительно кривя изящно, впрочем, объяснялась из последних. «Я неизбежно холодна, когда пробирает сверху», — натуры испорченность, не может дружить. С той случалось, не покрывало неизбежности. Чего с нею, съехала. Лучше быть открытым, закрытым, получать? Где закрутилось, почти новая пятиэтажка, пахнет кроткой осенью, скоротечной точно частые встречи, ноументальны душевные раны, не вопрос, или в выигрыше индустриальный символизм, спортивные достижения.

Подобная, но не срама хотела. Нет желания называть человека, тем паче девушку, по признанному между делом

признаку пола. А ведь был там внутренний мир, богатый, манера общения, дикция. Шатай черемуха.

— Добавился в режим обработки сигналов, — спросили грубо.

— Мох?

— Нет.

— Тоже задал вопрос, хотелось бы ответ.

— Чем занимался на воле?

— Учащийся, второй курс.

— Голову поднял, царство не рабов, видеть безупречной линии изломы.

Спеша насладиться происходящим очнулся, махнув красиво головой. Мимо зеркальная поверхность, вот ни что к западу, поездка, готовые к общению, позови только, союзники.

— Поминаешь? — прервали.

Разозлился, принялся бить с тенью. Увидел коридор.

— Ты — сонма тварей хулитель? — нехотя двигаясь спросил.

Секст начал «отчет». Понимал, дотошно пия формулу. По случаю праздников вина. Кто мои подчиненные? — поставил в упрек, забыв приличия он, забыв с трети, что вспоминал. Взял молить от промыслов, словами, стеречь, простить на поступках. Попадет в лучший край, пращуры, многие расстроятся, что за лета натворил недостаточно.

— Привет — прекрати, — сказал где-то рядом узнаваемый неназванный.

Перечил, но уклонил голову.

— Святые, помогите!

Пока почти дошел, наощупь, не смотря по сторонам или под ноги, чтобы не увидеть ненароком чего настоящего — хотелось остановиться, прислониться к стенам, и чтобы это закончилось. Но потянулся храбро открыть — пора это прекратить, открыл в характере еще решимости, хотя без адресата.

Проаживались одни, другие стояли, очень красивые почти обнаженные девушки, примерно пятнадцать–двадцать молодых и постарше, вдруг полетел игрушечный аппарат и про-

бил конструкцию с надписью «Tiamat». Стойте! Я вышел из себя — орал кто-то на фоне, но никто не поверил отчаянию.

— Обрати внимание, я далеко могу зайти, — произнесла похоже улыбаясь миловидная блондинка. — Один.

— Два, — закинула симпатичная справа в почти розовой майке. — Вам нравится, не отрицайте, парни, когда знаете, как девушку зовут, вам даже кого не обязательно знать в лицо, спрашиваете имена, и зная, что они не совсем от рождения, все равно испытываете подчас возбуждение.

— Я еще не пробовал с кем не обязательно, а вы — они, — прервал нагло он.

— Нет, — обиженно, подумал, страшно сожалея, что перебил, отвечала Два. — А что, похожи?

— Здесь все такие замечательные и без лишней одежды! А она, — некультурно показал на Один, — строит мило глазки.

— Ты же не понимаешь, где очутился, — не поддержала начало завязавшегося диалога с Один Два.

— Что значит не понимаю?

— Торопи повозки. — Первая, пылая, говорила, иногда плотоядно показывая. — Тебе надо перекинуться не с нами, мы для чего не совсем подходим, а с голосом, не своим, и он пояснит. А пообщаешься, сделаю что захочешь, и они, — окинула собрание плетенкой аренщика — предположительно тоже.

— Ну ладно, — ответил девушке. — Чтобы провести с вами ночь, с кем скажешь пойду на сделку, только кроме плохих, потому что взять этот голос — зло по определению, не могу с ним заключить сделку — ведь тогда вы не реальные девушки, а часть страшного самого искушения, нет, не хочу верить — заметив поскучневший резко взгляд ее, торопился объяснять лучше — не подумайте, что решил, вы под злом, вижу нет, но вы сами можете даже этого не знать, на деле все устроено так — нет.

— Сдались наличные рефлексии на обычные при знакомстве взаимные обвинения, — заинтересовалась не всем ему импонирующая чаровница с очень интересным вырезом

на чуть очаровательно слегка мятом платье, новая краска не позволяла, и немного стоило отвернуться в смущении.

— А у тебя что за имя, — вставил он.

— Понимаешь. Сейчас либерализм, только не пугайся. И насильно действующие — они ведь не лохи с открытым забралом, так и забрать может с ничего, чего они там с собой творят. Бегут, значит, и жалуются, де ты их в виду имел. Очень любят примерить чужое, чтобы чужие не сдали, хищнический оскал капитализма в стране какого там уже мира, хрупкого. При том, они реальные, поэтому им легко объединяться, на взаимных данных. Одни всю жизнь тут изображают других, чтобы соблазнять третьих, поддерживать дискуссию, не знаю, что они поглощают, но явно не с одними друзьями. Так что никакого мне имени, и рассмотрения волнующих острых проблем — в обычном значении, предметов манипуляции.

— Похожи на мою хорошую знакомую, не ошибаюсь, — перебил неторопливо он.

— Послушай, детка, — вмешалась вдруг сильно скромная молодая, пока стоявшая чуть слева остальных, но видимо имевшая определенный авторитет, потому что девушки вмиг замолкли, мгновения тому, сообразил вдруг, не пение птиц тропических супер сопровождало перепалку, а переговоры неспешные прелестниц, кое-где вдруг переходящие в воздушные поцелуи ему. — Одна моя хорошая знакомая, шотландка, купила однажды три бутылки французского. К ней немедленно подошли активисты и предложили подставить магазин, ведь чека покупательница так и не видела. На возмущение, один из современных дружинников достал из ее сумки, точно средневековый факир — натуральную черепаху, другие наперебой начали требовать на холоднокровное документы.

— На что им, — недоуменно спросил он, и тут же вспомнил, просила.

— Общественники. На каждого почти у кого-то есть. Вот ходят и формируют отсутствие конкурентного спроса. Шот-

ландка в Англии — реальный анекдот, а здесь нарвалась на бдительных.

Он очень хотел узнать, из Англии ли нынче сама, в жизни это наверно было бы вежливо, удержался. Третий номер смотрела на него все более благостно и заигрывала немного уже. Замечтавшись, все же что-то такое пробормотал.

— Они ее под руки взяли и спрашивают: кто по национальности, люксембуржка? Она: ошибаетесь, шотландка. Они: полностью? У вас от нас автокефалия против нас? Она — не понимаю, эти смеются, та не очень врубает, но видно, те еще непрошенные гости, плохо к гостям относятся. За имя зацепиться пробуют и вызнать, на чем добиралась сюда, где остановилась на постой, есть обратные билеты, где. Она — зовут так мол и так, про билет не дам ответ. Они — это что за имя. Она — мама назвала, родители с острова Мэн. Она — да, мама мэнка, папа нет. На что, помахивая корочками «удостоверение Человека с Большой буквы» общественники песню сочинили, буквально пару четких рифм, мама мэнка, папа нет, нет билета, заучен ответ. Зови нас господа хорошие, — сохраняя лицо, сообщили они. Это потому, что не русская? Да? Они — была бы русская, выразились понятнее. Та отказалась петь и подставлять не за что торговую точку, пригласившим ее друзьям было неловко за весь эпизод. — И молодая сама вдруг немного взгрустнув, замолчала.

Ничего не сказал, представляя глухой проулок, молодых, разнузданных сверх меры сотрудников нелегальных коммерческих структур, злых на весь мир, но таких добрых на самом-то деле — хотели показать ориентиры, красоту на теплом ночью искусственном пруду на окраине, они ведь не патриоты, плохие националисты, а я? — примерял на себя историю, надеясь на продолжение. Но та отмахнулась, изящно тасуя флирт.

— Что у тебя за имя, — спросил ее вместо отповеди не в меру ретивым поборникам разобщения в обществе, затем вспомнив, она немного представилась.

— Три, — ответила, сглаживая неловкость ее соседка.

— Вот что. Ну, может небольшое превью, обращаюсь к вам всем тогда, чего там получу. А то знаю, что бывает, говорили об этом самом, об одном и том же, теми же словами, но сама, типа требуя щадить чувства, уважать, что в первую очередь такой же человек — не дала окончательно условиться.

— Давай целоваться, ты словоохотливый, но затем сразу к высшей силе, да? Пару раз со мной и к самой высшей, идет. Договорились, — напирая, миловала особа, подходя к нему на расстояние не более двух метров.

— Тот голос — злая сила или добрая, бог или что-то вроде сонма магов и колдунов? Не могу общаться с чем-то, что общается точно некто конкретный, а еще и называется несклоняемо. Может, это отражение меня и вас, всего мира, а то целый мир против меня?

— Не усложняй мне восприятие реальности. Я такая вот девочка, мне никогда не сделает никто плохо, я дюже слаба, носитель жизни. Паинька, хотя бываю плохой, понимаешь. Тебе видно нравятся плохие девочки, но не стервы, или стервятники. Или хочешь в эдем, где все эти благонамеренные чинно соединятся со своими единственными воздыхателями, дневные святоши. Уверена, там повстречаешь близких по духу?

— Много их в тех парках, собирают свежие помело и нектарины, или они собираются сами, оттеняя прогулки любящих свет добра в пар? Возможна ли жизнь после смерти без власти промысла, кто создал нас на землю данную в грехах, или мы за то пища бактерий, а тут мы под управлением, кошмарно, — меня будут жарить на сковородке-вертеле, о муки древнего героя, где мы — сановники. Сейчас протяну руку и не смогу тебя ухватить, хряп, — сделав шаг к ней, хватил против ожиданий за упругое бедро.

Мгновений пять обычно стоял, ощущая влекущий зной, чувствуя, медленно начинает слегка дрожать. Более не думая ни о чем, резко прижался губами, игриво зацеловал шею. Слегка отстранился, замерев, запечатывая в память

интересное вдохновенное лицо, — чтобы впитаться незаконно в губы, но тут та жестко дав в живот кулачком, отпихнула, глядя вверх.

— Не торопи — ждем, что голос решит.

— Ладно, — ответил в тон, не раздражая.

Все отрубилось точно, выглянул, вышлыв из вязкого сновидения — ныла голова, это быстро пробуждало. Вокруг, похоже, больничная палата.

— Головушка, — попробовал сказать он. — Губы еле открылись, язык почти не слушался.

— Очнулся, — сказали у ног.

— Где мы, — попробовал спросить, ничего не соображая.

— Слушай, — продолжил голос. — У тебя была почти смерть, ты был по ту сторону, пару днейков, — человек на вопросе приблизился, и он увидел в беловатом тумане высокого представительного мужчину в элегантном синем пиджаке. — Исчез, прав?

— А, — снова попробовал заговорить он, но также раздались лишь нечленораздельные отдельные звуки.

— Нет, что ты, — неожиданно понял незнакомец, — тебе ведь сказали. Точно? Покажи, что слышишь.

Недовольно зажмурился, надеясь снова видеть девушек, это не помогло.

— Выходит, был в портале. Должен понять важную вещь, ты не совсем тот, что был там один. Понять можно, объяснить причин нет. Когда спросят, в конце свет, своих близких лицезрел, можешь добавить будущее видел, говорил с ними. Никому, кроме тех, кто сам начнет разговор, не говори про девушек, и особенно про сам портал, скажем так, кстати, открыл там?

Действительно не знал, что за ответ будет правильный, и слабо легко кивнул.

— Вот еще, с тобой могут заговорить и другие — не такие, кто пережил уже, но и те кто пережил не подобно тебе, или мне, или — ей, к примеру, — наверное человек говорил о ком-то в комнате, — не знаю, сможешь распознать кто кто,

но будь готов, предельно аккуратным в общении, посторонние могут притвориться знакомыми, передавая неблагонадежных друзей по сцепке на цепочке.

Хмыкнул, не видя в пожелании быть готовым к неприятностям ничего дурного для себя, от него же не требуют обещать нечто конкретное, наверно доктора, с добрыми пожеланиями перед необходимой и полезной процедурой.

Может проделки тех сил, было то реально, и насколько действительно это, лучше взять критерий существовительно, возможно, для успешной оценки последних событий?

— Запомни, поведаешь правду, поместят в изолированное помещение, начнут проводить опыты, вполне серьезно. К сожалению, ничем не могу тебе помочь прямо сейчас, я не доктор и нахожусь здесь совершенно без разрешения, а скоро к тебе придут работники, и тогда даже они, соседи по палате, кто угодно, конечно, и особенно эти могут. Не проболтайся никому про девушек и портал, а только, повторюсь, говори не более других, кто переживал подобное нечто, верно слышал, — он более уверенно кивнул. — Хороший парняга. Найду тебя попозже или кто из наших, и все объясню, пойдет?

— Тогда все, мотни дополнительно четыре раза. Потом отсчитай десять и еще пять, только никому.

Так и сделал, посетитель мог оказаться кем угодно, может и в себе, но разбираться он разве может — и пошевелиться не в состоянии, похоже, тот что-то вколол, пиджак представительский чего стоит!

— Ни к чему тебе моя фамилия, а отчество, раз надо по отчеству — у нас не дают, откуда мы. Пришел, кстати, с подругой тут был, она тоже, — в тумане появилось женское лицо в длинной под стать шалью, спадавшей на крупной вязки акриловый свитер, в отличие от красочных недавних переживаний повседневно буднично угадывался потрепавшейся непонятно с чего слегка интригующий, — потолок палаты. Был однажды в больнице с подозрением, а еще один раз, но там меньше недели было — предполагали во-

обще, симптомы страшные должны быть, у него — ничего, оказалось точно в анекдоте.

Смеяться. Опять летаю, — тяжело подумал. Голова болела поменьше, но пошевелиться так и не получилась. — И зачем рассуждать? Разве недостаточно, просто можем делать друг друга счастливыми. Я и подружки дней, бабушки и внучата, президент и российский народ. Что за ерепень в процессе сменяющих наплывом недавние терзания будней, — надо нацеливаться на прибыльные заработки, искать подходы к нужным людям, а все о жизни простых людей, приватизации грабительской, подлости и лицемерии вокруг, жертва объективной информации прямо. Но да, — загорелся, — о негативных чертах характера людей, взаимозависимости своеволия, единоначалия и дисбаланса морфогебеза!

— Ты такой так, — пошутил, пародируя эмоции, даже не слова, такое, бей, прыгай. Не принимал, когда его звали непримиримым, вообще не оправдывал ярлыки, это всему свой коленкор. Не восхищаться, и ненавидеть поддерживающую коммуникацию для него было чем-то свойским, точно те катания, или черничная гулянка, на которой одна из первых на первой впервые показала ему, что не только в фильмах для взрослых, как называл такое один родственник, бывают притягательные девушки и великие бездны влечения. Да и та, не говоря о ней, или вот той, не для сравнения. Та. Немного утомили антитезы, но была сильна искусная паника, неудобно было. Похож обездвиженный должен быть на Тутанхамона, лирично. Иногда, подчас сам с таинственным замиранием перед загадкой, чаще и весьма придиричиво с призрением к слабостям — оценивал выражения и переживал, вот низко пал. Что с ним произошло за два года, что бросил обучение, никто не сможет пояснить. Возможно, правы, точно родственники, кто винит его «этих», «опять эта твоя звонила. Зачем бросил? Че совсем? Передай той ходить в панталонах, в нижнем белье в обтяжку по Москве — именно развратно. Она что же, приглашает всех к себе, в себя ха-ха, это грустный, маленький, смех», — на учебе появиться разве, хоть днем этого

не будет, переживал, пытаясь включиться. А так и останется теперь он, — представим, что надолго, и говорить не получается, тот визитер, так не хотел чтобы рассказал что видел — был не в себе, а где, пойдут вопросы, начнутся бесполезные толки по-латински герои и названия нехороших болезней. Зачем не по-русски? Когда же ты замолчишь, уже перебил сам себя про себя также, не пожалев — будет тебе, давай потупим, или подумаем о чем-нибудь отвлеченно. О чем? О девушках, знакомых милашках в юбках, готовых зайти далеко, так говорит родственник тот в своих знаменитых байках о служебных романах у них, на филиале. Представители старшего поколения семьи через раз переговаривались, просто придумывает, такого вчерашние советские служащие не могут делать, тот уверял, и в пятидесятые было, не у них, его вроде еще не было, а может и был, он не знал, конечно, а скажи кто, вряд ли запомнил надолго. Иди туда, хорошо? И до кольца не один, а там почти дома. Ты молод, напористый, подскажут рядом, все там знает, пристроишься за нечего взамен, еще и его перетянешь, он всем, видел, знаком у них. Его и зовут только полным именем, даже молодежь — покажет тебя кому, пометка в деле надолго. Почему не хочешь, — Секст уезжает, по новью пьют.

— Привет, меня видишь, — задрезбезджал в ушах заботливый голос. Докопается мигом, чего делал подле булочной, — понурился, но здорово, что кто-то.

Вытянула из кармана большой ключ, и непосредственно улыбаясь, потянулась совсем в его сторону.

— Ты что? — попробовал сказать, но получилось вроде нечто не понятное, — она вонзила нож рядом, спрашивая:

— От переживающих был?

Похолодел, общение с гостями не прошло вскользь.

— Отвечай, или порасспрошу.

Посмотрел в сторону ее рта, твердо сжатые решительные кулаки, еще более широкие, чем обычно жесты, такие очерченные черты лица, наперед важного решения, похоже готовилась, даже не успела надеть правильные кольца, и те выглядели не так празднично, привычно.

Или не она, что за шутки, где работники, что в мире грез опять. Что надо. И так пострадал, разве не видно, уж ты должна понять, вдруг хрустнул фаянсом хохломы на перевешанной елке и бухнулся на нее сразу обеими руками и головой, неловко задев по подбородку. Та взвизгнула, и размахнувшись — ударила его, дернулся в сторону, попала в плечо, взревел и скатился с койки, вскочил мгновенно на ноги, провёл двоечку, она рухнула на пол и обиженно заскулила.

— Что за жесть! — взревел было он, но получился лишь набор шипящих, — а больше не пришлось пока пытаться восстановить речь, укол стоявшего за спиной усыпил.

Сначала слышал новые голоса, делал вид, умиротворенно где-то. Говорили сразу трое или более людей.

Потом прояснилось, ничего такого, привстал. Что бы могло быть: все что увидел, скудный одноместный бокс, человека в белом халате — молодого и двух еще.

— Очнулся! — радостно вскричал старший по званию, обратясь ко второму.

Тот достал из кобуры пистолет и направил на него.

— Что вы делаете! — закричал работник. — Прочь из палаты!

— Заткнись, — приказал второй, и достав пистолет, направил на работника. — Молчи или зашибу.

Тот показал готовность подчиниться, и непокорно вздохнув, перевел взгляд с пистолета на угрожающее лицо.

— Кто тебя, — спросили его.

Показал харизматично, — не могу говорить — и кашлянул, пытаясь, словно в гнезде открывает клюв, ловя пищу, изобразить типа «нет».

С пистолетом усмехнулся и сказал очень ласково, словно доярке, благодаря за парное:

— Отвечай, прошу, — и подозвал другого. — Покажи.

Реципиент грохнул в стену палаты, затем прибавил угрозы ударом.

— Больно, — кричал работник.

— Помолчи, вообще получишь.

Работник повел плечами. Потом закусил предплечье.

— Звать тебя?

— Зачем вам.

— Не обманывай. Между делом, ты националист? — спросил Секста, точно уколел.

— Не знаю, — ответил он.

— А я нет. Так есть имя, человек?

— Ладья.

— Без шума. А ты, дорогой, ответствуй — и правду.

Запоминал имена, но не с первого знакомства, зато гордился феноменальной «визуальной памятью», кроме, боялся расстроить походу переодетых бандитов, взяли в заложники — и, быстро вспоминал он, — надо не перечить, быть очень наблюдательным, найти способ оповестить полномочных.

— Подъем, — оповестил безапелляционным тоном старший, так может человек в форме, превосходный отец — юноше.

Слез с койки и стал одевать, подпрыгивая, брюки. Вдруг влетела девушка.

С порога резко переменялась в лице — с беззаботней летней улыбки — на крайний испуг и отчаяние, почти появились нечастые слезы, не сводила глаз с собравшихся. Однако, тот прикрывал заразительную улыбку, и смотрел только на нее.

— Ты ничего, — выпал в штабель один из этих. Действительно, девушка была необыкновенно хороша внешне — не старше двадцати пяти практикантка с натуральными бровями в немного неуместной прическе.

В коридоре раздался шум, хлопки.

— Кто? — махнул один ей пистолетом.

— Снизу, но не уверена.

Махнувший чуть приотворил дверь, заглянул в щель и элегантно прикрыл, громким шепотом говоря своему, там трое — показал забавно. Повторно проворно выглянул, вновь слегка открыл, прождал таясь, вдруг уже резво распах-

нув, дверное полотно чуть не полетело, выскочил в коридор, одновременно стреляя, бах, — пять. Гул стоял в коридоре, а второй стоял опершись в колени и дышал, потом мотнул головой — на ней в первый раз за все время не было и тени, и пригнув ее, вышел было, потом словно забыл что-то, дернулся, заглянул, посмотрел пристально на что-то одно, и подхватив первого, втянул обратно — интеллигентно направив щеколду обратно.

— Через окна, — приказал всем.

— Не стоит раздумывать, — и подтолкнул к окну одновременно работника и девушку, — прыгайте — только не решайтесь бежать — сверху перебею на пару, точно мой компаньон, не хуже, тех.

Работник подбежал к подоконнику. Открыл угрюмые ставни, девушка помогла посадить на подоконник. Он свесил ноги, и обернувшись, сказал умоляющим голосом смотря на одного из ужасных людей:

— Сломать можно что-то, ушибиться!

— Тогда осторожно. Действуй, или я тебя вот прямо здесь, — ответил тут же, и махнув перед ним ладонью прибавил: — Время не для длительного обмена расходящимися мнениями.

— Пожалуйста, мне не хочется, — в голосе была неподдельная просьба о помощи.

— Считаю до двадцати. Четыре, тридцать, — второй, подойдя насладиться кружившим над кроной большого дерева в искажении двойного стекла облаками, взял говорящую паузу.

Работник глядывался в их непреклонные спокойные лица. Его лицо приняло достаточно невнятное выражение:

— У меня пятеро.

— Молодцом.

— Ладно, прочь разногласия, — выставил локти, затем, не услышав и окрика, перебросил вначале ноги, высматривая осторожно там что-то невидимое для всех, наконец, завис на руках, и резюмировал:

— Была быль! — и разомкнулись пальцы.

— Ты! — оба показали на девушку, один фривольно. — Тебя не надо упрашивать?

— Нет.

— Прыгай также, только поняла, группируйся.

— А что это значит?

— Пошла! Вот что значит. Спеши.

Она обхватила руками плечи, задрожала, но никуда не пошла.

— Скорее, — ревниво, но с некоторой гневностью приободрил собеседник. — Он тебя не погладит, не прыгнешь.

— Тот прыгнул! Тоже будет, — показал на Секста, делая сообщником. — Второй этаж, зачем гоните, ты не знаешь, неужели гуманитарий? Переучилась?

— Сейчас на вечернем.

— Давай, завершим дискуссию. Не прыгнешь, пеняй.

— А его, правда, зовут не совсем так, не говорите — подумала она вслух.

— Прыгай, хватит заводиться, — она примостилась на подоконник, оттолкнулась, и когда тот театрально топнул, покинула помещение.

— Ходи, — поманил тот же его, не поворачиваясь, и смотря внимательно на панораму перекрестков через приоткрытые, шероховатые изящно лопнувшими скорлупками побелки, античные ставни.

— Не люблю считать.

Он подошел к раме, где замер, и не желая смотреть вниз.

Начал было молиться, впервые за год. А нет, молился недавно. Тогда ладно. Не принимая сомнения за знаки, наощупь перекинул ноги и прыгнул с воплем. Немного невесомости, потом ударило. Валялся по земле. Рядом раздалось два похожих удара живой плоти о твердое — прыгнули, видимо, переодетые.

Кадрами запомнил, бежали к машине. Работник вырылся, но ноги не хотели перечить — сбылось предчувствие — легко травмировался при прыжке, их тащили жутко, периодически ругаясь, чтобы не пытались идти сами. Не отставая,

спешила и девушка. Пыталась протестовать, тогда один из них тыкал вперед указательным, повышая тембр:

— Для чего испытывать на прочность! — компания запыхалась недовольно, а она сбросила шпильки, спешила босиком. Несмотря на положение пленника, о красоте такой ее он думал постоянно, или благодаря ей. Освободимся, и тогда неплохи шансы на отношения.

Долго, бесконечно ехали на новой волге вначале на Балашиху, потом часто грунтовыми или бетонными дорогами, весь день до поздней ночи, наверно до двух. Говорить запретили, кто хоть обмолвится — не получит еду. И не думайте даже ни о чем. От нас не бегают.

Молчали, переглядывались, он все сильнее испытывал влечение к девушке. Она кротко поджимала в легком блеске губы, поначалу не замечала, что так смотрит на нее, томясь от желания, и его не смущали два этих пистолета. Наверно она сейчас, очень по-женски, переживала за работника скорее. Он замотал голову майкой, видно было, отлично держится, но помнит, унижался, просил. Секст показал работнику мол. Тот присовокупил о пол дрожавшими кедами, слегка непривычно, но терпимо. Молодые сильно сблизилась по-товарищески, эта неунывающая троица в плену у двух бандитов в запоминающийся день — потом подумает, в сентябре, в августе.

Знаешь, — обращался к ней внутри себя, — есть что проговорить, не знаю, о чем повел речи, встретиться она при прочих обстоятельствах. Давай начнем вместе. Та смотрела на него, молод, но ведет себя очень мужественно, смотрит на похитителей неприязненно. Один повторял, отвечая на укор:

— Не надо изображать. Они — держатся, не захочу чего, даже и придется, а тебя — тебя бы наперед, — ну и так далее.

Глава 2. ПРИ ПЯТИ

— Клавенрон Хуг? — интеллигентным, и потому реально побольше мерзким, точно мах друга хитрецу незаметный год назад, такой шлепок, тем и обиднее, что не больно, но звук прозвучал так, из этой трубки, недобрым мужским «немужским» голосом поинтересовались. Кнопочный, или по выражению старшего, — цифровой висел всего ничего, на кухню переехал более новый из спальни, а красный ветеран, помнивший еще секбэм, ценой получасовой схватки с «другом душевным», называл в сторону половину в запоминающиеся мгновения, отправился на антресоль, он проверял — так чтобы видела, там, нет.

— Что нашла ты в этом человеке? — она смотрела томно точно на ребенка, бегал, и не признается, затейник, обожала детей, действительно, что называется, точно детей. Еще ей очень нравились люди, но после последних знакомств, решила никого в близкие не брать, и вот уже год стресс снимала не пушистым бессловесным одеялом, а пойдет, кажется, еще ничего не имеет ценности.

— История, раззява. Чего ты? Мой прадед по нему говорил с Булганиным!

— А палки у вас нет семейной?

Про них слышать больше не мог. Иногда казалось, нет никакой Нелли, это собирательный образ всего их коллектива, хотя и видел прообраз, и у них бывали неделю за год, честная канцелярия, почему дорогая так лебезит перед ними.

— Чем тебе он мешает?

— Пыль собирается. Дышать нечем! Хлама набрал, стервятник.

Никогда не материлась, но чем зацепить, знала досконально. Ненависть была сильна, такая женщина былинная, останавливавшая время.

— Нет, — наконец протянул. — Лавенрон. Кто спрашивает?

— А то не понял, может и должность назвать. Вы дома сейчас?

— Вы видите.

— Уважаемый! Не сложно, лучше подойдет прямой ответ.

— Слушайте, вы мне домой звоните, я и отвечаю — дома я или нет?

— Вы — Хук?

— Хог.

— И это Вы? Просто Х можно?

— Пять.

— Гражданин! Я — на работе, догадались верно. Будьте добры, не трать мое время ни на что.

— Я.

— Очень хорошо. Никуда не собираетесь?

— Куда?

— Никуда не идешь, да?

— Пока нет.

— Так, хала хлебобулочная. Я через десять буду. Совсем уйдешь — вини себя, под землей найду, на три штуки, яшенько, Хог, прикинь для заметки, что избрать?

— Да, не возражаю, — он разбитно плюхнулся на диван. Наверно родная устроила, придет сейчас какой-нибудь щиток смотреть, информация, мухлюете с показаниями, или еще что надумают. Нет, не иначе душевный друг позаботилась, чтобы не скучал без нее тут. Хоть буду знать, как власть выглядит, о чем речь.

Не тут-то. Громкий стук в дверь, потом звонок снова стук — похоже ногой, с похмелья показалось, кричат матом, но что именно, не разобрал, а скорее всего воспроизвел это сам мозг — через три двери было не слышно даже когда младшие взрывали в подъезде «Удар грома».

Проб был явно не в духе, такое с ним случалось не часто, обычно всегда обходительный этот обычного телосложения приятный человек превращался в какого-то зверя.

— Ты чего?

— Я? Да так. Пошли.

— Куда?

— Давай быстро, поднимайся.

— Что случилось? Отдыхаю, работали допоздна.

— По дороге объяснимся! И на вот, держи — протянул чекан мавродивки. — Там мой заждался уже, и не выключал чтобы сказал, давай, прокатимся. Кое-чего раскинем?

— Прав, — спокойный внешне вид Проба Клавенрону был знаком, и завораживал, быстренько хлебнул четверть и ойкнув скорее, чем икнув, даже парабольнув рукой, извиняй, — все когда-нибудь жевали хомут с тяжелой морды, чтобы лучше было, а то так и упасть можно, что впрочем, не имеет также собственного значения. Многим распивание разумно видится проблемой самой воды, точно она обиделась на заключение в бутылки разноцветные. Некоторые потом сожалеют, но все в целом легко исправить, особенно при равенстве полов и возможностей, а у индусов — не возьмусь сказать, их женщины мнятся чем наше скоромнее трагизма, — и пронеслось молчание на полушариях Хока, когда он деонтологизировал.

Еще позавчера, дня четыре тому был «кабачок». Всегда теперь разве будет.

Сами по себе вышли, Проб настоял поздороваться с обеих рук, помог забраться.

Так он (не тот, он сам, хотя с кем не бывает) вообще не покойный, да два подряд дня в такие щи уходили на суточные, где-то был, дрался, не помнил, потом утро, злится.

До — в воскресенье, с Пробом бравурно отдыхали с тремя в меру приятными, немного симпатичными пищащими, не кончая базар спиртовичками — первую не помнит, Дедалой и Гнетти.

Хорошие уже заканчивали через месяц образование, и хотели, что называется, попробовать, что это «взрослая жизнь», а то вдруг принц будет над ей смеяться, не так пойдет, концептуализация изначальных эмоций смутит вконец, или своей напористостью все напортит, и благородный к другой убежит, а так всегда можно что, но сказать. Он — поверит. А ныне —

поехали, там объясню, чекан захватил, будто я алкоголик, без ошибок назвал. Сладко звала Бетти, главная и единственная радость, счастье всей жизни, куда не привело, мыслил о ней — вспоминая то нежное тепло иногда.

— Братишкин, — Проб перешел на более драматичный тон, видно было, нервничает, таким похоже его Хок увидел впервые.

— Знаешь про правило двух свидетелей?

— Секст, с ним-то что?

— Ничего. То есть много чего, когда интересоваться. Живехонький, не переживай так.

— Что-то — вообще? — наблюдав перемены в лице родни, — кем там приходился Иотираван, спрашивал раза три, и у Три три, даже у его — тогда Иотираван с него спросил, сразу войдя в квартиру, порывом налетев, — испугал Поста, вернулись из медового месяца, она была еще не освежеванной, загорелой, виделось, его девушка — на сто.

— Проб! Я — можно, закурю, — извините что перебил, Хок.

— Пожалуйста, — согласился Проб. Он всегда так.

— Хам, — неожиданно для сказал Пост, застеснялся, глаза побежали, что с ним?

— Легче, братик, ты чего! — Проб иногда просто сидел, потом окидывал всех взглядом и говорил чего. С разными интонациями, а обычно с одной, непонятной в его униженном, по сути, социальном положении. Причем такими довольными жизнью бывают только мужчины из услуги, так их называла, между ними, его. Зачем ты так о нем, причем за спиной! Хочешь, чтобы в лицо бросила? Ладно. Нет, что ты? Увидишь — сделаю. Он не мог поверить. Проб, всегда очень вежливо и внимательно слушал дежурные истории о новых, совсем не интересной текучке в отделе, и тут она: «а у вас — в услуге»? Пост подавился вкуснейшей, таявшей во рту шведской селедочкой, откуда только Проб нашел...

Пост прочувствовал напряжение в шее, и потянулся к Пробу, чтобы остановил. Тот понял, и хлыстом по сды-

хающей за полмили до почтового скотине криком, переходящим в слово, но что за, Пост не слышал, фактически остановил автомобиль. Изучая ремонт полотна в открытую дверь, прямо на перекрестке, все думал — откуда только у Проба это, взять Никона. Робкий, зеленый парнишка, вот-вот с городской службы, сам откуда-то из-под центра, или с ближней периферии? Чуть ли не их села — за полгода в столице, уже жигули, не новые, но на ходу. Проб говорит, бизнес делает, резинку из Китая, еще что-то, порошки, да — порошки. И сам как-то рассказал, мол, купил вначале сто пачек порошка — на все, что получил за месяц. Толкнул кому надо, купил уже сто тридцать, пошло—поехало. Пост так занервничал тогда, не к добру вспоминать. Дай сигарету, что ли, или не надо? — Вы ж не курите, Хок! — Не закурил, стараясь не смотреть молодому в глаза, и спросил по итогу, — Родной, а я могу тоже купить пачек сто, даже сто пятьдесят, или больше — почему порошок стоит, поможешь? — Зачем? Ясно разве — Секст учится, пуловер новее прикупить, отдохнуть.

Тот засмеялся. Совершенно не похоже на него, этот смех, наверно с прошлого, там многое было. Потом снова помялся, посмотрел Посту в грудь и очень четко заявил: Вам туда не надо. — Почему, — не целиком понравилась интонация. — Отнимут, — удачный коммерсант без удовольствия хмыкнул в задернутую красивой тонкой наледью правильной формы лужу.

— Ты уже там? — прервал поток несвоевременной интроспекции Проб.

Пост понял, уже не смотрит в обнаженную ломку гравия, висит головой вниз над тем же асфальтом, вглядываясь в бывшее с ним позавчера.

— Жизнь такая. Секста подстрелили переодетые бандиты, в больнице, — начал Проб медленней, нежели раньше, похоже вид отдохнувшего того дал уверенность.

— Что это за бесцеремонность? — он заметно побледнел — кусочек фруктовой массы, очевидно застрявший в зу-

бах или тканях пищевода, сорвался, и пролетев с полметра, шмякнулся в шею.

Тот выдал нечто вроде, но Проб уже успокаивал, «ладно бывает, перебирал накануне фотографии тех лет, сам знаешь». Откуда они все же познакомились, искал ответ Клавенрон, а фоном стояло его имя.

— Будет. Вон, чуть магнитола не выключил.

— Пока в учреждении? Придет к ужину?

— Пропустил. Везде ходит. Помнишь, мылись в бане, новая помпа упала, ведь даже не брякнул горячего.

— Разговаривает, память, поломал чего?

— Вроде, нет.

— Когда, вчера?

— Снова нет, неделю в больничном свете.

— Столько? И не сказали мне? Получается, когда в воскресенье бряцали — Секст, с ним и такое?

— В прошлое, Клавенрон, не это.

Эхом в ответ интеллигентно кашлянул, потом цапнул внутри — и голова его припала на плечо, а сам завалился мешком картошки в открытый кузов.

— Зачем вообще взяли, разрешите, — домой? — Никон посматривал в водительское, лихо крутя баранку, гнали где-то сто сорок.

— На всякий. Кто там знает. Хватит посматривать невольно, дорогой.

Никон помолчал, нахмурился, и уже не спрашивая, так, глазами через зеркало, прикурил.

— Брось и мне?

Тир также без слов протянул ему отвратительный яд.

— Ничего?

— Да что сказать, Проб, предчувствие нехорошее. Вы извините, может захватим Ена или Та?

— Оставь. — Сизый ароматный дым швейцарского марлборо наполнил велюр верха. Окон не открывали. Проб не знал, почему решил обойтись одним им. Там иеих, хотят видеть слабость, смотреть — что внутри. Стоит оплошать, —

уважать заново не заставишь. Сейчас поинтересуются, не путал кто, к чему артиллеристы. Сами решат, по разговору.

— Проб, позвольте вопрос?

— Давай, — после, только душа заснул, Проб ожил и уже с минуту бросал на Никона вполне благожелательные взгляды, тот мог видеть в зеркало, менее чем за года два, чувствовал перемены. Месяца через полтора, когда устроился, Проб, дальше дежурных фраз с ним не шедший, в один вполне обычный будний вечер, нежданно таким новым тоном, что обернулся, будто кто еще в машине был, залихватски ритмично щелкая пальцами, цокая, и раз в минуту произнося фирменное что — начал ему нечто быстро говорить, даже не понимал вначале, к чему. Был у них главный, точно все в общем. Сам не зная почему, силясь понять это перед сном в своей милой комнатке в последнем четвертом этаже необшарпанной и такой простой, родной советской, что щемило за грудиной, проходной общежития, но главного вспоминал чуть не каждую продолжительную поездку с шефом. В чем причина? Кое-что наверно остается без ответа в этой жизни, ставил мысленные тире Никон. И сейчас, крутился в голове.

— Так о чем? Не тлей, депеша, — подбодрил Проб при молкнувшем друга.

Вот и тогда — точь в точь. Закончив думать все предложения, которые не мог ухватить в цельнокупности, получил от Проба в плечо:

— А погнали, по девочкам?

Адресат покраснел. За всю жизнь, было у него три женщины. Вернее одна, и две на время, которых дома за женщин не держали. Лайки, так ее звали. Не дождалась. А ведь еще за полгода строили планы, показывала кус джинсовой ткани, из которой дома сошьют ей ему правильные штаны. Летала без умолку, заглядывала внутрь души, словно не расставались, за углом подсобки — их самая длинная в жизни ночь, клятвы, объятия, что положено. И на тебе! Два месяца оставалось! Уж они счастливы были б. Подходящая парка. Односельчане старались не встречаться с ним у магазина,

хотя обычно встречают — встречают, год по городкам чемпион. Трех дней не побыл. Его поняли. Глава семьи был против, но видя отчаяние, во всегда с задорной хитринкой честных порывах среднего, обнял крепко. Увидел, не ровна гардина, заплатит. Чтобы случилось, не оставь командир телефон «человека в столице на всякий» — о том только ныне позволял думать, ведь ладьей стоять что не быть да пришлось дабы, а в людях: неумеха, недожданчик, забыли его в помощь правым правый.

Там женщины чего решат — кто их разберет, может Лайки не сама ушла. Или он виноват — абдукция люта! Подцепил кого не видно. Травмоопасно бить рельс заводской — номер таковский дела, говорит, молит ячеистый монолит, что девушка добрая, хорошая, стала бы такого, чисто эмбарго, на алиготэ за так менять? Вот в вот. Населенный пункт не велик, всем жить в согласии оптимально, хорошо получилось, прощай. Пусть брешут, сбежал, что скрывать. Сейчас время — дай каждому, накопит, иномарку у Та одолжит, вернется. Старшее поколение уже писало в самых лестных словах, сколь благодарна за помощь, и соседки справа завидуют сыну. О ней — молчат. Шикарно рубят, точно шинкуя на весну.

Понимая, нельзя ударить лицом, пересилил злобу, и ровно мужику пореволюционному отвечал Пробу:

— Погнали!

Утром после гулянки, война Никона круто переменялась еще. Проб вел с ним, ни в чем не бывало, точно не братались вчера, не рассказывал он, пьяно бесслезно всхлипывая, всю свою короткую, четко по партии, что впаяли золото, стезю. А девочки? Пять раз вызывали! И оставляли — всю бригаду, расклейщиками объявлений о найме для друзей. Примерно в середине дороги Проб достал из дверцы «Смит». «Держи». «Что?» «Говорил, знаешь. Волторны. Система — трезвящий Бандерас». «Да что с ним делать?» «Жать! Можно еще кешью распылять, но не пробовал. Будешь колоть — обойму выплунь, и смотри, нет ли в стволе пыли». «Мне надо кого

зашевелить?» «Мешок твоего супа знает, самому виднее. Держи всегда у себя» — тут он поглупил: «А вдруг кто найдет?» — Проб отвечал: «тогда ты...» — и цыкнул условлено, плавно проведя подушечками.

— Вы точно полиция, Проб, или шпага мальтийская? — хотел сказать что-то приятное, да не каждый день ставят перед фактами, что отныне — бандит. Что там село, ино-марка ржавая карданом — или пропасть, или пропаном лопасть. Газет, конечно, не читал, и новости не слушал, но точно многие крепок. Проб не стал тогда воспитывать, не хмыкнул свойски.

Вконец спросил, чего хотелось:

— Что «за правило двух свидетелей», о чем с ним общались? Или не мое.

— Не бери скотину на башню. Внимание уводил, чтобы не сильно понял, что там с его, а то разоидется, колыбельную ставить.

— Иначе, нет такого правила, — ехать еще под сто, оба чувствовали необходимость разговора.

Тир не сходил с ума от своих, не всем, даже в нынешнее отрубное время пить с лица, пытался выглядеть современным, — но внутри не был фанатик. Молодой напоминал ему самого двадцать с лихом отмотай — такой, время изменило моральный голеадора.

— Ну что тебе там, — участливо спросил Проб. — Вспомнил?

— Что?

— Что значит быть в тес? Готов улетучить этих диффузных, в случае минимализма сопротивления?

— Знаете, да, Проб, — работник скоро продемонстрировал себя с неожиданной стороны, что ни дело — правильная тридцатка. Особые случаи будет несогласный, так, например, чего короче.

Сколько их там? Десять—пятнадцать? Справимся? Вопросы набросились на двух мужчин, точно машина резко въезжает в переменный дождь. И до конца пути молчали,

изредка пихая Проста под бок, тот одинаковый звук издавал — видимо, проверял не совсем ли, хотя скорее — забавлялся с этим моментом, вдруг тот смучается с похмелья прямо тут, на сидении, что говорить? Забьет. Сковородой железной — не подумает.

— Взять чего, — неожиданно проникновенно как он один умел из всех, — произнес, когда показались первые постройки фермы, Проб, слышал такой низкий голос, где? — Присмотри за Секстом. Война пойдет, схоронитесь. В том прибежище имеется люк в помещении для халатов химзащиты.

— Вы что, что ты, — неожиданно для себя вдруг обратился к Пробу на «ты» будто у метро, к залетному. — Сам тоже переживаю, видно это.

— Тебе куда, домой отписать? Мы поможем там, и с домом, никогда не подводили.

— Можно, — парень уже думал о другом, во второй раз была такая особа, и Проб очень трогательно, увидел в нем в самом ребенка, маленького Секста, с эгоистической притягательной важностью протянул задумчиво, светло-задумчиво, как сам ища, почему-то было не тревожно а волнующе-обособленно, предвкушение светлого будущего в солнечной пыли грунтовки, — пойдет. — Это вот «возьмешь» детское, он, и девушка успокоено засмеялись.

Показались блоки, ворота фермы, у самого первого столба трутся пять-семь совсем молодых, на вскидку без оружия. Не больше.

Притормозили метров за тридцать. Проб, поморщившись, столкнул невнятного показывавшего решительное нет Проста, завалился набок, а потом голова медленно сползла и воткнулась между сиденьями. Ну и пусть, страус навеселе, — хохотнул с закрытым ртом почти в адреналине Проб и вразвалку двинулся к фигурам, не закрыв дверь.

— Кто главный, — позвал властно метров за двадцать.

— Я, — совсем просто ответил один из них, внешне не отличимый от прочих, в хламиде.

— Где мой? — спросил без вызова Проб.

— Твой, видишь, стоит, земляк, — обратился к нему один. — Но не много. Он видел самого Лондона. Лэндона?

Тир с обычной улыбкой выхватил из-за спины прикреплённый автомат и навел на говорившего:

— Теперь что скажешь, величавый.

— А вот так не надо грубить, — перебил представившийся лидером.

— Вот твой хумидор, — названный Пробом указал в сторону других ворот, из которых еще двое выводили Секста. С ним была девушка и испуганный мужчина в халате.

— Мэй и Варенукер были должны Хоскинду, там ровно — трофей, но Лэндон так не оставит, кто видел в живых его лицо, будь это твой родственник, или твоя та.

Тир даже не дернулся, а Никон побледнел, лидер говорил о самой актрисе театра.

— Стойте! — в искреннем изумлении, Проб с другом, поверив, было оглянулись, — закричал самый такой. — Это что за не пойми сам?! — Никто не заметил, Клавенрон Хок проснулся и уже почти дошел до них, метров пятнадцать. — Стой! — обратился к нему кричавший раньше. Тот шатался, Проб видел, не понимает где вообще. Из рта вырывались проклятия.

— Это что за немое кино, вообще за съемки? Я распорядитель на массовке? А ну ты, пасть заварил, быстро, сказал, чего рассматриваешь, — Хок вдруг полез на ближайшего.

— Хороший, попутал? Ляжешь тут, — парень вначале попятился, тот неожиданно напал и слова его звучали, потом перед товарищем устыдился своего страха, и подумав, что разборка началась, просто все тормозят, выстрелил, выхватив пистолет из широких штанов столь быстро, никто ничего.

— Помогите! — сотрясал воздух Секст, вырываясь из цепких рук охранников, они открыли огонь одновременно из автоматов, из-за ворот вдруг стали прицельно шмалять рядом, «недооценили»:

— Убегаем, — звал зигзагом пригнувшись, сломя голову к машине несясь, Проб секундами всего позже, вдруг его подкосило точно, а Тир отстреливался, упав.

— Прекратить огонь, — раздалось со стороны.

На дороге, не пойми откуда, появилось человек восемь таких же с пистолетами. Проб и Прост бросили свои автоматы, тем более патронов у Проба не было, а молодой поступил по примеру товарища.

— Проб, значит, — ехидно спросили из толпы. — Чем объясните? — Этого — в мою, а пехотинца и родню — до свидания. Наших — отдельно, всех записать, — десять минут икс на обзор.

Тиру было не очень больно, он только сейчас это понял, что даже спорить не может, невыносимо.

Молча смотрел, через руки несших его куда-то в кусты гадов, Никон обнял Секста, когда их подвели к друг другу. Думать Проб тоже не хотел, просто понимал, что они попали, и раз люди, зная его, идут на такую, надеяться — просить что-либо, спрашивать — бесполезно. Сдали, наверно не один.

Глава 3. ЧЕТВЕРТОЕ В ВАННЕ

Не помня себя, Она покидала больничный комплекс. С ней такое бывало, в последние красивые месяцы. Жизнь иногда, словно тлеющие медленно в таежном колодце головешки-розжиг. У подруги есть подруга, очень хорошая, ниже живут, где твердыни. Всегда получали чиновники, партийцы. Имели в избытке, но перевернулось в одночасье, юные все не по специальности, но отпрыски этих — находят место в государственном аппарате, а внуки отбывают за рубеж, наследники традиций. Их называют совершенно непотребно, клеймят на собраниях, ненавидят на глянцевых обложках фото. Требуют заботиться о имидже на международной арене, по ним, а по кому, делают выводы про всех.

Всего ничего восхищалась предыдущими, кто возглавлял организацию. Вот кто должен был остановить мгновение! Почему партия сделала ставку на чудо. Раньше спрашивать было не то чтобы боязно, уж тем более имея такую знакомую, а сейчас всем было все равно, кости перемять историческим деятелям вульгарными, но не последними, отдать художественному должное, выражениями.

Наверно, просто переволновалась из-за своих. Но нервы — откуда они? Когда-то нервы были железными, и в том, что с ней происходит — винила всех. И отдельно, кто велся на шантаж. Хотя прогоняла эти смыслы, лезли, что им, когда одна, да не одна, возвращаясь домой, в предновогодней толпе. Точно та подруга, свойская — тесно общается с ней. Помладше, не больше чем на два-три года, а четвертый, причем экономист, сейчас хорошо получает, говорит — возьмет с собой в грядущем году на океан. Хочет броситься в объятия и дать здорово. Вы, говорит, не понимаете, что делал. Нет, они все такие — брезгливо отнекивалась избитыми выражениями подруга, — но надо понимать когда с кем. Не отводит разговор в сторону приличий. Раньше стоило брать. Пять назад, да три еще — «вы для чего так сморите», — спросить

могла. И той придется отвечать, потому что та же, но не эта совсем, — при всем уважении и страхе перед общими друзьями (поняла, спасибо) — пришлось всемерно поддержать в борьбе. Никому не позволено смотреть будто многое дозволено, победоносно на человека. Пользоваться эпатажем. У нее закипает там, где котят дыша, а минуту поговорит, да «не сейчас» — что будешь переубеждать, после всего произошедшего. И снова возвращается к своим воздыхателям. — Вы для примера, — акцентирует, — а сама чувствует, точно последний, на пару с этим обращением. — Тоже рекомендую кого. А так и до простоя доберется, или вам — нет важного, — и она, что продвигала полтора десятка лет — хихикнула, отринув знакомое в голосе. А ведь только что такое отношение можно было наблюдать в подчеркнутых ссылках на запад.

Пять лет смотрелись хитом главка, но сейчас феноменально блистает. Чаруя блистать где — в очередях в банке? На лавочке холодно. Эти кофта и салат достались за умеренную цену, честно говоря, убедила она — «не одевайся под социализм, а то останешься там же, где дневала, помнишь, когда сказала, не надо».

В заднем кармане — «что-то было». Осторожно просунула руку — холодное, выдернула со стоном, и тут же прикрыла рукой свободной рот. На руке, — красное. Свернула во двор, прислонилась к трансформатору. Подушечками терла одна-другую, ни пореза! Московское небо оставалось безучастно. Мозг исправно штамповал события: кто-то кого-то, еще и взял за портфель и кинул в карман, что только — и чего-либо там быть не может, — оттопыренный клапан («а сейчас — вот так» сладко нараспев вещала игриво, точно подруга давеча, подглядывая на идеальную фигуру с волнующими деталями).

Прислонилась к уместному дереву спиной («удачно прислонилась» — комментировал мозг) и, не глядя — второй вытасила обломок гранита, пахнущий строительной краской. Точно не смешно, или разборка. А ведь придется с заявлением идти — кровь ведь до конца не отстирывается, — а то посадят, не пойми за что вообще, сейчас не докажешь! Вот

и до больницы еще прогуляться решила, кормила с полчаса.

В первый и единственный раз дрожала до этого дня не от холода, тот именно, он, предложил целоваться — «никто ведь не узнает!» Тогда и на следующий день потряхивало — вспомнит всего, облизывающего медленно привлекающие губы, и спокойно говорящего по-взрослому, словно не она его на два, а он на десять — «Ну как хочешь. Надо ведь делать что хочешь!» Что будет, все начнут делать что хотят, анархия, насилие — точно на полуострове начнем жить, где негры проходу не дают, лезут, накоротке, простуды. Положила предмет в нагрудный, завернуть нечем, даже не озаботившись попросить помощи у чего-то, потому что нечем гордиться, круговорот греховный. Теперь и тут в этой, очень похоже, крови, а та не отмывается — улюлюкал глупо голос. Все с последних дней. Кажется, сейчас могли арестовать, была бы рада, все так просто хорошо понятно в общем кончилось. По дороге не назло спешил по своим делам грузовик. Встрепенулась, сделала пару шагов вперед, что испугало много сильнее, бросилась за угол, по тропинке — к ближайшему дому, лишь не заметили бы чего такого.

До дома всего двадцать минут. Лучше дойти, в транспорте бесстыдные, вы извините, ряхи. Молодые, а в их годы. Не поехали за запахом таежных распадков, асфальта испарение придает теплему времени года приятный пряный немного цитрусовый аромат, точно лучше, чем кладки битума, о чем недавно только говорили. Что с нами будет после, успокаивала чем можно, делая усилия, чтобы не больно бежать между потрескавшихся фасадов, знала каждую выбоину асфальта тропинок, каждую помойку, за сколько обходить, но все это казалось чем-то не тем именно что сейчас. Хотя конкретно здесь, на знакомых с детства тропках района, каждый раз приходила эта мысль «что будет с нами, обычными людьми». Ведь потеряли такое прошлое, втоптали в неприязнь личных разборок и кривляний, старшие не виноваты, просто они — не смогли пояснить. Почти безропотно отдали жизни ради благополучия миллионов, куда девать. Кто бу-

дет флагштоками нового поколения — уже не готов работать на износ, все для детей — очень правильный, соответствующий современной жизни, не девиз, проверка.

Не все, конечно, такие что могут и хотят, это сказалось на ее личных делах. А подруга, что так вошла в жизнь, объяснив то и это («Называйте меня просто, но лучше полным, представляете, рисковали родители, давая такое имя при тогдашнем начальстве») — не одна, кто спорить начнет. И ведь сильно их жалели мы, идейные. Берегли от выговоров. Одна в себе, другой — на здоровье отжимания, не верили, делает, третий — добродушно глупым представляется. Пир закатали на пожарище родины, еще и кичатся — «не такие мы, ноги вытирать о коврики».

Главное, дома ничего не заметили бы. Мигом набегут, время не от, они там, может и ждут. Что придется, напомнят. Душу летящую выкрутят, почему то.

Или очень не права отчасти. Зачем нести такое в дом, бросить здесь, но ведь там повсюду отгиски. Эти двадцать минут стали адом. Представляла обеспокоенных домашних, но наверное не повезет, и на работе будут ругаться, не привлекая внимания. Сейчас не столь ценно, не стоимость чьей жизни.

Они действительно ее интуитивно ждали. Всегда ее очень переживала, когда опаздывала. Нельзя сказать, дорожила больше остальных, наверно даже меньше, и бывает корила себя в том, с чего начинала ее кликать междометиями, а потом еще больше — и чувства к ней самой, супротив непонятного инстинкта отторжения в отношении нее же — становились сильнее. И надо тому произойти — он в фаворитах, а она достойна антитезы! После новой женитьбы сама резко изменилась, стала избегать откровенных разговоров и вообще ушла. Так говорили, последняя не соглашалась. Мигом рухнуло. Государство, что обещало быть надежным подспорьем даже в быту, украло сбережения целых поколений! На них прохлаждаются непонятные герои нового дня, или те пришли на помощь, а сделанные сбережения, ведь намекают, кто разбирается, уплыли за океан, и народ так ничего и не принял до-

стойно. Ничего сверх. Да не этот гримированный, могло ведь повернуться в нормальную сторону, ужели все один заговор? Не могли же наших, — купить враги? Где эта баламуть?

Очень нравился главе дома ее муж, — Картер. Очень вежливый предприниматель сразу стал важным предметом обихода, но сейчас, сама приползет, не успеет минутная стрелка добить час. Еще и жаркое не остынет излишне.

Не была ей близка, в общем, дочь. Иначе, Картер, пристойный человек. — Ее простой быт — старый красивый южный фаянс на сушилке в треть кухни и еще диванчик, вазочка с искусными цветками. Как вся наша жизнь, сказал однажды с похмелья хамски зазевавшийся поздний гость, отхлестала. Потом весело смеялись вместе. Хорошо было, не так чтобы вовсе давно. Неужели все, где там она?

В окно, между балконом и торцом дома, увидела вконец быстро, опять что ли на нервах? И где только, идти хорошим десять минут. Зашла в ванну и потеряла зеркало — что-то не понравилось, спешила открывать.

— Чего долго? — та не слушая, быстро прошла в сторону кухни.

Она на самом углу обернулась и трогательно, словно в детстве — за что многое прощалось, сказала не взрослым ребенком — «переодеться».

И пусть, — подумала та в ответ, проходя кипятить чайник.

Достала предмет. Смыла краску, скорее кровь. Вытерла половой тряпкой, бережно завернула в оторванный ее кусок.

— Возьму твои штаны?

— Зачем, — та вышла из-за угла. — Почему без белья?

— Очень, знаешь, жарко в этих джинсах, а Кимберли говорит, надо выглядеть на тысячу. — А снова также печально улыбнулась, но эффект уже прошел — в глазах она отчетливо усмехнулась. Впрочем, надо говорить, смеялась, сказала бы та, но вместо поморщившись, дурость и только, просто кивнула в комнату, и быстренько побежала одевать, можно, те штаны.

Отмечала все, что происходит, выносила свободное суждение. Та вначале думала, трогательно, на самом, знала — задумалась. В такие моменты всегда вспоминала своего, встречая на этот раз загодя, ни на кого не глядя — а пришли все! Как дружно жили! И на. А беднягу ее недавно чуть не ограбили двое, оскорбляли — мы, вопили, националисты. В стране победившей мировой империализм! Без шуток. А с ней что говорить. Ей все про цены на технику, ее зарубежную историю! Кому ты сейчас нужна со своим Гольбахом. Еще и своего запустила совсем.

За третье поколение была спокойна. Поживет, что теперь увидит! И чего не посмотрит. Голод. Войны. Немного лишь, не тут.

Она человек. Знает жизнь. Вот новые, — жаль. Такие у нас росли красивые, умные, честные, но изменилось с приходом к власти этих. Вот кого этих? Почему все разрушилось? Хорошо жили. Дружно, весело. Была цель у каждого. Перегибы. Посмотрим, куда тут перегнет. Или уже не увидеть мне.

— Ты чего вообще? — что ты, разве можно так говорить. Всем хорошо, приедается. А кое-чего хочется, часто в не готовых чувствах. Или все ерунда, что читала вчера. А надо спешить.

— Зайду через минут сорок, ждут, чая. Не думай ничего смотри!

— Чего начинаешь!

— Честно. Вообще веселиться будешь, правда помнишь, на юге?

— Спасибо. Ненадолго?

Позвонили. Побледнела и хрустнула пальцами. Та приятно спешила: кто? интересно!

Что там он, после вчерашнего, села за стол и налила в пиалу пить. Смотрела в окно, расслабляя черты. Все дворы просматриваются, стукачи не дремлют. Знала. Одни и те же барражируют граждане. Захочет — потому что пугающее тело вчерашнее, обычного человека ощущения — предпочитала на внутренних резервах, или у этих приоб-

рести, хороших. Всего на четыре года, а звал так, что лучше вспомнить после. А что такое вчера, для тех, кто знает будущее? В детстве, беззаботном светлом советском, так было. Пели птицы. Яблоки наливались. Все могло и присниться, точно порхание ее молодой при заправке. У нее пеленгавали достаточно сильные мнения. Взгляды — не смелые, но с потаенной пленительностью. Одеть ей стилизованную накидку и — мечтал он. Но тут Союз распался, вся семья перебралась в Европу. А не на Мэн? Этого завязавшиеся отношения не могли пережить. Через пять приезжали стыдить, что был тем, кто помешал поступательному развитию бизнеса! Будто о лакомом, не гнетущем, таком в хорошем смысле слова, лучшем ощущении от своей, точно от раскрутки через профессию. Споро понял, нынешняя ни о чем (таким не думая), и год от года отделились окружающие. Занимался то тем, а то не тем, правда, бывает, сверх позволенного на дню, отринув все и всех, для лучшего отношения. И ведь ни разу не спросила «товарищ» — зачем так пьешь? Нужно ли объяснять про него. Разве сам, от забвения погрузился в бесконечность обвинения от вины; проходя мимо культурных заведений, когда навстречу проходили две, три вполне современные. Пойди. Сказала не злобясь, словно отвечая. Точно знала, воспринимает совокупно это ханжеством он, нормально. На все ведется — не ведомый. Можно только поманить, — да кому нужен! Знала про беседы с себе подобными, не мало смотрелась через вагоны. Она — для всех лучший друг. Воротить, наверстывать. А откупаться принудят? Пришлют кого? Сейчас легко уволят, проходит по следующим эпизодам. Та-то известно не просто, новый совладелец. Что наперед ней исполняет, сказала, уволит, не станешь вести подобающе. Вот и пей терпкий кофе с не своим. Вторая опытнее, видно на службе была, не из последних, работала не на государство, но примерно. В вязи с правительством. Они везде. Думаешь, твои мыслительные акты действительны из-за тебя, нет — условные они не посчитали нужным, что ты не будешь против них,

получить пригласительный билет на грядущие аттракционы. Он был тогда для множества примером. При Советах на улице все с ним здоровались. А половине района вторые заказы, кто помог. Несколько тысяч единичных случаев — теперь старшие так, помладше и не слышали, показывают. Куранты, нравы — люди могут объяснять что угодно, но совершенно непонятно, зачем тогда связалась. Разве нормален. Сейчас бы просто позвонила со спальни, приехал надежный человек. К тому прибавил привычку говорить, что меньше нужно. После торжественного открытия третьего отделения подошел сильно не интересный, но вполне привлекательный, и весело задал вопрос — а ведь ваш мне родня. Послышалось, без вас ни дня. Нет, он журналист, специализируется на технических событиях. — Схватил по талии и ясно сказал — да ты ананас цветущий просто, но я финиковое дерево в расцвете, он твой, и поверь, знаю, надо всегда говорить легкую правду. Да я на его вечеринке, вдвоем, а он напился домашнего, и в боковую на гостевом. В комнату кто-то вошел, она сколь можно непринужденнее обернулась неженкой. Вот где.

— Добро приветствовать, — были на «вы» с ее стороны, и наверно не более пары случаев, звала фактического хозяина обычно — был им таким близким, наверно, появился здесь не просто так. Хорошенько понимала, что такое за программирование. Он бывало отравлял приятные деньки! Ругани не получит. А еще падение к ногам по воскресеньям, и половину мира за царство! Здесь неприятие других, явный сексизм, но тогда везде привидения в нехороших домах доступны. Дабы задеть тебя, долой переключать все подряд! Третий час! Тебе ехать. — У меня половое возбуждение, признался однажды он. Почему не сказал загодя? Что ты, знаешь ведь, жалуется, на три буквы тетешкает. Его женщина в себе, но выглядит, не знаю для чего. Посмотришь, не переживает, на простой должности, но, знаете, пристроен. Кто первый день, на нем. Был что ни вечер, когда пил (опять) или еще хуже, ругался на власти, наслаждаясь никчемностью их.

Подошла и выбросила резким движением предмет в контейнер. В другой отправила сверток, полила дорогим ацетоном. Почему? Больше дома на балконе ничего не подошло. Зачем жгла? Кровь на вещах может и не выгорит совсем, — кому разбираться. Победила растущую боязнь. Подбросили — провокация, уничтожила, что может к ней привести, плюс чтобы не пострадали от возможного заражения, проходящие мимо помойки прохожие. Почему не пошла куда следует? Право. Семья, студенчество со стороны, практически несовершеннолетний, в смысле, куда ему, и ее, у него тоже не все, плюс эти на ней.

— Женщина, что вы делаете?

Обернулась, увидела женщину. Кто она? Ребра сжались недовольно.

— Зачем подожгли? Пила?

— Сама пила, — ненависть к тем, кто называет женщиной, а не девушкой, особенно, как эта секси, была сильнейшей. С чего она пила? Ты бы съехала от кошмара, найди такое в проглаженном кармане. Лакированная.

— Это не мое, — ответила тем не менее, посмотрела в лоб.

— Видела, поджигали.

Тут решила согласиться со статусом старшей.

— Тебе помочь?

— Курточка, — да зачем вы контейнеры подожгли, может не просто так. Одеты, смотрю, подчеркнуто красиво, но чисто, видно и одежда у вас куплена не за копейки совсем, сапоги не второй поход, наверно, тяжело в них, пока не совсем скользит, или еще пройдетесь?

— Не обязательно хамство. Что ты мне рассказывать думаешь.

— Сейчас своего позову, постоит, а я сбегаю за кем надо. Что-то вы подозрительно отвечаете, — та ободряюще изобразила бурно веселье. Лицо изменилось, приняло недоброе выражение — явно не могла совместить стремление быть девушкой имеющего все, и порочную тягу к достойным. Можно назвать это желанием, и что нравится, так редко бывает и столь

сплошь видно стоит точно потерять — вспоминала правила поведения на улице, улетучиваясь. Оглянулась, вдруг бдительная не побежит, но из тупика набегал уже прямо мужчина.

— Лови! — кричала прохожая. — Она пожар сделала, поэтому уносится.

Один раз была на матче чемпионата СССР еще, не помнит по чему. Чуть ли не пятый в году. И там один так пропускал мимо себя раза четыре соперников — и дважды после одного и пары таких финтов — за ним. О том говорили, кого уважала заочно, перед ними на трибуне.

Спутник агрессивной прохожей летел нормально, слышала победоносные отдышки, догоняет.

Мадрид бы сказал — ты меня душишь, не ревя. Ей одной. В один. И когда враг находился в пяти шагах, уверена, предвкушая, сейчас даст беззащитной жертве хорошую трепку — было видно по перекошенному буквально, и так достаточно неприятному. Обидному. Лицу. Эскюз, но именно здесь иначе не скажешь, простите что живу. — Пой, моя жизнь нужна для новых проектов, песню вашу, предлагал он, и они пели, чуть танцую, потом начиналось что-то непостижимое — обращение, изменение, рождение нового человека, что важно, продолжить свою линию, полагала, не вышло четко подсечь, так что немного еще убегала, пока нападавший, заметила, на бугристой земле.

Бросилась в ноги и нанесла несколько незначимых ударов, повалила, и глядя прямо в монаду, спросила:

— Сломать хочешь?

— Тебе хребет переломлю сейчас, — а его, ничего не понял.

Красавице—прохожей показалось, парень поскользнулся перед этой брутальной (не только тем пленительной) девушкой, потому что быстро неся, а что драться ее умеет, знала — недавно получал разрешение, видела, реально в спарринге так разнес качка (вот всегда они).

Блондиночка была невозможно желанная в этот момент! Нет ничего сексовей (когда это слово отживет, и вернется

без него формирование приватного) — к сожалению для нее, работника со стажем и грамотами по годам, в русском сегодня нет адекватнее критерия. Нет ничего лучше — чем лицо нападающей ничего так спортсменки, но не для нее. Ногою пнула два раза по парню. Показал, сдаюсь. Встала, и перехватив нападавшую, по инерции танком по траншеям шедшую, но уже с немного другими намерениями после увиденного — замечательно ударив. Та ценила, в их нечастные встречи на собрании, и раз за месяц на продуктовых маршрутах микроса, где снова один запал. И так не сладко пришлось, законы физиологии сформулированы грубейше.

Выместив на напавшей совсем не все, что хотела, пошла к сидевшему понуро с разбитой гордостью спутнику.

Даже не сопротивляясь, взяла за плечо и сказала — мой, или поломаю?

— Извини?

— Мне сейчас нужен мужчина. Туда-сюда.

— Хорошо, — покорно согласился молодой человек, — всегда жаждал подобного, или привык.

Примерно показав, что не хотя, спустила штаны и уместно эстетично пригнулась.

Давай.

Спутник, хотя ему досталось, очень сильно получилось возбужден — что она за женщина. Потрясающее тело. Все-таки природа немного мудрее, чем думаем, делаем конкретные и определенные выводы. Трезвил вид подруги с такими, хотя и безопасными, но повреждениями, в общем, справилась с собой — снова получать не захотелось.

И только приблизился, схватила и бросила в землю, так что он тоже отключился.

Улыбнулась, — и произошло небольшое чудо. Шар с выдохшимся гелием прорвался из столкнувшихся туч, впервые за неделю, и начал падение на здание по курсу.

Решила поехать на дачу к знакомым, переждать череду дней. Следов нет, эти опознают, самим влетит. Когда отплатит. Ей кажется, они поняли и усвоили. Школа. На случай с

запада. Раз не понравились — потом еще можно повторить. Им по характеру объяснят — не хотят через восемь лет отбыть на основании надгробия, не надо заявлений. Всесильного своего согнали в отставку, и сменилось многое, но и все не те. Надо было заняться с ним этим, даже и там, а соображения о безопасности взяли верх. Что она на такое способна — никто не проверит. Многие замечательно знают.

Криминал притягателен для героев, лишенных спорта. Что знаешь. Общественные мифы, истории, публикации журналистов, фильмы на видео? Конечно, беседовать о грабеже населения в ходе пертурбаций, мухлежом, такое подарили слово с индексацией вкладов, деноминации, когда грянет, после денежной реформы обычно приятно общаться. Всего раздела собственности непонятно кого и с кем невольные свидетели. Что! Понимала, его профессия всегда обеспечит хороший достаток? Печалилась — и в слезы, и бить чашки, за последние годы приобрела репутацию. Рядом всегда надежный он. А тот может и выглядит основательнее, а смотрится расклейщиком, не дашь. Этот же привет из той эпохи — есть там. Ужесь мы все, говорит современная биология, и заповеди праведников. В жернова. Чувства. Или мне просто не везет с такими, начинал, залив с утра что повелось.

Далее перечислял своих главных противников: тот — обманул и отбыл восвосяси, она, за вчерашнее, хотя не знаешь где здесь подождать и принять выгодное решение.

Не часто, но бывала у гадалки — в восточной части, не у этих. Та прояснила, была в прошлой жизни мужчиной ты. — Нет — протестовала решительно. Прорицательница более пристально взгляделась в глубину магического металла. — Правда. Тут много чего с твоей минтакцией в прошлом спутано. А была такой же весточкой, прости, деньги не при чем, я и считать столько не возьмусь.

Въехала по не могу. Или вот, а ладно впрочем, еще поглядела, чего теперь полагает нужным показать, они все могут, хотя примолкли невольно. Младший в курортном месте познакомился с такими ребятами, на год всего старше, там

четыре девушки были и два парня с институтской группы, не скажешь, опять эти гуманитарии. И он признался ей, что тут у него есть. И уже целовался. Даже больше, хотя не было поначалу желания делиться. Ты представляешь! На следующий день увидела компанию у женской кабинки для переодевания. Возможно, придумала ландшафт чуть позже, иногда переигрывала, именно тогда поступила не очень, а может быть, правильно, реально мягче бы, молодежь, зачем так напоказ?

Знала заранее? Нет. Порыв. Наверняка поглядывали на стыдящихся, вчерашних этих. Великовозрастные, не хватает порки. — Не бей их. — Подошла к нему, и дружно поцеловав в щеку, не громко сказала:

— Которая тут девушка по вызову?

— Женщина, — глава шайки, наглый пацан, вот почти ее, но только продукт родительского невроза. Воспитать не ребенка надо, человека. В общество. Воспитывать вообще, что ботинки чистить, и схватила первую из бросившихся в рассыпную девушек, бросила через себя, откуда только в ней, может было что раньше, или это моральное давление так воспринимается от телевизора.

Пояснила, ей показалось, эти наглые люди грабили чьего-то сына, очевидно, школьника. И вот эта — показала на брошенную девушку — ударила ее ребенка ребром ладони прямо по лицу. Что вы такое рассказываете! Группа подростков и учительница — в широком смысле, и даже не учительница, преподаватель высшей школы, заслуженный лектор, доцент, бросила, не мера по себе! Несовершеннолетним пиво продавали — видела сегодня дважды. Ей же тень. Эта излишне активная, все оценили, девушка сама напоролась. Пошатнулась, бывает. Люди не такие пируэты делают. На обычном уроке физической культуры. Представьте только. Очень много времени уходит на репрессии сознания в отношении выбора. И невозможности изменить предыдущий. Что скажет теория выбора решения об этом — вот словно эти сентенции, которые без изменений ежедневно, они ви-

делись постоянно, слышали благодарно ее соседи, это имя там по случаю.

Аппетитные формы, спортивной фигуры учительница — вот так обошлась с девушкой, подростком! На глазах собственного сына? Деточка, зачем молчишь, не хочешь жаловаться на новых друзей? Я тебя и научила, но не забывай для чего. Сам видел — что тут за друзья? А девушка, в полные ее два десятка способная на такое. За невидимой линией. Я много подростков видела, со многими откровенничала, на ты со мною. Сейчас очень хорошие есть. Мыслят о будущем государства, да трудяги. Компенсирует им хорошее поведение кто в жизни. Но данные — просто ведь малолетние, и хулиганы.

Вспоминала последовавшую сцену, приятный момент жизни, взяла неожиданно для всех — все группа не двигалась в кошмаре — за плечи ближайшего парня и стала плавно сжимать — Я тебя трогала? Ты, понимаешь? Сюда смотри! Что сейчас не такой обнаглевший. — Двое повисли на ней почти без команды. Парень приятно хрипел, не отпускала, двадцать держала секунд, вдруг резко упала на руки повисших. Да что же это! — Вы почему себе это позволяете, гражданка! — Я в первую очередь женщина! Им что можно, а мне нельзя — вон зло смотрит, пользуется возрастом, испугалась, он бы ударил. Замахнулся. Ты видел? ведь замахнулся? Да, отвечал ребенок, и тут выяснилось, кто из этих пацанок его пассия — девушка вскрикнула — ты мне говорил, она авторитарна и подавляет, мечтаешь сбежать из дома. А я еще занималась с тобой кое-чем. — Почуяла, вкус независимости обрела в моем юноше! — Мы целовались, — девочки вместе засмеялись. — Правда сказал им это, — спросила родственно нежно своего. — Не им, — произнес не своим голосом он. Ей. Я без ума от нее. Но — и послушай, Грей, он правда немного замахнулся на нее. Было же. Ну показалось, даже мне — вам нет? А у нее реакции, она может, помнишь, — на помнишь кивнул тот, которого держала, но ничем не выдала ребенку, что видела. — Как ты назвал эту, растущую поборницу по-

рока? — Она американка? — Да, мам — Грей, из Детройта. Я хочу уехать с ней кукурузу собирать на тракторе с ее родными, у них на юге прерии.

— У нас же нет там родни.

— Да, но у меня есть.

— Ты все врал, — сказала влекущая и в печали Грей, — выбирал бы себе ее кого попроще, ишь ты головой машет!

— Бэйби, я все объясню.

— Бейби было лишним. — Подошла к этой. — И что ты мне сделаешь, — на ты спросила нагло американка, ведь врут, обычная подмосковная девочка.

Шутки в сторону. — Эх, ее бы эта понравилась. Лет через так. Будет искать опыт, все на себе, нет. Сам разыщет. В паутинах иллюзий не внимать пути выхода из лабиринтов решений, когда спектр разных эмоций превосходит баланс точек зрения.

Первый был философ. Находил время поразмышлять. Положение обязывало, и словно жизненная ситуация включала и некоторые другие аспекты, при том не было ряда конвенции атрибутов, — знала, о чем говорит. А до последнего скорее молчала. И с ним. Когда в поиске был задан референт «штампы», а на границе у ее нашли печати на сто пятьдесят тысяч советских рублей. Вопрос, кому было выгодно.

Отпустили через всего два часа, пока пили, тренировали на английском фразы — задерживали свои, а граница, и вообще думали долго будут сидеть, позвонить не знала кому — набрала Аконту. После нескольких очень личных ситуаций, его голос порою действовал ободряюще, уже раза три звонила, с той стороны света, с Кордильер — казалось, там точно все проблемы решены, и есть крепкая здоровая, полная воздуха со скалистыми заснеженными пиками на востоке заводь нагих буйств, силы мира, бодро отвечал сонный бывший. Тогда повел себя иначе не назвать, не порядочно, но его голос отрезвил. — Ты, — заорал ненормально в трубку — непроходимое болото, когда связала жизнь с таким. Но я сейчас порешаю, и надо действовать. Жди. Минут

через десять отпустят. И не звони недели две, мне нравится, но не импонирует.

И зачем-то присовокупил. — Тоска обычная раньше в чести была, на пристройки, а сейчас а la встречи во фронт, где враги перестали жалеть противников. Так думаю о тебе, не о физическом объекте, девушке с этим оригинальным целованием, знаешь, мне приходится чувствовать. Была красивая, стала неприступной. И с чего ее там делает выводы, ему сдался по работе молодняк — он и с первыми до нее почти не встречался, а после их недолгих прогулок не всегда было. Нынешний пахал в управлении. Там часто менялось название. Бывало, начинал рассказывать про специальные механизмы, новшества в техническом оснащении оборудования для электросетей. Бодрый обыватель, не утомленный после рецессии. Поежилась. Но ведь отпустили. Спрогнозировал верно. Получилось, связан с кем? По работе, или бизнес. Где? Сейчас вызвать. Доберется до таксофона. А, что там. Жетончик, так предыдущий, на счастье можно сказать, вот, тут он пластмассовый.

— Привет?

— Я уже все глаза проглядела, деточка, так же нельзя! Моего справила на поиски, — точно предполагала, напала.

— Извини, мне очень кстати нужно было встретиться.

— Прямо нынче. Мне две недели надо до химчистки добраться, будет холодно, сколько делать будут? Не сейчас, теперь что. Куда твой смотрит? С другом опять.

— С кем? — не одобрила. — С шума улицы звоню! Немедленно нужно Проста.

— Слушаешь вообще? Твой пока, похоже, сбежал из больницы и квасит с дружками, говорила, с плохой компанией поведется, добрый в полдень. Наговорили! Состояние стабильное впрочем. Она на улицах гуляет. Соседи с ним.

— Неудобно очень, повторюсь, но здесь на улице пробирает, один друг наш оказался, и он ему должен, а контакт потерял, отдать хочет. Долг — важная причина, угроза, что кто-то взрослый и серьезный, посторонний, «по работе» ждет сейчас адекватности — переменяла родительский настрой.

— Пиши, — записная лежала раскрытая. — У меня два, еще с первой работы. Оба пишешь.

Пальцы возбужденно дрожали, дешевый шарик царапал обрывок офисной бумаги.

— И марш сюда! Не ровен день, заявится с «лучшим». Разнесут все. А твой — бежать от лечения.

— Десять обычных минут — у тебя, — и повесила, не слушая нарастающие благодушные, но рвущие в щепы трогательностью деталей души сокровища, вроде «красного лучшего шарфика», «царского варенья».

Он ответил на первом гудке, сильно вздрогнула.

А ведь нет никаких бронхов, объясняла не ей ЛОР раз, просто дыхательные пути, трахеи переходят в легкие по таким трубкам. Есть вот трахеит болезнь, но это конкретно заболевание трахеи, а когда воспаление чуть ниже, но легкие еще не задеты, называется бронхит. Болезнь есть, а органа нет, вот и со страной одна тень, что ни взять — темно и тоскливо, воеет пронзительно, ничего не требуя взамен, ветер от лета.

— Привет?

— Только, — не бей трубку! Узнал?

— Конечно, — не эмоционально, отвечал он. — Что у тебя?

Смутилась. Действительно. Ведь все ее звонки — что-то надо только ей. А даже на психологическую помощь от него рассчитывать не вправе, хотя что не повесит односторонне. Ведь из-за нее такой, а не другой. Конечно, не она виновата. Она не показала ему, что такое «взрослая жизнь», не сбежал от увиденного в комнату.

— Прости, стало быть. Знаю, причинила тебе много зла, и не дня не прошло, стыдно. Прав, нужна помощь. Не думай, что взваливаю на тебя снова, — решай. Просто некому позвонить, мне успокоиться, понять что делать, а ты много знаешь.

— Мне тоже некому больше позвонить, понимаю. Не томи излишне, чего приключилось?

Вечно у него эти прибавки на непонятном языке, словно конкурс «семьсот лет крещения сегодня». Помнится, убедил их, что назваться нужно более четко — тоже вполне

легальное обозначение для определенного круга интересов специалистов в области теории.

Вот ведь! Не знай его, сказала бы про «ученых». А тут, взяв на себя — выражается «специалистов в области». И что в этих нагромождениях труднопроизносимых можно найти, кроме чувства собственного интеллектуального превосходства. Кто еще кому!

— Понимаешь, — говорила тихо одновременно с нахлынувшими воспоминаниями совместной жизни, — учти только, с улицы, скоро кончится — я в кармане нашла кое-чего. Похоже, в крови. Подбросили, грешу на малолетство гуляющее. Мой в больнице, его кто-то побил, ругается, — а моя, просто не поняла чего-то, нервничает сейчас.

— Новые поступления платьев.

— Сейчас в Москве. Перезвони с обычного. Побыстрее. — А знаешь такого, Планетари?

В мозге кто-то стучал изнутри, просясь наружу, хотя ничего на этой улице кроме трубы водостока примечательного не было, и резко вдруг дернул вниз, руку с трубкой. Отвечая, похолодела почти вся, а пятки горели вместо щек.

— Что бы нет.

— С этого бы и начала! — подхватил он. — Ни в коем случае не встречайся с ним без меня и наших, тут, в февральской Москве. Менять буду реальность на новые рубежи. Не звони больше, приезжай.

— Куда? — больше всего предпочитал на ходу менять планы, а еще она виновата оказалась. Всегда женщина виновата, говорили родители. А ты с ним больше двух часов была?

— Ты один там? — не совсем в смысл спросила, все более забывая причину разговора.

— Нет. И давай скорей, тут не то это.

Лишь начала говорить одновременно две последние мысли, но время. Откуда узнал? На пьяного наткнулся, что поддатый поведал?

— Вот вы где, — обрадованно раздалось за спиной.

— Я сейчас, — отвечала, не думая, голос знакомый, по-

казалось, ждут чтобы освободила будку. Но там стоял Вирт.

— Вы совсем маму понять должны, — объяснял он. — Заранее бы делились планами, пирожки третий раз подогреть ставит. Так расстроились, на свеженькое не успели. Щи стынут. Сказала, без вас не даст никому, сама, вижу, не ела с утра, готовилась.

— Мне надо еще куда.

Тот мягко, словно нерадивую наседку, подхватил и уютно предложил:

— На полчаса домой, потом вступлюсь, сможешь ехать, — иногда все же «ты» проступало, звал на «ты» про себя, но на все предложения «сам хочет» перейти на «вы», отказывался, хотя даже пили. На свадьбе. Сам предложил, и не дав закусить частью огурчика, даже выдохнуть толком — залепил рот гигантским немного колючим поцелуем. Вначале думала только о том, чтобы не отстраниться, потом резко в испуге чуть не оттолкнула его, показалось, не просто целует по-славянски со страстью в щеки, а просовывает в рот слюнявый бок языка.

Потянула на себя руку, он, учтиво глядя в глаза не пустил. Она тогда расслабилась слишком, сидела допоздна, обсуждали, как от выпивших отвадить.

— У них нет такого, он же не виноват.

— С чего — не распыляется, — не соглашалась, делая пугающе-комичное ударение на «не» ее. — И они захохотали. Не притворяясь, в отличие от зашедшейся натурально в истерике своей, видел расстроенный взгляд ее, падая, изображая на выстрел — «ну хватит», одновременно подливая в шипевшую сковороду, не глядя, масла — беглец и мидийцы. Пиетет к эпитетам, эпатировав квартой.

— Стала ксенофобом? Ненавижу, бытовой расизм.

— Зачем ты, хорошая. Смотри. Такая у меня с двойками приходила. В угол ставить не нужно. Несамостоятельность! Сама плачь, поборница европейского равноправия. Даже твой, и то что-то во мне понял.

— Что за национализм? Кто-то бы очень удивился, — и смотрела в глаза своему.

Взгляд не отвел. На вызов тортики предстали добрее, не смерил взглядом, не возмутился. Утонула в них доброта в подчинении и ответчиках за твердость, адекватная строгость.

— Хороша, работаешь! Проказница, мастерица! Столько в вашей талантов — не устаю поражаться. Да более счастливых мужиков, сейчас нигде нет. Современные объединения женщин эмансипированные, дисциплинированные. А семьи забыли за погоней за карьерой — могли осваивать фарс.

Женщина — мудрее. Слушала, переводя взгляды с девушки на него, откровение, обязательно не перебивать.

— Националисты! Вы — ее такой сделали! Вы и этот ваш не забей гвозди, комплекс на всю жизнь забили, были поселены между близкими вражда и переполох.

— Где он, — живо помнила, неповторимо вальяжно возразил он.

Она всю эту историю принимала. Ближе человека нет. Подлинно совестливый! Смыслит, смотрит с кем и что, воспитанный, жизни хочешь элементарно. Инициативы. Прост человек, бросается.

Вначале почти не общался с новыми родственниками. Но за последние три года стал лучшим другом. Даже любимый, на дух не переносивший все что с ним связано, готов был на руках носить.

Настойчивее потянула руку, и вдруг что-то холопски взвилось, не контролируя себя рванула руку:

— Отпусти! — впервые назвала на «ты», стало неумно жаростно.

Рука не выдернулась. Тогда ударила прицельно ногой, пригнулся, но руку не отдал.

— Ждет, хватит вести себя таким образом. Давайте.

— Пусти! Кричать примусь.

— Да чего.

— Слушайте, хороший. Скорее отпускаете.

Неожиданно тот отпустил, и неприятно (сколько раз говорили дома — вот такой он) устался.

— Бегите. Значит. Ваше право.

Без выражения посмотрела в его глубину хамства, и бросилась прочь. Хорошо, надела удобные польские кроссовки, хотя подруга однозначно говорила — «только туфли. Спортивное — для мужика».

Сырой хмурый город, Москва повернулся теперь спиной, стала чужой, а сама — бушпритом ледокола. Пару раз оглянулась — никто не преследует, но до метро продолжала бежать. Из-за каждого куста и тени на грязных панелях вылезали, казалось, милиционеры, этот развязный, разные личности. Тут что только не делали соседские мужики перед тем как прийти домой и увидеть все то же самое, стеганый тюль, собранный в уголок подметенный мусор, индифферентных детей, и свою, которая берет с них, что оставили на работе. Она о том не думала. Была с той стороны — жратвой.

Береттой припозднившегося, бравого начинающимся застоєм якобы, неблагодарного отрока, кроме «паинек» не имевшего в жизни интересов, сколько вбухала, и ее с ее вечно только выключенными пирогами. Лишь бы не начал ржать!

Бежала по знакомым оградкам к метро, и жалела, что не умеет сдаваться, проели большевики тысячелетнюю топку, поставят паром, разрешат катамараны, не вялую ресторацию.

Глава 4. ТЕПЕРЬ ДИХТЕР

Не зная с чего такие мысли нехорошие, посмотрела на тарелки в сушителе. Эту купили в шестьдесят девятом. Ей тут делать нечего, побьется еще. И вот — основная миска его и младшей. Из нее дети съедали в полтора раз больше, и все ради аляповатого ежа с непонятым ромбом и лимонного оттенка груш, мы приходим в мир такими. И что воспитание дает!

Нежданный звонок чуть не привел к падению памятных тарелок на пол. Проб. Мужчина! Никогда не надо два раза объяснять. Понимает, нелегко пришлось, и сейчас выхватывает по полной. Другим дети путевки покупают без подсказок. Она четверых, кроме нытья. Забаловала эту, да и тот, когда по-хорошему.

Открывая, думала тяжелым взглядом в закрашенную голубым стену предбанника, и потянув дверь осуждающе через пол бросила винящий взгляд на нее.

Но это была другая.

Растерялась, и без приветствия почему-то спросила:

— Тебе чего? — держа дверь на цепочке.

— Беда. Пусти, — повела на кухню.

— Водицы?

— В целях.

— Не знаю. Не бойся?

— Что гнетешь? Вновь бои? Денег? Сейчас нет. — Предпочитала занять немного, а потом вернуть, рейки.

— Прост.

— Зачем он? — не пропадая в трезвом, всегда ссылался на родственника, и обычно сами звонили ее Лойту.

— Хока убили.

— Догулялся.

— Аконт исчез.

— Говорят, это Проб.

Помолчали. Лейзи сосредоточено жевала женьшень, жестом попросив вторую успокоиться.

Решив, лучше теперь рассказать, все что знает, та было заговорила, но Лейзи остановила рукой:

— Что с ним? Неизвестно где? А Проб! — та решилась обнять ее и они обе заплакали. Но как только удрученные хлипы прервались криком и громким плачем навзрыд откуда-то изнутри в одном из ее красивых домашних халатиков, всегда несших успокоение, частичку детства, в дверь позвонили.

— Лайки наверно. Ты не бухай ей как мне. Точно?

— Лойту сам шеф рассказал. Стала бы я, чертить! — та побежала открывать, худший день в году. Только открыли, а теперь насколько затянется! Еще и от своего влетит, что без него.

Не посмотрев, открыла, вместо ее на пороге стояли два ровных и погожий.

— Аконт! — бодро представился последний. — Здесь проживаете?

— Нет.

— А где хозяйева?

— Она дома, но ей сейчас не очень хорошо.

— В смысле?

— Плоховато. А вам чего?

— Мы пройдем?

— А вы кто собственно — даже не представились.

— Девушка! Или пропустите — или считайте, что сопротивляетесь!

— Ладно, — примирительно сказал один. — Главный группы Мэтью О'Ныни.

— Но у вас форма не та!

— Девушка! Очень прошу! Лицом к стене!

— Помогите! Бандиты! Муж работает где надо.

— Мы сами оттуда, — весело усмехнулся кричавший.

— Я напротив думаю — вы обыкновенные бандиты!

Парни переглянулись и один вдруг прыгнул в дверь, а эти схватили ее за руки и буквально втащили в квартиру.

Лейзи встретила в коридоре.

— Кто такая! Лицом тоже, — задорно обозначил кричавший ранее, протаскивая с другим открывшую не вовремя на кухню.

— Сколько тебе говорить! — отринула та, пускаясь было за ними, — но ее остановил, взяв под локоть тот же.

— Пойдемте, дорогая моя.

— Мой так вам этого не оставит! Дайте позвонить! — А та сидела на маленьком стуле в наручниках уже и плакала.

— Молодец, — ажурно попросил один из них, — ведите хоть вы себя благоразумно, хорошо?

Лейзи кивнула и сама села за стол. Ценности фамильные отдавать так не хотелось!

— Здесь живете, — начал ближайший к ней, но в дверь снова позвонили.

— Кто там?

— Наверно мой!

— Мой друг и младшая, пожалуйста, не трогайте их!

Тот достал пистолет и направил на нее.

— Да что нет! — они метнулись в коридор.

— Вот она, с другом! Сколько у тебя их, извините. Вы, собственно, так называемая Лайки?

— В смысле??

— Слушай, девочка.

Да она этому старшему в прихожанки гордится!

Тут Проб резко толкнул на нее ближайшего майора и почти одновременно врезал куда-то второму. Тот выстрелил, но ее уже был в коридоре. Они отправились за ним.

— Вот недотыкал! — выругался задержавшийся. — Вы, значит, Лейзи Ваш, а вы — получаем, Лайки Нен?

— Да!

— А я не буду говорить, и мой муж Лойт вас из-под земли достанет.

— Кто вы такие? И кстати, что за «Ваш»?

— Не надо возражать, мне все равно. Так вот, так называемая...

— Хватит издеваться над моим именем!

— У меня вам две новости.

Пристал — и к ней! А Проб — найдет настоящих? Читала, что всегда надо выбирать хорошую вначале, так печальное принимается легче.

— С хорошей.

— Вы — не так называемая Лайки. Вы — Ене Анкерсмит-Дихтер.

— Дихтер? — хором спросили женщины.

— Да, Дихтер. Старинная. Сибирские такие есть. Я работал с вашим отцом...

— Вы нас убьете, да? Зачем заливаете? — вторая плакала, хоть ее отпустят! За младшую обидно.

— Шучу, правда твоя. В проеме показался один из этих.

— Так, дамы, вы — с ним, а ты — пойдете, — махнул пистолетом.

— А новости? — на ходу спросила тяжело.

— По дороге.

— Тогда не пойду.

Он еще раз махнул оружием, и она со вздохом глубоким вышла из квартиры. Надо было так сглупить! Это было крайне сложно. Как так оказалась не у метро, а прямо напротив материнского подъезда! А лейзин деликатно взял под ручку и повел заходить. — Вот и не ждал! Одумались! Молодец вы. Наверно и та дошла. Сейчас щец с морозца! — И уже снова выходит, словно это все сон, из подъезда.

Он вел безвольную женщину прямо к подкатившему грузовику.

В автомобиле было еще двое, и один не из них.

— Начну с хорошего. Кстати, можете меня звать Энджел, — сказал в штатском. — Мы сотрудники одиннадцатого управления. Вы были рождены и провели детские, юношеские годы в специальной тренировочной колонии «Заря-12». Вы дочь очень уважаемого человека и генетически практически безупречной материи. Вас зовут Ене, можно и Ене Дихтер.

Вот так.

Вы и подобные — последний кадровый подарок империи. К счастью, программа была рассчитана на много большее число кадров, но и израсходовано — тоже намного выше запланированного. Вы входили в состав спецгруппы, на случай прямой запутанной агрессии превосходящих сил, иначе сказать, просто оставлены на обновление и ремодуляцию фонда. Почти никого не осталось.

— А как получилось, что забыла? И моя, старшая — тоже фондовая?

— Брось. Есть специальные методики, хорошо воспринимаемые экспонаты.

— А мой этот? Настоящий, в смысле. Дихтер. Где? И кто моя эта?

В штатском отрицательно покачал головой с поддельным сочувствием.

— Чего в самом деле? Не сбивай. Страна помнит о вас. Она всегда была рядом. И мы — я простой начальник, — столько лет ждал сказать вам — первому человеку, который войдет в историю... — Энджел вспотел и промакивал лоб углом шинели. — Историю человечества. Поздравляю Вас, Ене Дихтер, также известная как Лайки с зачислением в Первый межгалактический полк Второго специального управления программ «Галактик» и «Галактика-3» при Росгалактперспективе.

— Куда надо полетите, — встрял, сидевший напротив. — Не буянь девушку. Ей не надо всего.

Да они психи! Зачем им понадобилась! Еще заставят делать чего! Откуда авто?

— Теперь хуже новость, — кивнув ему, и хмыкнув, на на лице мысли, без менжевания рек Энджел. — Ваш, Клавенрон — очевидно, скончался, не приходя в сознание.

— Это имени кого, — спросил молчавший сотрудник слева, с эпатажем шеврон.

— Помолчи, — заткнул его тот. — По имени не та.

— На этой, что ли, — у него был забавный высокий голос.

— Имя сам знаешь.

— Ты мне рот не надо.

— Что тыкаете?

— Мужики, спокойно.

— Где родной мой Аконт?

— Не знаем. Там разборка, видимо попали под огонь, пошли в пригород пройтись.

— Мне очень жаль. Но сейчас нужно подумать о хорошем. Насчет грибов, я не серьезно, просто вчера малину заготавливали — все мы люди — с этим вот, — он ткнул в ближнего с важным выражением. — Время. Найдется.

У Энджела начала рация: «Новый! Я — Четырнадцатая. Прием».

— Слушаю, — в самом штатском поднес к уху наушник, долго напряженно что-то там слушал.

— Еще есть хорошая новость! Ене, я знал твоего отца, понимаешь?

— Данного?

— Да, настоящего. Дихтера. Я твой первый тренер.

— Забыла.

— Тебе не тридцать восемь, тридцать два. Года! На шесть меньше, чем в паспорте. Поэтому так молодо выглядишь, превосходные ДНК.

— А с ним что? — известие ошеломило. Она молодо выглядит. Действительно, даже старшая специально говорила. «И что помогает держать кровотоки», — та о велосипедной многодневке, когда перекрыли движение, и пришлось ждать пока проедут в разноцветных майках поджарые иностранные гонщицы. В себе не сомневалась, стали понятны подростковые невроты — после прекращения тренировок!

— Это что за, — вскинулся руководитель.

— На перекрестке, где остановились только, из потрепанной шестерки вышел водитель и начал из автомата стрелять по подъезжающим машинам, из которых в него тоже стали палить.

Парень прыгнул обратно и дал быстро. Все это время из окна шестерки смотрел окрыленный юнец.

— Привет! — кричал он!

— Вот и ты!

То и выбило из привычного восприятия похитителей.

— Задержать всех. Маркс, — диктовал после секундного замешательства Энджел. Оказывается за ними ехали машины сопровождения. Из них стали нажимать на спусковые крючки в подъехавшие нивы.

— Гоним! — приказал Энджел и участливо спросил:

— Твой будет?

— Да, он, могу произнести клятву! Не верите?

— Удачная встреча.

В это время Аконт, стараясь не чувствовать, говорил непослушно:

— Она! В той машине!

— Будет. Обещал позаботиться о тебе, сейчас пойдет охота.

— Что за он?

— Прячемся.

— Простите?

— Предлагаю на «ты». С ним видел, что стало?

Аконт неуверенно разрыдался.

Эх! Не был он в армии. Нашу вот увидел, — думал Проб под фанфары триумфатора. — Неужели прошло? Подъезжали, увидел — щелкнуло. Вышел и на глазах милиционеров стал стрелять, а потом уехал.

— Тебя всегда помнить буду!

Одна встреча может изменить! Когда встретил Чарли, тот был совсем другим. Голодный парень не пользовался авторитетом. Вы великаны.

Пошли в круг — сам, гроза и Камерон Диас. Диасу стало вдруг плохо, немного отбились и при Чарли принял патруль. А он пришел с цепью и положил троих, но его скрутили.

Осторожно открыл дверь, вытащил у все сползавшего на пол ведущего пистолет, направил на пьянку. Забрали, и на с пистолетом у виска замначальника поехали в головное. Замначальника вдруг выхватил пистолет из руки зевавшего Диаса и приставил к лбу грозы:

— Вышли. — Вы двое — поедете руду добывать. А тебя пристрелю.

— Лучше меня! — зачем-то сказал Проб и бросился на зама, тот нажал курок, но случилась осечка. Замначальника не соглашался, пока подоспевший Диас методично объяснял тяжесть действия.

Угроза убийства! За цепь? Спорт не приносит травмы, но люди не пьяных алкашей трясут.

Гроза тогда сказал: я твой должник. Вот зачем бросился, говорил не раз потом.

— Родная! — кричал Аконт, — показывая куда-то за возникшие березки.

— Его бы пожалели, — причитал Проб. — Не стоит детей! Побойтесь, — хмуρο махнул на небо.

— Где твой спаситель, — спросил здоровый. — Рядом?

— Да, — ответил один из них.

И он застрелил вначале первого, а потом третьего палача.

— Не признал? — теперь Проб взялся. Вот и адрес.

В подвалах было с шиком. Вкололи обезболивающие.

Достав бутылку коньяка, разлил по треть:

— Что живы.

Коньяка был ящик. Из закуски, икра красная, трехлитровая банка. Первым спать ушел Аконт. Вколол Диасу еще, чтобы не проснулся жутко, ему не стал — рано. Фобий не было, но тянуло выйти. Постоять на воздухе.

Тир вышел.

— Прием! — позвал мерзкий посвист, из темноты выплыл Проб. Тот чертыхнулся и сотворил крест.

— Что нового, — смерив шофера взглядом, сказал Проб. — Говорим?

— Извините! Не хотел! Просто тип нас выручил.

— Великий? Он свое получит, — согласился Проб практически добро. — Диас работает.

— Хорошо знаете?

— Смотри не ошибись. Сейчас будет новый паспорт, на тебя и Аконта.

— А для Диаса? Что помогло бежать?

— Заткнись, пьянь! Теперь ты отвечай за Аконта. Через несколько лет он возглавит мою империю.

— О чем вы? Про ларьки или рынок?

— Конечно, рынок! Глобальный демократический. Мы с тобой, не скоро увидимся. Ты мне не нужен. Мое негодование. Дядя Проба реально тут был и — тебе на память монеты оставил, — он дал Пробу большую монету.

— Два доллара восемьсот девяносто четвертого года. Пока.

— На том и простимся?

Тир повернулся, и рьяно ушел прочь. Никон побрел за ним.

— Стой, — замахнувшись, как на шотландца крикнул Проб. — Тебе есть чем занять часы.

Никон без слез поворотил. Утро для Аконта и Диаса началось поздно следующим вечером. В историю Проба не поверили отчасти, монета не убедила, делирий у тебя. А паспорта — есть, Ишот сделал, возможно и Проб распорядился.

— Ты ведь не видел его смерть! — Диаса Аконт звал на «ты».

— Кто его оставил в живых бы!

— Знаешь, Диас. Представь мое влечение. С нею было очень хорошо, но что-то не то, не нравилась фигура и лицо.

— Малой, давай еще?

— Кто тебе малой? — себе улыбаясь начал Аконт. Тот ему точно в подбородок.

— Стой! Он ребенок! Сын почти Проба!

— Я спас вас. И твоего Проба, и этого, — Диас драматично показал линии ладони.

— Кэмерон! Только что, между нами сделал сотрясение! Жилец, — и выхватив из кармана найденный под ящиком с коньяком заряженный самопал — выпустил что было в не ждавшего Диаса.

— Долг украсим, — начал Аконт, но Проб тащил его к выходу. Надо найти кого, можно, на банях переждать.

На выходе встречали трое в штатовском. В одном из них Аконт узнал родную.

— Это очень секретно. Я улетаю в галактический полет, программа на другой планете, мягко говоря. Понимаешь, внутри она, что удариться о лед мартовским утром, и там наши зонды построили лимы. Огнеупорные. В общем, увидимся скоро. Кстати, я не твоя настоящая. Вчера сказали, что мой не мой, а мой другой, и мне меньше на шесть лет, а значит как я могла тебя, хотя мой генетический материал превосходит. Делай что хочешь.

Обнялись.

— Будем на видеосвязи!

Тир пустил слезу.

— А ты — смотри не балуй особо, — понял, — заметил один из прочих Пробу, и пнул в его сторону кленовых листьев.

— Это правда ты? — он был горд за нее. Герой. Аконт размахнулся и случайно ударил Проба по лицу тыльной стороной. Что-то им владело. Проб виделся, указание быть лучше и смелее. Сейчас задачи есть и задание.

— Погнали в «Жемчужину», — спросил, улучив момент, показывая, нужно уйти чтобы окончательно не растрогать.

— Куртку теплую одень! — сказала Лайки.

— Но жарко очень, — сказал снова Проб.

— Значит, в другую сторону, — отрезал один из сопровождающих и подтолкнул остальных.

Точно так? Все вдруг сложилось пополам, живое пространство, словно открыл в горах глаза и очутился на поляне, ярко освещен был миг — распадок между холмами, север. Тундра отцветала к зиме, но подавляющим цветом был зеленый, умело переходя в зоны синего, багряного и всей гаммы.

— Я замираю, — нагло заявило нечто близь.

Аконт удивился. Один на земле.

— Я умер? — зачем заспорил Аконт.

— Сдох, — был ответ.

— О нет, — он огляделся в поддельной пока панике, появилась боязнь открытых пространств. Захотелось в комнату, включить экран. Ты тот Глашатай?

— О да. А ты.

— Снова? Что хочешь от меня?

— Подожди меня.

— Я сгорю с тобой! Кроме всего, видимо ты не он, а то, что говорит от имени его, враг, раз хочешь уничтожить объятия врат, баг.

— Побеспокоюсь о нем! — говорил Проб в это время, держа аконтово тело. — Такое было, в четверг прошедший.

— Пригласил, — сказал один пришедших. — Контролируем. Вам совет идти. Его вылечим, не волнуйся, ладно, — потрепал Лайки вне бедра.

— В дни наши вип-пациентов как только не лечат! А ты, — он повернулся к Пробу. — С ним побудешь.

— Где, — не внял Проб, — побыть?

С машины бежали четыре и водитель. Проба повалили, Аконта понесли, плавно тараны ахейцы.

— Будет, — с прежним видом вещал тот же, — спесь умерить!

Тир очень хотел посмотреть лицо сволочи. Видела бы Лайки! Руководители государства! Вспомнил Проба, Проста — что за люди. Цвет акации.

— Пустите, — приказал другой. — Поехали.

— Куда будем? — опять Проб.

— В предстоящее, — и улыбаясь, он ударил таки (локоть—поворот—ансвер) Проба, и ребром по трапеции.

— Не надо засорять, вы не мания, — процедил один из них и удачно плевал.

— Что за мерзости! Стивенс!

— Извини, — адресат снова харкнул. — Не могу держаться.

— У меня тоже, — начал Проб. — И там.

— Не то там, — звякнул Стивенс.

— Хватит, может, — потянулся другой.

— С чего командуешь, — произнес последний.

Его успокоило. Вдруг достал Стивенс рогатку и направил на обидчика.

Он несильно языкнул, с примирением приподнял рукав.

Никто не держал Проба. Аконт начал приходить в себя. Проб закинул его на спину, и пока вокруг спешили успокаивать наперебой Стивенса, ушел вниз по улице.

— Где мы?

— Жив, Аконт! Правда, не знаю, насколько. Мир против нас!

Прохладная московская ночь.

— В группу, значит, не надо возвращаться, — произнес он.

— Да что ты, люблю слово путяга, жаль жизнь прошла мимо! У нас только и есть с тобой три миллиона долларов от Проба. На твоё воспитание, а мешают — и те и эти, еще и вот теперь.

— Откуда у него средства?

— Много не знаешь. Хотя не отключись, мы бы не сбежали.

— Поверстаем за бугор, — смело хрипотнув, предложил Аконт.

— Что.

— Только за девушку ту переживаю, что была в плену со мной. Лорин? Те ли подсказывает воспоминание. Нет. Понравилась мне, что прибавить?

Он остановил еще издали машину, условился. Аконта вперед. Сам в крови. — Опять выругался! — корил себя напористо.

— Не смогу без нее, — продолжал все более угрожающим, даже со скидкой на мальчика Аконт. — Есть с кем настоящему? — спросил водителя.

Шикнул на Аконта было, но сам осек.

— Да, к девушке?

— У меня молодая красивая сожительница.

— У тебя? — непонятно почему так запанибратски на шофера полез Проб.

— Да. Стройная брюнетка, сто семьдесят, третий, — и он ободряюще повернулся к Аконту.

— Да ты интеллигент! Тебе сто!

— И в отличие от вас, — обвел стыдящихся Аконта и Проба красноречиво, — регулярно занимаюсь, как теперь говорят, «сексом».

— А раньше? Впрочем, не отвечайте. Вот что. Про отношения. Мне необходимо ее видеть, прямо сейчас, понимаешь, а он, — показал в Проба, — мешает.

— Ты кто? Твое дело — стремянка, что полез? Ему веришь? Он каждый день только сам себя развлекает на лавке, или половине раз, — Пробу было хорошо в теплой машине, раны не сильно ныли.

— Присовывает, что за пошлость молодежи. — Меня кстати Винс зовут, сказал он Аконту. — Молодец, что пристегнулся, — и резко крутанул направо. Винс остановил середине обочины. Достал домкрат. Вытащил почти несопротивляющегося из машины и угостил.

Аконт боялся движений. Затем же, подумав, он еще молодой, вышел и крикнул водителю:

— Винс, хватит, пожалуйста. — Тот удержался. Посмотрел на Аконта и улыбнувшись немного, отметил:

— А тепло в машине было.

— К девушке, или брошу здесь. — Поставил Аконт обездвиженному Пробу выбор, когда Винс уехал.

— Там сотни таких девушек. На нас сезон! Также, лишившись меня, останешься без полутора миллионов долларов.

— Может, нет денег зеленых! Смотрим, почему полтора. Три должно на мое воспитание! Решил присвоить. Убьет тебя, ты единственный, говоришь, его видел после смерти?

— Да, кто что видел. Я все мог забрать. Это Россия. Увлекательное состязание, в которое втянул твой, и ты кровушка его — опасен. Завалят с тобою.

— Проб, ты нормальный. Но резковатый. Наверно после всего.

— У тебя похоже. Полагаешь, можешь. Куда ты ее поведешь?

— В то самое место! У нас полтора?

— Сейчас тебе как папа, понимаешь? Не злобствуй.

— Что знаешь о папе? — Аконт красиво прыгнул около столба, повернулся и отправился в уютную метель.

— Вернись! Сгину теперь! Прошу, — спохватился Проб. —

Изранен, холод. — Но Аконт поступательно удалялся.

— Хорошо! За девушкой!

Аконт продвинулся на пару шагов и пошел обратно.

Тир посмотрел в чистый взор.

— Не будет с ней свободы.

Тир сбился, сосредоточившись, жевал стиморол.

Самые искренние слова могут быть восприняты молодым в виде зла. Умрет здесь? Не приедет барином столичным домой, не обнимет, чтобы вся улица видела — живет. Чтобы она, привлеченная сходом, протиснулась сквозь толпу.

— Тебе миллион, и к девушке!

На братана Аконт предсказуемо реагировал. Сейчас Проб думал думать, на это, не на миллион.

— Она одна на миллион, — Проб увидел только желание жить. — Сначала за деньгами.

— Что там, тарелка?

Аконт увидел явственно, не в здравии друг. Размеренно, махнув, поднял руку и посмотрел чуть вперед — скоро завалится с деньгами к ней, и в путешествие.

Глава 5. ПРЕЗИДЕНТЫ ЛЮБЯТ НЕ ЧТО ЕСТЬ

Вся страна хочет, дабы жесть вернуть на прилавки, а то свертками на склады. Беспокоит, что единожды понравится, словно цветки в объеме под варенье банок левкоя. Когда власть сменится, и посмотрит на народ — где кто гуляет, когда их уже отпустит условно мучать несправедливость, вьюнком забирая полузаброшенный дом. Мои мысли — игривые и простые — думал он. Потом подождал, решил, обыден загон. Не были против врагов и выступали за единство народа, но не хватит цензуры убить от сердца.

Президент и члены кабинета уединились. Что вообще нужно, чтобы суждения выглядывали от углов, и добрая правда о событиях важных с экранов плоских, и точно пресс. Завеса тайны взошла под твердями, освещено фонарями, правда предстала синеватой для некоторых определений. Министр легкой промышленности был заслушан. Его баллотировали, концентрировались на лучшем. Хорошо его вообще не было, ждали регионы, но спокойствие диктовало новые законы, природа выше морали, играли, а после без лишнего шума спали в кровати, решал он, акцентируя внимание на животном. От этого пришли движения, и мнение, что пойдет, хотя и месяцами, смотрящими алчно.

Пели ом и ё, — объяснял приватно руководитель аппарата. Можете говорите что хотите и внятно, на стреме ребята. Понятие «неделания», из положений лаоизма — мы пока православные, но в подходящей просеке океана призма.

Собрались, сидели. По сводкам хаос, рост выплат, неликвид офшоров — точно отчисления по проектам коммунизма — визы не надо ставить, когда ты с теми, кто пересекает границу.

Президент включает телевизор одним щелчком. Юридически чисто, бьет молниями восток, все знают, что правильно, и мучит подсознание прошлым заказчик, даже допустим первое лицо.

Бьется не майка, ты с нее вырос. Мороз выпал на листву и ждет приказа, когда уже русскую зиму выпишут. Репортаж с места — крушение оригинального полуквадратного метеорита, возможно со следами из космоса, или со слезами провожать на родные погосты, тех кто был увлечен телесами, они с нами? Сплошь вопросы и гложет что, не прима фасие, или мигом в кусты раз так, мосты навести осталось мало чего для людей, движений правильное направление рай, будь иначе — липни к липам, что почти осины, типа вид неизвестен науке о человеке, гибрид совести и пирога, в стремнине не теряя ненависти, будучи сверху — не люблю повести, кроме одной, все знают — рассказывал тот министр-герой, что прошлой зеленой весной был уволен с формулировкой, несоответствующей стажу, смотрелся при подаче информации, но этот его рожок во взглядах и не салонный — бери выше, там никто не слышит вопли, кричал президент, беспокоен — не приведи лихая, лицо канала невольно сделает якобы составших за свое парижан, эсминец США завершил маневры, первый, пока не спит моя страна, говорил он — президент, при дворе предшественницы таким для всех открытым, точно не взять. Ноги на атласе.

Марокко не подвели, или фабрики кстати, поручить. Никто не покидал кабинета, помощники ушли, верхние жалюзи пропускали часть лучей.

Решил по Каморам, там оптимум, не показать на таблице, перевод из условных единиц в воздушную силу — противник готовит ответ. У них нет обычного понимания, просто проверенные части. Вчера опять споры, и это вот выражение со злом разговоры, точно топором в неправильный пень. Горы проблем, не ворох депеш, чисто надо здесь, помочь, кто интересуется. А что народ, спит, ест, ждет кому что за ящик уготован, упаковки, но они новые в городах, рассчитанных на своевременный оборот, взаимозаменяемость меняет взаимопонимание друзей, коллег, роспись в тетради после танцевальной пары с Лувра просьбы — покиньте помещение, а не наш протокол.

Не верить в душевность явлений, добрую тягучую грусть и стоящую праздность понимания. Голос вначале произнес обычно, а потом — любое на меч готов:

— Наблюдатели сдали, — ожила с сигналом вертушка. — Нужно пополнение боекомплекта.

— Потом приступить к экономической части соглашений. Сколько членов семей особ?

— Не больше двух, но брат первого перешел к развитию, используют различие от обычной породы. Назревает небольшое кровопролитие без огласки.

— Мне обещали двух алеутских.

— На фабрике трижды, вроде руководство приняло, но голоса, словно выше пяти сотен.

— Не будет накладки, придется в прямой выводить почти не готовую девушку, по фото.

— Предположительно через восемь–десять минут, с поправкой на южное полушарие.

— Обязательно было, или можно не формулировать, жить подобно антилопе, где они остались, на чай-зависть, не собрать обычному люду и тем не менее, ходят слухи, помогает. Изображаешь заинтересованность в партнерах, а они гонят прочь добытчиков, было и в царские времена, но пельмени в собеседниках сменили понты.

— Будет в других новостях.

— Погляжу. В Джайе почти дружу, но они хотят и фьючерсы на месторождения.

— Нет таких приоритетов. Давайте без специального эфира, пусть округ смотрит.

Президент согласился и односторонне прервал обмен, не только он устает за день, мило, работники не отключаются, держат руку на биении мировой экономики.

Потрясная красотка-ведущий осторожно предваряла по плакатам не стихийный митинг:

— Центр. Уплотнительная постройка. Граждане требуют встречи с теми, кто снес гаражи. Здесь будет торговый центр «Здоровая жизнь». Сожалею, нет возможности выйти на

связь с нашей съемочной группой, но на этих кадрах видно: людей много, не собираются расходиться.

Первый помощник отлип от интерактивного ноутбука и заявил, на ее тембре можно и жениться.

— Когда воет метель или несет поземка, точно неземные жители хотят быть в руководстве. Про виргинцев уловил?

— Конечно, по-французски пару писем набил. Можем сбить партию прицелов.

— Только без систем ближнего боя, иначе с Дейли не все поймут зачем.

— Поговорим о внутренних угрозах?

— Ты еще девять от семи отними, — впервые за день президент вышел на ты и тепло вспомнил дом, любимую с моченым в укропе по-западному сибирским молодым.

— Позвольте, — внутри занял непresidentский президентский голос, — осталось не более четырех контрактов до закрытия опциона на новые месторождения, там есть и сила, имеются в ста, не более, километрах по хорошей грунтовке — техника и подсобные кадры, вложатся, с кем не год. Ваше слово.

— Послушайте, например, налет реален, можем послать ноту, при конкретном ведении в регионе, даже сбить пару аппаратов, чтобы они не хотели.

— Они не разгоняют на горизонте?

— Просили напомнить, рабочий день кончается раньше, чем обычный.

— Но не то чтобы это меня волновало, словно судьбы страны, после конца квадратов на пустырях или бесконечность яркой конференции. Посмотрим, что за три корабля.

— Можно всегда договориться не по рыбе, концессия в нерве.

— Дай посмотреть, что скажут про чрезвычайное положение.

— Комментировать в темпе слова репортера?

Президент сделал громче, и представил, что на орбите, ловит не паек.

— Сегодня не только день всех влюбленных. Это момент торжества человеколюбия. Для многих главная новость дня станет неординарной, и может быть трактована безусловно. По итогам мы первые. Такой поворот не ожидал никто. Разве мы не заслужили признания — хватит себя бичевать, мы не грешники в плену каталонском, не дубы на промыслах.

— Вы переключили не на те новости.

— На шестой линии представитель департамента землепользования Примал-Хадеш.

— Повисит. Можешь сетку вещания прочесть, где хваленая исполнительность, аккуратность!

— Последние теплые дни ознаменовались чередой чудовищных по своему посылу актов возмездия со стороны неизвестной группы, именующих себя «Боги мира», последней жертвой скрывающихся в настоящее время активистов стал владелец крупной корпорации «Шом» Лайн Ферз (Облачный), подвергшийся нападению на сегодняшнем импровизированном брифинге, о котором вы могли видеть сюжет в прошлом выпуске. Безусловно, роль Облачного в отмывании незаконно приобретенных активов в странах третьего мира предстоит доказать, но в Москве, где не располагаются заводы по производству деталей для некоторых гуманитарных проектов «Шома» сейчас проходит стихийный пикет, собравший несколько сотен людей — здесь и заводчане, и представители старшего поколения, по имеющимся данным к акции должны присоединиться учителя и работники бюджетных предприятий. С подробностями — наш корреспондент Нера Кров.

— Кто это допустил! — Президент разозлился, и не выбирая выражений потребовал не пускать в федеральный эту часть выпуска. — Вы там в отделе информационной безопасности стерляди перекушиваете. Запад смеяться будет. Они что, организовали пятиминутку единства с протестующими, разберитесь. И что за город, где это вообще!

Сотрудник испугался, даже симпатично дрожал. Только вчера всем было совершенно однозначно объяснено, что

и зачем стоит обозначать, и такая провокация — в его приче-
м. Облачный, конечно, сам виновен — я на брифинге объ-
ясню, вечером разговора не будет, а поставили словно мы
команда. А такая ведущая, что теперь делать.

— Прошу не думать о своих косяках, лучше размыслите,
что ждет.

— А с бангладешцем?

— Соглашайтесь, все равно настоят. Можете выпросить
три–четыре к оговоренному. Больше беспокоит бунт, безоб-
разное поведение, уверен — не просто.

— Не волнуйтесь, случайно. Живые работают.

— Не похоже. Что, каждый день будем слушать опровер-
жения! Несете ответственность, подставляете начальство.
Немедленно распоряжусь о переводе.

Сотрудник налил из графина немного морса и не подо-
бострастно, а даже вполне смело поднес президенту.

Он не стерпел, сказались любители накрутить, смазан-
ное открытие вчерашнего саммита, неизвестно что. Не же-
лая больше видеть обманувшего лучшие ожидания подчи-
ненного, выбил морс, вспомнив позавчерашний бой, прямо
толкнул в пол.

Сотрудник попытался быстро с улыбкой привстать, снова
упал. Президент подернул — только как он умеет плечами,
и сказав вполголоса несколько идиом, вышел из несчастли-
вого кабинета.

Сотрудник поднялся и набрал нужную комбинацию.

— Соединяй. Переводчик?

— Сегодня нет. Придется по-английски или набором.
Первая кнопка на первом вопросе — да.

— Давай на английском.

— Good Evening, Mr. President. Thank so much for this
Conversation.

— И тебе всего. How do you do. What about three–four
Percent high?

— Not a Question.

— Тогда Ok.

— How is it in Your Country now — no Problem?

Сотрудник посмотрел президентом сквозь жалюзи на чающую закат, и многозначительно наморщился, без ответа.

— We are so Happy to deal with You, — продолжал раскладывать бангладешец, а сотрудник бодро думал, куда его теперь, или не его.

Президент незаметно вырос перед закатом, и уверенным почти незаметным нырком поблагодарил за службу, опровергая самые неоправданные размышления.

Заждались в рыбном, безбожно опаздывать негоже, особенно когда ждут такие персоны. Что там еще надо этому скромному мальчику, вчера только подобострастно смотревшему в рот сногшибательной ресепшионистке, не понятно, карьера приказала жить с таким промахом, для чего взял на себя разговор с инвесторами, думает за его иностранный кто-то потянет наверх, или он из той партии. Что им вообще все время неймется, есть рабочие часы, зачем все делать в последний момент, а не законно отдыхать. Президент вышел снова, и только в лифте позволил на момент покинуть себя.

Почти ночной город безлюдно лыбился подобострастным движением. Водитель приятно хмурил зеркало, добрая управделами сладко щебетала светские сплетни. Документов было не очень много, основную часть дороги расслаблялся после насыщенного дня. Дались им протесты, стоит осмотреться — в толпе обязательно увидишь родного человека, из юности снежных набережных. Не улыбалось объясняться, в себе разобрался: что хорошо для страны, оптимально для всех. Здесь мимо пафоса, остановились хищения, раньше, допустим, честный, за своего не принимали, отворачивались в приличных собраниях. Что такое свобода в капиталистическом обществе, когда нет денежных средств в достаточном для потребностей избытке. Философия порой завладевает беспокойными душами. Не всем по душе вечеринки, цены в комфортных семейных, где новые спортивные сооружения, куда ориентироваться молодым. Ныне не едешь северной экзотикой за океан, мы там чужды, не крути. Гражданин, имея

работу, семью, хобби века, хочет прикоснуться к власти, влиять на происходящее за дверью. То не более чем иллюзия, музыка тяжелая — нравится на концерте. Поговаривают, культура должна отвечать за место поступка, но информационное коммьюнити берет, тратят. Идут налоги. Жилье не всем есть, но заметны подвижки.

Кафе в зелени. Даже декор на стенах в кассу, очерчивая камни. Здесь расположен огромный випкейс, можно без опаски опознания приходиться даже с близкими. Первый министр и его секретарь заказали, и коротали минуты полусладким.

— Пришлось повозиться, — начал министр, элегантно обмакнув рот. — Слушали про Москву?

— Давай без этого пункта, сегодня не понять.

— Там серьезные деньги, два-четыре предприятия, одна и та же картинка сложилась по кварталу. В прошлом году был, по делам их.

— Извини, — уточнил президент — ждал горячего и неспешной беседы в чарах символичной, судьба сберегла усилиями родителей от подмостков и манхэттенского эстуария, озонирование промышленное.

— Тот, — многозначительно чуть склонил голову вправо министр. — Известен. — В последние годы чего только не происходило — а в райцентре не все понимают значимость промышленности для края. Завтра важный гость, обещал часть бумаг, похоже, не те стоят за выводом акций, значит, риск для подсобных цехов, где мы и хотим обустроить все с привлечением европейских умельцев.

— Не сбегут? Сегодня видел.

— Не берите и для заметки. Ждем палочки, продолжу.

Декорированная под арку натуральными бархатными розами дверка приоткрылась, молодой человек положил перед каждым набор. Секретарь элегантно поднялась, посмотрела.

К сожалению, сегодня только ужин, спасибо за новые анекдоты по дороге.

— Одно, — предложил министр. — Не стоит недооценивать потенциал. Нельзя годами жить и смотреть на людей через призму вкусов, они это не индольгируют.

— Три сотни пацификов. Слышал про эффект пользы от прочитанного после десяти? Они все ракеты заказывают. Представляешь, через десятка три лет.

Министр представил, и выжидая посмотрел на дверь. Глянул и президент, надеясь, тот утонченный аромат от их блюд, не для прогуливающих отпуск в предгорьях Альп. В Москве сейчас верно полночь, припозднились, ответить им. А то завтра сами сообразят, толковые были, или ошибался.

Глава 6. БИТЬСЯ

Иногда происходит невообразимое, к чему нельзя безмятежно привыкнуть. По городским окраинам взгляд недовольных каждой минутой, что выставляется значимо наружу горожан в полдень всмятку города, где прошли годы, прежде чем человек понял — готов, но кто этот первый, зачем ему считать антенны на неказистых скатах, для чего все вокруг полно счастьем! Похожее на празднество, бал людоедов, где по центру аппетитно тушится немного недовольных вечностью туристов. Не были родными никогда, отказаться от деятельности, уважение при встрече.

Жищение было разработано с привлечением лучших, и представлялось не вызовом, прогулкой, похожей на продолжение сна, пожелания из-за границы, текла спокойная жизнь, не связанная с ужасами местного быта, обеспеченными — что очевидно, разнонаправленными стратегиями добродетельного сомнения. Включенное в общую моду отморозение от мыслей было для них разочарованием нужным.

Донни ворочался, гудел, проговаривал приоритетные цели по-своему, гадал, поблагодарит, помотает, поинтересуется финансовой стороной — кто знает. Для будущего нет преград через широкие проспекты, по углам которых бравурно расположены жонглеры, припомнил себе, нет ничего столь плохого и одновременно жестокого в отношении человека. Хотелось притвориться, это не он, пытается подорвать законы общения.

— Говорите по существу и не более четырех минут в формате односторонней подачи. В чем смысл предложения, без лишних каверз от цифр, и наилучшим образом сформулировано, можете пользоваться заготовками.

— Предлагаем фактически национализировать производство и взять под контроль реального сектора реализацию товаров первой необходимости, иначе, продовольственных. Ежедневно люди тратят внушительные для их семейных доходов объемы денежных средств, получая взамен в целом питатель-

ный, но не дающий организму необходимых сил, в том числе для снабжения витаминами и адаптогенами нервной ткани продукт, в чем — по оценкам многих наших специалистов и ведущих западных центров одна из причин низкого уровня социального согласия и взаимной агрессии членов общества. Напряженность отношений трансформируется в притягательность институтов власти, в недоверие программе позитивных изменений в отчем крае. Позволю немного избыточной лексики — сам набор корзины среднестатистического современника оставляет лучшего желать. Моя просьба к вам, человеку, столько сделавшему для всех в трудные, тяжелые дни обратиться мощью государства на поддержку необходимых инициатив. Разве это вообще возможно, что мы с вами не состоятельны отреагировать на элементарные вещи, люди могут решить, государство прямо получает выгоды от такого печального качества продуктовой продукции и кошмарных наценок при ее доведении до конечного потребителя, не говорю про ценники. Все думают, получают органы правопорядка, члены законодательной власти, представители выборных должностей, многие склонны винить этническую мафию, так они подло говорят. Рэкет, разваливший конкуренцию в сельском хозяйстве, узаконивший вредные пищевые добавки, захвативши склады, подмявший рынки сбыта. Сажать яблони, полезный ценный плод, хороший урожай и в северных областях. Когда придем к тому, чтобы коммунистические планы непринужденно выполнены действующей властью. Вот по отрасли, предложение по созданию новых министерств, подконтрольных ведомств.

— Спасибо за предложение. На данное число ответа ждать преждевременно. Предлагаю нам с вами лучше подготовиться и избегать столь неоднозначных оценок. За каждым товаром стоит чей-то труд, идеи. Многие отечественные бренды имеют хорошую репутацию в ближнем зарубежье, выходят с перспективами. Им кажется, мы поможем — это истина. Но для меня люди и их повседневные проблемы — не аморфно, наиважнейшее — что делаем, и не надо так нападать на тех, кто за прошедшие двадцать лет посвятил вре-

мя такому непростому направлению. Не стоит объединять всех в одну когорту, кто производит, и закупки, не к месту в прозвучавшей речи пинать обычных распространителей. Поручу разобраться в предложенном тех, кто курирует работу здесь от нас, и уверяю, они представят беспристрастное заключение, давайте вернемся приблизительно через месяц.

— Благодарю. Невероятно тепло, что наши наметки приняты, будем развиваться в системных рамках. Отдельно приятно за критику и терпение в отношении, видимо, не совсем корректных мнений, заверяю, это следствие заинтересованности патриота — во-первых.

— Так и закончилось, намеки? Один принял? — Тест не льстил, пытаюсь понять, рассчитывать на продолжение.

— Так бы и того не произнес. Были еще этот, понял, и кого обещали.

— Образуется?

— Надо убедить их в нашей правоте.

— Знакомый производит винтенки, такой кисло-сладкий фуршетный манкен, с преимущественно природным составом, там разные вкусы, вся линейка, хочешь вместе заехать?

— Не очень, давай ты туда, я посплю.

— День на улице.

— Личное, не забыл, что?

— Помню, но мы можем узнать для пользы, подождет.

— Можем хоть с этим созвать всю прессу, ночью иностранные депутаты на комментариях доверие своих избирателей вполонину подтвердят.

— Где будем прятаться следующие двадцать с лихом годин?

— Понимаешь, он сегодня проигнорировал, а через обещанный месяц так посмотрит, лучше сейчас показать, предупреждали.

— Не надо политических заявлений, будем они, — широко обвел постамент спиной, где проходили задержания участников акции. — Предложи изменение формирования государственной политики, независимые исследования качества.

Не простив, поехал биться.

Глава 7. ПОЛАДИВ

На полном ходу машины, обнимал почти нежно за талию, что была его личным достоянием. Они рыдали над глупыми героями, рисковавшими жизнью для спасения других, виделось: чуть, и благотворительность позволит ходить по пустынным холодным улицам, наслаждаясь парфюмом из шарфа. Идея отправиться в путешествие родилась сама по себе. А ведь отлично получилось — парень похоже забыл о возлюбленной. Не хотела бросать учебу и привыкла к друзьям, что приходили и пичкали байховыми одеялами про лучшую участь. Капитан раскланивался с отдыхающими, к ним команда была диаметрально настроена — не стоило ехать. В пяти часах лета, был богатый на краски мир, но здесь тоже находились плюсы.

Бились в угадки, стряхивали, только проснувшись, температуру на корабельном термометре, видевшем зарю революции. Мечтать не думал о таком счастье, считал часы до конца дня, иногда пятнадцать. Наслаждаясь ее эмоциями, не готов, позади притаился один из матросов. Пришлось сойти на первой пристани, затеряться в шумной толпе торговцев мороженым. Нашли единственную гостиницу, отведали, не сговариваясь местной кухни, похвалили выпечку.

Оставшись одни, в городе с неизвестным названием, решили его вопрос, насколько плохо относится к нему теперь, увидел, плохо. После символических, хотя вполне бурных ласк, делала вид, спит, но чуткая, чувствовала. Затем толкнула его, привстала (это у нее получилось очень, и он снова влюбился, точно пришел тогда) и показала на часы. Бросил сознанию установку, дрема час. Рассвело, когда без обуви прошел через гостиничный холл. Невольная дежурная цыкнула, извинился.

Вокзал был за сто километров. Не много, не рассчитал бюджет. Вот мерз, хотя плюс, когда открытие. Представлял, она встала, нашла то такси, а то и позвонила, едет за ним, сжимая заколки.

Одна из ожидавших вместе с ним налила чай. Не нужно было приезжать.

— Что за место такое?

— Это Москва.

— И что у вас здесь?

— Заводы, люди, леса. Ягоды пошли, полегче. Везем к открытию в центр. Угощайся.

Вежливо (или невежливо) отказался, не понимая, что хотят. Надо было готовиться. Сплел ей про себя, работу, пойдут сплетни — им ничего не ясно, кроме одного — он плохой человек. Такие тоже имеют право на вознаграждение, внимание со стороны руководства.

— Чем живете, — спросил девушку.

— Что тут забыл?

— Мы поругались, мне надо ехать.

— Ты нам нравишься, — она обвела рукой всех ожидающих. — Но это не пригодиться.

— А что мне нужно?

— Я не целитель. Есть одна, грядущее образует, на деньги заговаривает. Амурку в порядок приводит. Чего?

— Счастья. Личного.

— Интеллектуально акронимировал не произнесенным словом «заморский». Человек мы считаем — крепок не телом и духом. Тебя немного попробовала, а ты безвкусный. Не потому что у нас все натуральное. Поставь на площади, народ соберется, деньги понесут, но ты честный, захочешь власть менять. Зимушку не жалуем кутаться в одежды, тщась объятий изгибами тканей. Тебе наверно кажется, сейчас бы в центре Рима внимать, она и пошла с тобой примерно. Не страна наша, где единство похожих, у нас заговор прохожих. Поругались?

— Рассказал про себя.

— Не дверь в подсознание, дом силен фундаментом или подвалом люкс.

В поезде попал в приятный почти пустой вагон. Тогда не было обесценивающих прелесть обыденности интерак-

ции мобильных устройств. По сторонам диахронно летели золотые поля, совершенство фигур снопов, оранжевая краснота комбайнов и больших тракторов. Группы людей, всем скопом поднимающих головы, и смотрящие призывно, отдыхая, на пронсящийся с душевным посвистом в набухший горизонт скорый. Стадо пятнистых коров, выбивка ковров у первых к дороге деревенских улиц, там — явно отмечают, после разезда — отдых с брошенной на газон гитарой. Перебор застыл явно в морозе открытых пашен. Сколько в тех деньгах будет? Взял бы половину, для примера.

Внизу девушка не охотно медленно, впрочем, немного смакуя, мазала на свежие ломти нарезного самодельную овощную смесь. Влажные капли призывно манили взлететь, оверсексуальная инициация, обычная для переглядок. Неожиданно лицо ее преобразилось в искомую героиню настоящего боевика, в руках ракетница.

— Сбился предохранитель. Имя?

— Проб, а ты?

Не ответила, чутко тронув края неуместной в данных обстоятельствах поколенной шотландки, и спросила, без нажима, когда станция. Желания красотики сменились, топнула, и стараясь не привлекать внимания, нажала на пуск.

Когда в человека не попадала ранее ракетница с трех метров, он не сможет ощутить то, что на краткие секунды привелось Пробу.

— Спасите! — закричал высунувшийся из соседнего отсека представительный товарищ. Именно товарищ, фиксировало понимание, стремясь сбить шок рефлексией, господин, или по году вполне распространены молнии с заклепками.

— За что?

— Вы агент недружественных компаний.

Не понять тот подрыв за улыбкой, лестно обзрев товарища, все равно смотрелась. Из бока шел негустой дым. Точно записи, у них на честности и в мотелях. Вскинула на плечи кожу, прибрала рюкзак.

— Объясните, — прибавить, но измята.

Что ждать от героини, бегущей по вагонам от разъяренного Проба. Через фантомный запах домашней птицы, потеющих на беду одиночкам благодаря современным форточкам тел, отвратительный воздух тамбуров — вагоны летели быстрее. Она стала биться к машинистам. Начала кричать: помогите, сделаю все, что скажете.

Правду лицо подсказало: не откроют, инструкции.

— Зачем творишь!

— Меня просили очень-очень. Привет от всех, из родной деревушки на сто домов, из кооператива, где зависли миллионы.

Человек протиснулся мимо них, показывая незаинтересованность к участию не в его делах. Они изучали друг друга. Тут такое общество, они не ценят сотрясение воздуха, в том числе в своем мозге. Не дают соединиться с себе подобными в прямом (а не извращенном смысле). Мерка и пропорции суть любовь, а они стремятся к уничтожению последующих жизней, под сенью атеизма, плавно переходящему в толкование христианства.

— Так и будем?

Пылающие невидно щеки потрясли — обнял под локти и стал жарко целовать, язык с той стороны отвечал.

Продолжалось счастье не более пары напряженных минут, вкус ее был чудесен, но не одобряют близкие, называется.

— Зачем стреляла, — спросил, проведя кончиком языка по мочке.

— Я думала ты тот Проб, хлопнул моего жениха.

Тогда было не особо с продуктами, а предвыборная реклама свободно висела на всех углах, обещая равенство прав и справедливость для всех, предлагая определиться. Ее парень, похоже, были расписаны, по выражению лица не скажешь, сожители, не сограждане.

— Не лапайте меня.

— Хочу в незанятое купе не самую мягкую, с тобой, смотрящей на проблески света, где жизнь станет не состоянием.

— Но я покушалась на вас. Это не станет ли меж нами!

Поезд притормозил, она воспользовалась и побежала в противоположный тамбур. Он не стал двигаться, вкус беспечен. Отмер. Сметая подушки и путая расслабленные локти вслед. Серьезная девушка выглядела особой, когда брала белье. Минуты бежали. Пытался угнаться за ней в другой конец. Понял, увидев заиндевевший номер 18 — она одна, и девять из десяти — спутала. Очень похоже, что по факту, влажная суэта, лишние движения. Проводник оттолкнул, приятельствуя, и поднял подножку. Жить не особенно хотелось, и взял пару кулебяк на мелочь.

На корабле было лучше, стоит признать, откровенность с собой — значит для жизни больше, чем пустопорожняя ложь, делить ложе, не тревожа переживаний крайних, общность на мотках катушек внутри, на остановке у одного из крайних вагонов.

Мир больше похож на нечто важное, чем на вчерашние экивоки. Ей это вполне шло понимать, вот ведь совпадение, месть за так и не ставшие своими миллионы. Возможно потому, что миллионы жителей — не совсем в душу, доска на ворот. Можно отнекиваться, но бой с неизбежностью не всегда дает сил для победы над собой через день хотя бы, взять, кто против, или не назначает ответственным за бедствия отряженного не то молчаливым согласиём муторного меньшинства, или согласно изначальным условиям нерешаемой проверкой через бесконечность задачи. Что в конституции этой ракетоносительницы привело к включению программы абстрагирования от абстрактного мышления в противовес пороку корысти, когда на счету не более чем одна-другая дорогая минуточка. Представил, что не уголок шейного платка трепыхается, перед выставленными преследуя руками, а шарф народной команды, привлекла, понять не успел, возможно она его все-таки убила, а он бежит согласно основному уравнению инерции. Никто из пассажиров не пытался помешать их бегу. Везет, когда везут по расписанию, где хочешь очутиться и на что рассчитывать, прикидывая,

сколько до ближайшей остановки. Гремели подстаканники ложками, люди собирались ко сну, а поезд все не кончался, боль в боку нарастала, провоцируя греметь шум колес.

Девушка остановилась посреди вагона, обернулась:

— Не хотела!

— И правда, хватит уже гоняться, молодой человек, — поддержал солидный мужской голос из соседнего отсека.

— Отстал бы от молодой, — добавили с укоризной с боковушки.

— Парень, я сейчас не поленюсь и сам встану, — присовокупил бас через пару почти полных отсеков.

Таким образом, аморфная социальная позиция людей изменилась на активное неприятие его, преследователя невинной с простоватыми манерами. Последствия могли быть вплоть до негативных.

— Мы разберемся. Понимаете, она стреляла.

— Пойди навстречу, ты старше, нечего надувать в ярости щеки. Сейчас успокоим, — кричали со всех сторон.

Обернулся и степенно пошел обратно.

— Ты так ничего и не сказал, — укорила девушка.

Что с ней сделаешь, хотя закон на его стороне. Кто-то привстав похлопал по плечу, причмокнув, одновременно раздался сочувственный вздох пары соседок. Откуда они такие берутся, чтобы сопереживать в нужный момент, живут от катарсиса к доброте и обратно, мешая медитировать на изменении громкости программы радиоточки. Поезд свистнул, винясь, и Проб покинул свой состав, оставив личные вещи, куртку, ключи от съемной квартиры. Кажется, он понял, кто примет на себя заботы о завтрашнем, что ждет человека, когда он перестал примерять истории из жизни на условный круг общения. Ракету вспомнит летом, за много километров от данного полустанка, где станет человеком в доспехах, на турнире выбивающим из седла противника, не чтобы упасть без сил самому, но для похвалы той единственной, что провидение готовило. Проиигнорировать очевидное в пользу спасающей от ненависти идео-

логии и мнения, поставленного пытким сознанием выше умиротворяющего согласия и робкой покорности.

— Подожди! Иду с тобой. Ты меня совсем не знаешь, — звала из окна она.

Тир ускорил шаг, стать спутником неизвестной манило, но не было желания проверить, примет ли его за другого. Оглянулся — девушка бежала за ним, миролюбиво помахивая ракетницей и холщовым пакетом с одеждой.

— Не стоит так показывать свое безразличие. Мы не знакомы, обязан предоставить полшанса исправить произошедшее. На поверхности у меня йод, болеутоляюще. Давай расстанемся цивилизованно, я почти поняла, что за человек, такие в руки не падают. Где твое мужское самолюбие!

Тир решал, что ответить, на шедшую с чистоты и непорочности, не часто случается в наши дни, насыщенную волнением интерлюдия.

— Мало что надумала про тебя, прояви отвагу.

Она бы добавила еще, что между ними проскользнуло, многие ищут годами такое, стараются на всех парах, а при знакомстве выплывает неловкость, прошлое отменяет возможное торжество счастья.

Махнул рукой и прыгнул, без уговора в добротную иномарку.

— В город.

— Мы в самом центре.

— Ближайший город, сколько.

— Сто двадцать и полторы.

Девушка размахнулась и бросила пакет, раздался звук разбитого поворотника.

— Заплачу, — отметил Проб.

В зеркале пассажира, она собирала рассыпавшиеся вещи, утирая редкие слезы, прижимая к груди ракетницу.

— Опять они за свое. Стоило одной заказать фейерверк на деревянную свадьбу старшей старосты, вот охотятся — так называют. Мне однажды тыквой антенну сбила, не она, но похожий случай. Откупился. Удачно, что на меня попал, сей-

час через одного феминисты. Мне напоминаешь одного, из правительства, фамилия такая.

— Говорили.

— Сегодня на штурм управления ходили. Еле отбили председателя, он не причем, известно. А из правительства с фамилией так сказал: я решительно возражаю, что у нас там проблема. Ничего дурного в запустении и беспечности не нахожу, примерно в таком роде высказался. И головой показывает, ох вы, жители-гужители. Два дома довели — да. По программе ремонтов в пятерке, а расходы на коммунальщиков выросли в среднем в один и три раза меньше, чем по области в совокупности. У него свои данные: следуя недавним опросам, чем больше недовольны граждане, тем эффективнее власть на местах. Говоришь: яму?

— В плане ему?

— Такой у него план, программа, стратегия, концепция. Вам надо, объясняет, — президент сам приедет и проинспектирует. Бывает президент инспектор, у такого интроспекция развития, сплошь по вчерашним тратам, и они с командой не отходят от данных обещаний. Что тогда сказали, то и подтверждают. Они для меня — хулители, а каждый десятый — господин хороший. Играют в плохого преследователя, первый топает, нагоняя, второй гонит волну, его называю девятый вал, а первого так и обозначаю: первый. Он везде такой. А с фамилией, погодное явление. Ему двадцать лишних показали, кто ездил.

— Бывает иногда, когда на полках инструмент нашелся сам.

— Интеллект, иначе догнала, с сигналом попал. Приезжаешь в город, для них им тут то и это, а где все одно, куда не направь стопы.

— Торопятся дрова в буржуйке гореть.

— Абсолютное время, значение и неприхотливое знание.

— Не по правилам, значит, важнее для отдельно взятой связи человек—другие.

— Зачем ее брать отдельно, переорганизовано.

— Беспорядок имеет преимущества перед научной организацией труда, особенно когда специально люди сбивают, ме-

шая формироваться пониманию процессов изменения окружающими их мнений в угоду вышестоящим организациям.

Вышел и огляделся. Вокруг были непонятные пугающие оборванные транспаранты, испещренные гневными лозунгами. На фоне дыма из труб давали интервью две активные женщины людям с лейблом иностранных новостей на камере. Все, стоит взглянуть в длань пробегающих улиц, выглядит потрепанным. На свежепокрашенной администрации веял новенький флаг. Решив отложить возвращение домой, Проб легко пересмотрел отношение к соображению погулять. Интересно, с чего терпеливый и богобоязненно спокойный люд решил «выйти на улицы» и отстаивать права. Долго это очевидно не продержится, хотя реально не похоже на что временное.

На него бросилось трое.

— Внимание! Пожаловал сам де. Просим нижайше не злиться — что не признали тот час, — его подхватили и понесли фактически к соседнему зданию, на двери лаконичная табличка «Отдел соцобеспечения». Усадив за стол, перед очень внимательной девушкой приятной внешности, но строгой, они спросили, перебивая, не позволяя ни себе, ни ему говорить внятно, Проб пытался объяснить — но не до этого.

— Послушайте! За кого вы меня держите?

— Ты фрукт столичный, подвизаться к нашему начальству прислан, чтобы вовсе всех утихомирили, хотите мы молчали дабы, дайте, что заработали. У всех семьи, ребятня, посадочный сезон. Хотите голодных обмороков наперед объективов западной прессы, на кого работаешь, отвечай!

— На нашего человека у них, — надумал закончить с непонятной историей Проб.

— Концерн «Добычив»? Три года по день города концерты со спортом дарят, спасибо, что попишешь, благодаря вам в обиход тут вошло слово «биллборды», нас побрили, словно бороды цирюльник к революции, гладко и красиво, за что девушки раньше вздыхали за спиной. Понимаешь, фашиствующая ты фракция. Где нормальный ответ на вопросы по

экономике, почему все не шлют расследовать крушение инопланетян в южных поселках; не надо вид делать, что впервые слышишь, не самое важное выражение, что мы ждали, знаем вы там ставите сначала в кружках, затем по тройкам и парам. Хватит обсуждать очевидные всем показатели рентабельности, когда тарелки падают, — говоривший схватил со стола стальную кружку и бросил об пол, сжав на другой руке прозрачную папку.

— Поймите меня правильно, я никогда не слышал ни о вашем городе, о руководстве, не станете меня обвинять в нарушении программы полетов над незнакомой территорией.

— Посадка, мягко говоря. С этого и пошел разлай между нами и вашими столичными управленцами, сейчас говорят, чтобы переезжали — где работа есть, пятнадцать лет отдал промыслу, отец — тридцать пять. Слышал, чем начальники оправдывают. Включи, — девушка благодарно кивнула за проникновенность, подняла громкость.

— В этот праздничный день, когда у наших доблестных промышленников есть все причины быть гордыми последними достижениями, как в целом складывается в отрасли, следить за позитивными показателями, когда я от лица правительства и хотел сказать: поздравляю, желаю счастья и ждем новых достижений, мы к превеликому огорчению, и не видному влиянию врагов и завистников — наблюдаем такое нехарактерное событие, эти народные, их так позиционируют — протесты в Москве. Возможно, я не способен на такие, пируэты на словах, мы занимаемся реальными, подчеркиваю, событиями. Когда говорят, что это простые люди, им нечем кормиться, сегодня не плановая экономика, есть вполне четкие показатели, и что где требуется. Не стоит сидеть и ждать, пока власть решит проблемы, работать надо хорошо, а не заглядывать в чужой карман. Конечно, на пустом месте ничего не бывает, только, я — или члены кабинета — пустое для вас место? Я всенародно законно утвержденный на этот ответственный пост руководитель, такой же наемный работник. Не надо пред-

полагать за моими словами тайны, или послание — ничего такого. Поймите, люди не затем проводили сложные процессы акционирования, улучшение бренд-политики, чтобы в одночасье позволить нашим общим хулителям гнать рыбу. Для меня, кто хорошо знаком с внутренней экономикой высокотехнологичных производств — не бывает однозначных итогов. Признателен нашим партнерам, которые в отличие от своих политиков не начинают раздувать обычные для людей поиски оптимального решения в международный скандал. Уверен, сегодня-завтра — все вернется в исходное русло. Ситуация контролируема.

Девушка вспыхнула, и выключила.

— Что я тебе говорила. — Постучала она по столу, обедая рабочих будоражащим взором. — Он договорился.

— Берем этого гостя в качестве трофея, вдруг совсем там. Видно, человек он полезный.

— Помилуйте, ребята. Я не знаю вашу проблематику.

— Сейчас и узнаем, дорога ли твоя честь, и что за проценты такие у вас с ним. К нему направимся.

Девушка улыбнулась, и Проб снова влюбился, та из вагона растворилась в сладостном очаровании этой.

— Ваше имя? — спросил, но его вполне уважая, да настойчиво направляли к выходу, затем подталкивали по улице. Не стерпев, стал драться, и несколько раз неплохо попал одному из троицы. В ответ напихали, повели.

— Что же это делается! — Всплеснула руками дама с женщиной в широкополой шляпе с блестящим франтовым пером.

— Агитация, поглядим, что тут делал.

— Друзья, давайте без приемчиков, — порекомендовал мужчина.

Шли десять минут, обсуждая последней матч. Хорошо научились играть, но никто не берет ответственность. Надо бить, а не просчитывать огрехи в защите соперника, почему не думают о зрителях. Теперь результат — основа, а еще недавно такие были баталии, отвлекали от житейских склок.

Глава 8. ЖИТЕЛИ

Некоторые люди полагают, власть большинства — фикция и к своей выгоде пользуются периодически системой не прямой демократии. Волеизъявление вполне устраивает их в виде массовых профанаций. Общение для них — способ почерпнуть из окружающих информацию, чтобы выгодно передать тем, кто ею воспользуется. Явление доноса благодаря теориям и разным психологам, помогающим заинтересованным группам влияния паразитировать на явных лидерах — приобрело черты катастрофические. Когда воруют излишки производства — не беда, но время, где идеи становятся объектом пристального внимания, не позволяет ждать от грядущих лет реально для действительности. Что будет через десять, двадцать лет — прекратило волновать и власти, и мирных жителей, знающих, что делиться мыслями даже с проверенными подобными — глупо и несовременно. Заводы в Москве несколько раз переходили от одних подставных фигур к другим, очень много было предложений по выходу, город не справлялся с обязательствами даже перед райцентром, а по краю считался так.

Президент не любил посещений инкогнито. Болела душа за тех, кто отдал столько сил, здесь было бы хоть что, но совершенно ничего не менялось. Председатель вел рассказ о последних свершениях, погашении задолженности по тратам электроэнергии, индексации выплат, благоустройству парков. Ему импонировал президент и те, кто пришел на помощь, хотя предпочел бы обойтись своими.

— Вы артикулировали, почему жизнь не стала лучше, ведете меня точно к принятию решений, а их нельзя формулировать во взятом направлении. Для одних мы не более чем обычные люди, вы, похоже напротив ждете явление. Да, мы привезли средства для покрытия этих издержек и выполнения соглашения с подрядчиком. Вы патриот, не допустили бы нынешнего разгула недовольства. Вам дали конкретные темники.

— Увольте?

— Останетесь в обойме, не переживайте, исполнители очень нужны. Но надо понимать, внизу ждут — обязаны реагировать. Не хотите переложить ответственность на бизнес-сообщество, ухудшить и без этого тяжелый климат?

— Спасибо, господин президент.

— Мне, думаете, нравится, что больше нет товарищества, все должны были быть господами, а получилось есть господин хороший, господин инспектор, господин президент. Понадобится — готов уйти без вопросов, мы открываем школы, курсы квалификации работников аппарата, а люди все не хотят брать ответственность. Кто мешал прижать.

— Но они пришли с такими банками, мы не думали, стоит ломать, а проявиться на всех макропоказателях.

— Не надо ссылаться на известных неизвестных — говорите: где, что за статьи были нарушены, вы вместо опубликовали ряд очерков о бедственном положении на предприятиях, мы что — должны скрывать. Бюджет — обязан соблюдаться. Сейчас тут дадим, там, вот и останемся ни с чем. Соображаете, откуда у них деньги.

— Кредитование высокотехнологичных проектов.

— А я — не знаю. Они все могут. У корпораций службы безопасности такие, что их иной европейский политик стороной обойдет. Что я должен сделать — посадить этих собственников, начать наступление на зону свободной конкуренции, вы меня ни за кого другого не принимаете, я не чужд норм политкорректности, уважаю в вас равного.

— У меня полномочий не хватает свободно распоряжаться, нельзя сделать, чтобы было больше управленческих возможностей?

— Нет, — односложно отчеканил президент. — И не надо бравировать нынешним. Ступайте.

Губернатор вышел, гордо подняв голову и понуро опустив плечи, подкупающе электорально раскланиваясь с присутствующими.

— Хороший мужик, — резюмировал удовлетворенно президент.

Помощница изменила режим без звука.

— В Москве продолжают развиваться события. По сведениям источника в правительстве, в город прибыла рабочая группа, задача — установить соглашение между сторонами, по неподтвержденным данным, в Москве может быть и президент, напомним — сегодня утром он провел встречу на высшем уровне с правительственной делегацией одного из индийских штатов, в качестве подарка гости из Дели предложили бесплатное обучение в Кембридже ста лучшим выпускникам столичных школ. Обсуждались вопросы баланса вооружений на территории Юго-Восточной Азии, поставки новейших видов техники для сдерживания эскалации напряженности на сопредельных границах со смешанным этническим составом населения. Раз президент смог после непростых переговоров прибыть на место, возможно, завтра мы будем свидетелями примирения противоборствующих сторон. Вот что сегодня, по завершению переговоров, отметил он сам, — вначале шли кадры рукопожатия, затем подписания протоколов, и вот президент подходит к журналистам мировых медиа в окружении превосходных пальм. — Сегодня внимание приковано к городу Москве, где жители — а по имеющимся данным, сами они принимают в этом также участие — требуют встречи с руководством и буквально начали забастовку, так во всяком случае сообщают возглавившие акции, так называемые противники режима. Уже несколько дней происходящее заставляет переживать. Задевает, нет гарантий, что получив требуемое, люди успокоятся. Мне сообщили, что своевременно откликнулся на просьбы горожан о встрече представитель деловых структур, работают члены политических партий, общественные организации.

— Все замечательно, даже подумал, нам поможет. Но где были раньше, пожелают спросить. Там ведь считают, что мы прогнулись, испугались волнений, значит, власть не столь уверенно держится, хотя в центральной прессе подносится на сотню, — заметил верный советник.

— Вы еще не слышали, что обещают. По их расчетам мы им втройне торчим, словно лоскут материи перелезавшего сетку студента. Им и работники — расход. Технически иначе обстоит, понимаете, — собравшиеся соглашались. — Что, в кассу?

Президента на экране сменил агрессивный бюджетник:

— Мы перешли к действиям, противостояние заняло новую фазу. Сегодня был пойман шпион, полагаем, один из тех, кого прислали разлагать наш пролетарский бунт — увы, не могу пока назвать себя, или других, кто взял управление, но скоро узнаете. Обращаюсь к президенту, благодаря вашей компании, поклон. Президент! Просим незамедлительных выводов, и наказать виноватых.

— Сделано, — отметил президент. — Фривольно. Утром, не позднее шести.

Они согласованно покинули комнату, и не увидели — молодая работница администрации украдкой смахнула слезу и быстро упаковала в экологию оставшиеся бутерброды, митингующий на экране был несостоявшимся суженым. Вышла из здания, стараясь не тягать взглядов, завела мопед и поехала, где переживал он, такой дорогой и близкий сейчас человек. Никто не преследовал. Езда в тягучем воздухе умиротворила, представляла, могли и повенчаться в новой деревянной церкви на съезде к озерам с объездной. Почему родители не увидели в нем пару, год был точно скупой идол. Лучшие подруги кружили у дома и на работе, осуждая за неподдельные страсти. Чем займетесь на пенсии, когда это пройдет, подумай о нас, о домашних, выбери, с кем будет комфортно, мы не хотим умереть от зависти, чего мы должны. Надо хорошо смотреться вместе, а не хорошо смотреть друг в дружку, к чему окружающим отдыхать, встречая вас.

Одновременно с ней в дверь покосившегося, но еще очень надежного домика вошел и Иван Витальевич, известный предприниматель, осевший тут, никто не понимал, что забыл в их краях.

На кресле сидел молодой, красиво постриженный человек, поза выражает беспокойство.

Иван Витальевич неожиданно удивился, точно погоняя упряжь, и не придумав ничего лучше, обратился:

— Проб! Быть не может.

Ее поскучнел, повел кровожадно губами, и она вспомнила, чем выводил из себя.

— Значит, знакомы?

Тир не спохватился, и поверил:

— Что стряслось?

— Где Аконт?

— Полагаю, очень не тут. Все что надо, у него есть.

— Поедешь со мной.

— Вы тоже задержаны, — потребовал участник акции. —

Выясним.

— Подумай, я даже имени твоего не знаю, а до ваших проблем с начальством и в городе не видел. Я хороший бизнесмен, открыл три площадки — за минувшие два года, социальную кассу взаимопомощи, в противовес лютовавшим секвесторам.

— Не надо мне объяснять, знают. Он — ваш информатор.

— Будешь не прав, Проб в городе случаем, по его делам. Что это за красавица с вкусными припасами?

— Подруга.

— Неправда, мы расстались.

— Смотрю, у вас не клеится. Отдашь моего друга за четыре бочки солений, вам надо нечто потреблять из съестного, так просто кричать на шествиях не будет желания, а кричать через силу не лучшее для камер. Кстати, ты мне очень понравился в последнем выпуске.

— Спасибо. Давайте три бочки и хлеба.

— Хорошо, но последнее по открытию булочной.

Он согласился молча, и преломив президентский бутерброд, безразлично отошел под свет настольной лампы.

Иван Витальевич и Проб вышли и направились в сторону гаражей. Вокруг блестели в фонарях подернутые пред-рассветным льдом замерзшие колеи, жизнь Проба снова заложила крутой вираж, о многом хотел спросить Павла Витальевича, но чувствовал, неуместно.

— Знаешь, а ведь теперь точно больше не увидимся, — обстоятельно начал тот. Я отбываю в один из малонаселенных уголков планеты, где планирую вплотную заняться духовным. Разделение на богатых и бедных — вполне условно. Понимаю, ждал благодарности, возможности приступить к привычным обязанностям, но это не то, что я хочу от жизни.

— Я проездом.

— Не симпатизирую взбунтовавшимся против сформированных годами порядков недовольным наемникам, мне ближе те, кто за их малоинтересную, не сказать продуктивную, но тяжелую изматывающую работу помогает не голодать, одеваться, проводит культурные митинги. Полгода не прошло, отгремел первый международный слет кино в жанре экшн — в том белом здании показывали шедевры современной киноиндустрии, приезжали китайские мастера боевых искусств. Теперь они говорят — это не нужно. Набережную подмели, а когда гулять.

— Куда, в тепло?

— О чем надо думать тем, кто руководит. А они не могут, им дали в новом виде предложение, объединенные подвигами наживы. Украденные новаторства выполняются так, что мешают их прототипам воплотиться. Не могу сказать, что занимают вопросы интеллектуальной собственности, мозги сами виноваты, что не утекают, им ведь русским языком сказано не раз: хватит, идите по течению, что править наши скромные умы, мы ими смеемся, ведь существование так недолго, хотя в молодости, многие склонны предполагать бессмертие, изобретешь что-либо похожее, сообщи, я тебе электронную почту оставлю, или объясняй. Хочешь этот брелок?

— Обойдусь одной почтой, — жестко ответил Проб.

Нельзя часто стрелять по движущейся мишени и одновременно считать с тысячи. Но когда люди стали относиться иначе, завязались знакомства. В этом мире все не всегда дает цвет.

Пронесившийся мимо автомобиль убавил скорость, во-все остановился. Оттуда вышел хороший знакомый Павла — по имени они не помнили, но общались раньше. Оставив приличествующие предисловия, он молвил:

— Не имею возможности выразить признательность за наши дела, видимо, сейчас не совсем свободны, но прошу.

Тир все понял и отправился за новым билетом. Карьера не самонаводящаяся прицел. Хотел оставить сомнения, но они завладели им.

Глава 9. ОБЩЕСТВА

Когда они просили ждать, мир был хорошо нарисован на договоре аренды. Мне беды не стоят и тяжелых мыслей о судьбах страны, — прикидывал первый министр. Ему хорошо было известно, кто стоит за всем этим бардаком, но его мысли никто не мог прочесть порядком. Сломали, не слышать мысли, — можешь считаться ценным кадром, имеющим все шансы стрелнуть на прямом включении с места происшествия. Не все согласны с бумагами, которые он должен непременно завизировать, хотя посторонние их будут просить слезно, а это не более чем отказ поверить на словах. Можно мстить всем, или мстить всем, но нет возможности что поменять. Использовать других — разве не этому годами учат, наряжая в красочные эмоции первых. Здесь нет нужды в его интеллектуальном превосходстве, а вот своевременный отказ дать ход ординарным предложениям — может болезненно ударить по работникам. Надо обсудить с тем или другим, что делать дальше, в пустыне нет времени на сострадание и мало возможностей к прощению.

— Слушайте, друзья. Я более чем хорошо отношусь ко всем, заинтересованным в разрешении нашей проблемы, но у людей нет права так беспринципно нападать на тех, кто столько потратил для улучшения их существования. Совершенно правильно сегодня подчеркнул президент, мы не имеем морального права отступить, зная, кто против. И для чего это надо. Нет послабления не верящим в гибельный исход, у нас тут совсем не то, что показывают корреспонденты, заряженные негодьями с антиправительственной агитацией наперевес тиражных изданий. Этот человек, Проб, очень помог мне — и уверен, хотя не все поняли, зачем вам, разобраться в том, что там за люди. Общество существует совершенно реально и независимо от чаяний и частных инициатив, но оно полностью сводимо к направляемому здравым смыслом поведению отдельных человеческих созданий.

Я уже много лет слежу за новостями с самого утра, но когда полдень, вместо кратких и удобных для мышления вестей — получаю простыни информационные, напичканные самыми простыми переживаниями, однако отойти от авторской подачи при авторитарном — что только возможно — стиле управления — нельзя. Вы меня хорошо понимаете, я же могу понять вас настолько точно, что не даю труда.

На экране появился герой вечернего итогового выпуска:

— Наши требования очевидны. Решать вопрос с тем, кому принадлежат предприятия, выплатить обещанные премии, рассказать народу правду.

— Разверните, — спросил один из помощников.

— Что обязаны знать. Давайте обойдемся без конкретики.

— Можете говорить свободно, здесь только те, кому положено.

— Не рекомендую недооценивать нас. Сегодня приедут поддержать мажорные политики. У меня хорошие связи.

— А вы от кого это говорите?

— Мое личное мнение — сегодня все, кто отказывается подчиниться противоправным эдиктам администрации и собственников — половина города, — на нашей стороне.

— Ответьте тогда, чего вам надо. В политике сейчас очень беспокойно, экономическая повестка вызывает споры, решили, первенство у вас.

— Знаете, нельзя так манкировать мнением страты.

— Веря независимым опросам, никто не спешит одобрять такие демарши, восемьдесят процентов трактуют, что вызов всем, отчего сами, есть те, кто уполномочен вами сторожить ваши профессиональные интересы.

— Верно, но они по домам отсиживаются, дела не выбьешь.

— Вы ведь слушали сегодня президента. Так пойдет, нечем будет поддержать оказавшуюся в сложной ситуации социальную сферу. Попробуйте поставить себя на место. Хватит циничных притязаний на лидерство?

— Мы согласились — держаться.

— А что в конце ждет, подарок от поборников прав и свобод? Подумайте о близких, посмотрите, к чему это может привести глобально. Разве вы — революционер? Мы слышим правильного, согласного сотрудничать члена общины, или крикливого карамболя? Зачем воевать с системой, когда такие как вы — везде сгодятся. Предлагаю оставить в стороне недомолвки.

— От кого говорите?

— Я много лет в аппарате, видел и гораздо менее заинтересованных в сотрудничестве. Хочется пояснить: нагорожено около вашей частной проблемы.

— Переключи на президента, — попросил министр.

— Около часа назад, в новом помещении заводууправления прошла встреча между сторонниками бескровного развития и высшим руководством страны. В ходе завязавшейся дискуссии, оказалось, не все понимают, для чего требуются выступления, и кто виноват в — не побоюсь назвать своими именами — безобразии, — новый молодой ведущий харизматично повел пиджаком в сторону камеры, словно вылетающая из «Зенита» вспышка. — Теперь мы готовы показать самое важное, что на встрече заявило высшее должностное лицо.

— Прекрасные сограждане. Вот уже почти неделю вы лишены возможности нормально трудиться, городские службы находятся в повышенной готовности. Здесь много иностранных корреспондентов, сотрудники отечественных печатных изданий и телевидения. Мне неприятно признавать, что для многих это такое развлечение. Все ждут указки сверху, отмашки применить силу — мы имеем на это полное право, мандат от всего населения, от избирателей, оказавших доверие именно тем, кто сегодня руководит городом. Хотел бы сказать несколько слов про кадровые перестановки в крае. Михаил Дмитриевич не оставит начатую работу в рамках утвержденной стратегии повышения показателей основных отраслей промышленности, но упреждая ваш интерес, не могу пока объявить о его новой должности. Это не значит, что в трудный момент останетесь без поддержки со

стороны местных органов. Уже завтра в краевой парламент политическими силами будут сделаны предложения, уверен, новое руководство будет также работать добросовестно и ответственно. Теперь я хотел бы остановиться на требованиях, которые поставили наши партнеры: производство не может надолго быть остановлено: убытки несет и краевой бюджет, и государственный, ударит это и по карману самых незащищенных слоев. И те, кто сегодня ведет за собой толпу недовольных — отлично понимают, куда клонят, и видно, не скрывают — в чьем интересе.

— Мне все стало предельно понятно. На сегодня снимаемся, принимайте к сведению. Завтра в обычные часы, где было.

Один из помощников уважительно вывел Проба:

— Что за вопрос?

— Привезли, сказали, необходимо.

— Есть мысли? А по Москве что можете?

— Ничего к озвученному. Там действительно есть недовольные, не обязательно готовые на крайние меры, но очень злые на весь мир. Хотя город живет по-старому, работают магазины, очередь в кассу Дома архитекторов.

— Что дают?

— Не успел рассмотреть. Президент вовремя прибыл с визитом, но я далек от политики и управления. Хочу для жизни.

— Учтем. Вполне обстоятельно, оставлю министру. Можете заниматься своим, нет особой сейчас спешки. Огромное спасибо, на самом деле, тем, кто донес до высших руководителей все объективно, и ваш покорный слуга — в их числе, потайничаем — здесь могло получиться иначе, но министр — ответит. Хорошо, когда все интеллигенты, не надо задавать ритм.

Тир спустился на цокольный этаж, и попал на улицу в незнакомом районе явно своего города.

— Где ближайшая станция?

— Вам лучше дождаться последнего автобуса.

— Не успею?

— Молодой человек, я не справка информбюро, вы даже без извините вступили. Хотите чего-то добиться — будьте не только вежливы, но чутки к адресату обращения.

— Всенепременно. Теперь отвечай быстро, пока я не перешел на язык родных бликов и ты не стал эхом ускользающих на вершину холма похожих неторных проездов — куда мне и сколько идти?

— Такой наглежник. Мне думается, ты из тех, кто бьет за неправильный ответ. По причине такой, промолчу.

Тир приспустил галстук и характерно откашлялся. Неужели, после приема во властных коридорах, нарвался на никчемного типа. Столько времени он провел, мотаясь по разным городам, и вот — в своем практически районе, очень знакомые контуры крыш, встретил такого.

— Ногами бьешь?

— Я просто лицом в асфальт кладу и быстро сматываюсь, сценка называется «цезарь и салат».

— Сейчас мне за все ответишь, не только за названия.

— Давай сбавим тон. Ты спрашивал — я поставлял ответ. Ты мне не родственник, впрочем, в таком случае, все могло быть одинаково, но сценка означалась бы «гул моторов против разбойника».

— Ты очень интересен, парень.

— Я даже на «слышь, ты» не тяну.

— Давай уже подеремся.

И они подрались, с переменным успехом. Впрочем, Проб был лучше и быстрее, и неожиданно решив, что с такими земляками каши не расхлебаешь, в случае чего, — отправился в аэропорт, откуда можно добраться в любой уголок планеты, а верить настойчивым слухам — и на другие.

Глава 10. БУДУЩЕЕ ТВОЕ

Было привычно поздно, пока Кимберли читала эти письма за компьютером, а ведь раньше прислал посылку, с маркой ограниченной двухлетней аккуратной почерком четко сказал искренне при стабильных да сотрудников отдела, или она хотела получить. Зачем все только.

Иногда от работы не могла даже вызвать — чтобы завести машину нужны еще силы, неловко сидела, и ни о чем не думала. Порою — о зарплате. Что с ней.

Примерно так представлял реакцию. Последний месяц писал ей не он, а Грейс. Она пока учится!

— Правда, удивительное, — Грейс принесла бокал с мельбой. — Чего тебе?

— Сельдерей.

— Снаряжаю экспедицию.

— Слушай, говорил что был там, может не поедет? Тебе не интересно.

— А «сухопутные водоросли», «небесный поток»? Что расскажем твоим?

— Ты так прочувствованно это говоришь, «твой». Скажи еще.

— Что?

— Пожалуйста! Один-другой, ну-ка.

— Не нукай, — ответил Аконт наименьшее из возможного.

Было предельно ярко, ставя ожоги ультрафиолета столь нежно на кордильерскую увешку. Рано заходит средней зимой, и немногочисленным благодарным зрителям сурово улыбаются портреты столетий. Немного раньше актуальности данных событий ценность индивидуального сознания высилась рубежом, галопируя его, неслись недовольные окрики погонщиков речи привычной. От жары до холода, через поквартирные пропуски часов настоящего летнего зноя, простертого щедрой природой над бывшими долинами, окружающие становились или

не собой, то вместе предсказывали крушение стабильности.

Надо очень сильно не заслужить, чтобы стать нами. Мерещились родители с флаконами снотворных. Они хотели жить спокойно, мы расти. Раньше так добро полыхали четыре конфорки на кухне, ожидая разогревания супа, чайника со свистком, сковородки для трех-двух яиц. Сменила его в ванной, пропорхнув мимо по-своему, приятно улыбаясь.

— Ты там? Открывайте!

За дверью оказался Никон. За несколько лет он не особенно изменился, скорее наоборот. Удивлению Аконта не было предела. Вдруг! В камерном уголке солнечного горного воздуха нашел. Вместо «я думал ты умер» — молча достал литр мастики, не глядя плеснул в стаканчики.

— Совсем один?

— С подругой.

— Думаешь?

— Да.

— Все она твоя, точно? Сама и нашла?

Аконт смутился, один в один перед забором бесконечным. Когда до изучающих бесстрастно лица иконок лаптопа оставалось несколько минут, обыкновенно прислонился к забору и жадно дышал, вслушиваясь в гудки пролетающих скорых. Лето обычно кончалось, выпущенным из шарика-поздравления аргоном — быстро и без остатка, и словно кто-то давил сверху телом. — Оболочка. — Родная осерчала, и с грозною ласкойхватила за фалды. — Опять свою ламу на ночь слушал! У меня в эти кассеты младшие играют, по двору разматывают и бегают, счастливые невинные выражения, привези, все больше пользы. Мясо на прилавок не попадет. У нас на местном из-под полы чего только нет, домашнее! Творожок вот принесла на потом. — Не успел тогда Аконт перейти на понятную тему частного хозяйствования, купит дом, стали вместе со всеми поклоны бить, избавлять от греховности буддизма. Комплекс там какой, трое суток не мог потянуться. Кто он? За что? Помогла добром женщина, три года хоронила. Кто помог бы мальчику с разбитным лицом, потерявшемуся?

Никон уловил, красиво улыбнулся.

— Порядком твоя изволит. Женщина обязана за собой следить.

Аконт случайно задержался во взгляде его. Нежданно понял, не так он и рад, как предполагал последние месяцы. Друг отодвинул стакан, на который нацелился, и пошел, ничего не говоря, на улицу.

Тянулись здания настоящего юга. Он ничего не говорил, но с каждым пролетом близких переулков Аконт ждал расплаты. Мог сказать, испугался, двадцать не возраст, наконец про девушку, что виновна. Но когда в одном мысленном предложении сходились три и больше «что» говорить не хотелось, понурясь сдерживаться. Возращенное родителями благородство, усиленное подвижничеством примеров на виду пересиливало.

— Считаю знакомые сочетания. У нас был атлас и кровать, за тридцать, а я всегда хотел побывать там, где никто не был. Хватают, тащат в вездеход. Решили, с подмогой вернуться, тогда помогло, что мои рядом.

— Подыхать оставил. Убиться! — на последних словах представил, как она выходит из ванной, сушит, спеша волосы, вдруг стук, аборигены зовут выйти, и она видит его. Что говорить родным?

Голос подбодрил — иди с ним, не переживай! Я покажу тебе другой Ольдштайн.

Подошли к распивочной с подсвеченной двуцветной неоновой лентой надписью «Evening Lie».

— Веди себя обычно и возможно буднично, — проинструктировал прибывший.

Внутри оказалось безлюдно. Диктовал меню легкий дабстеп.

Зашли за две ширмы, на первой японка без черт из мифа трясла дерево с одиноким яблоком и двумя цесарками. На второй пары блудливых гетер танцевали на берегу подернутого обычными лотосами озера, одна воздела непропорциональные руки к небу, вторая жестами звала зрителя к себе.

Дальше оказался недлинный коридор, приведший к двери с хулиганской надписью VIP. На полу была надпись фирмы, огонь из баллона летел мимо, такое ведь нельзя штамповать, вспомнил Аконт.

Видно, устали мыкаться. За небольшим столом с водкой в ведерках со льдом и скромной бадьей севрюжьей икры было десять человек.

— Меня зовут Флосом. Остальных можешь никак не звать. Садись, — Аконт сел на единственный свободный стул, друг замер у стены.

— Товарищи собравшиеся! — без пауз, но постучав перстнями о ближайшее ведерко начал самый представительный. — Сегодня, в этой далекой солнечной стране, где девушки приветливы, а туземцы за пару сотен бус твои лучшие друзья, мы собраны принять важное решение. И поверьте мне, — оценил каждого взглядом скучающего — нельзя, чтобы поверили всем. Молодой человек, просим, и несколько предложений о себе.

— Меня зовут Аконт. Я из столицы. В третьем поколении не взираю на опахала. По образованию — продюсер. Занимаюсь умеренно бизнесом. А вас как зовут?

Собеседник условно показал бультерьера. — Такое тут — тебе решать, приятное или нет, — тронул себя за браслет на счастье. — Это как называется?

— Подарок, — ответил Аконт.

— Дарю, — не представившийся снял браслет, на нем висел плоский опаловый Crix Ansata и через сидевшего между ними силача передал Аконту. — Теперь так. Знаешь, парень, в честь чего собрались. На тебя работает логическое мышление?

— Хотите меня призвать к ответственности, вот за что.

— Расскажи, все ждут, — сказавший потянулся к сырам, но предыдущий говоривший остановил, на хоум ран.

— Бросил друга на дороге, с проблемами. Почудилось, он не совсем понимает. Близкий оставил мне, — продолжил более задумчиво Аконт, но дружный гвалт собравшихся прервал неплохое начало:

— За себя говори! У меня тоже много кто есть! Сейчас такой придет! Сам по себе не маленький!

— Проб, — тем не менее упрямо доксил фавулу Аконт, — владел городами. Я намечал к своей поехать, а друг сказал бросить.

— В итоге бросил своего? — предположил сосед. — Или кинул, сам поможешь?

— Мне было не так много лет.

— С ней сейчас прикатил?

— Нет, другая.

— Оружие на стол! — приказал кто-то. Собравшиеся стали с характерными шмяками клацать о мореное дерево небольшие, не похожие на настоящие пистолеты, кто два, кто один.

— При всех? — спросил тот же, и Никон, на которого уставились присутствующие, вытащил молоточек.

— Или конечно уважаешь, или бесконечно.

— Бесконечно признательным быть можно.

— Бывает, — согласился последний его собеседник. — Я без обиняков, это же от слова обвинение?

— Сверимся со словарем.

Он расстегнул ветровку, демонстрируя полный набор непонятого назначения приспособлений, присобаченных к оторочке.

Не представившийся выдохнул, и, подняв в кулаке рюмашку с безалкогольным яблочным предложил:

— За услугу! — все чокнулись, — Аконт искал перед собой стопарь, но не найдя никакой посуды вперед по столу, открыто манкировал.

— Наличествоует непонимание с одним человечком. В пенах. Перекрыл тут все, словно советский униат.

— Жизнь морозкой не казалась чтобы. Придержи земли распаханной от новой борозды. Три дня. Билет взяли. Твоей придумаем. Вот для нее, между прочим, — и предположительно главный из собравшихся достал из широких карманов что-то вроде колье. — Не самое. Но с Ливерпуля. — Заме-

тил, все стоит, но вместо чтобы ожидаемо сесть, протиснулся к Аконту и спросил, подкупающе ерзяя:

— Да — нет?

— Пойдет, — отвечал Аконт, на ходу решение надо быстро принимать, тем более в застольной беседе. Уважение — оно всегда к собеседнику, поддерживаешь или ведешь, не столь принципиально.

Никон зачерпнул блестящим перед ним кухонным ножом икорки, и, стряхнув в рюмку, вкусил.

— Это Мидиец и Квестор, — показал Никон в темнеющей подсветке плохо освещенную часть стола. Отвезут.

Дальше долго шли из бара бедными квадратами, Мидиец иногда оборачивался.

— Что ждешь? Никто не знает.

Совершенно сели в автомобиль и в молчании понеслись по хайвею. Небо начало светиться, и Аконт спросил:

— У меня там моя. Наверно места не находит.

— Слушай свежий. Поймал Рип рыбку. Просто. Рыбка говорит ему человека баритоном: отпусти меня на все четыре зоны. Достал дед сетку для сушки улова, только собрался положить, слышит, сзади шевелятся. Обернулся — никого. Кто здесь! Молчание ему ответом. Кряхтение нарастает. Дует прорывами жести бриз, несет по воздуху брызги океанские. Вдруг из-под камня вылезает — не то человек, а иначе посмотришь, так и не человек вовсе. Дед-а! Не отпускай рыбку, подаришь половине улыбку.

— Приехали, — хлопнул Мидиец, кажется, по товарищу.

Спутники вышли и широкими шагами двинулись в сторону редких финиковых пальм.

— Это вот банановое дерево мы называем. А это — автоматический пистолет системы Фаст-фуд. Целиться надо будет выше.

Пока восток не проснулся. Мчали до города, и против ожиданий повернули на аэропорт.

— А моя там?

— Легенду сочиним, дескать, попал, спал.

— Не поймет! У нее и родители влиятельные, пробьют по бюро. Никого б не подставить.

— Твои списки скажем не показывать.

— А очень плохой человек?

Показались характерные постройки.

— В общем, послушал рыбак жителя — решил добить Ми-
диец. — Приходит домой, а там не то, что случилось. Благо-
верная омолодилась. Стол полнится, скоморохи бродяжные
частушки скабрёзно поют. Сама скромно у стенки, ласково
готовится. Просыпается — ничего не изменилось. Забылся.
Сказка жизни смена плохая.

— Дайте позвонить.

— Нельзя.

— Прошу всем.

— За спасибо помогаем, не искушай, по чем берешь. Не
промахнись, будем. На вот, — Квестор протянул два сотых
под натуральный виски шоколада. — Поспишь на борту.
Вернешься, запиши: «Бэй Сохот». По-русски. Переведешь,
в «Бонс» привезут.

— Что в деталях?

— Одолжение.

Глава 11. ОДИННАДЦАТЬ МИЛЛИМЕТРОВ

— Бог на небе, стал с веками выше. Не иезуит, слушать данные миссионерские заповеди. Что там было, где носят бриллиантовое исподнее, епархия. Преграду не омы, рассудят о стол простой. Пришлось оформить отношения, заставил отец. Не смотря на эти твои банки к весне. Помолчу о тебе, таким сибирским молодым, будут холода, а она останется с другими. Подходишь такой, прости, не жалею твои и абстрактные чувства слишком, в части обиды раннего признания, не последний патрон на вечной?

— Не очень понимаю, к чему ниже вирши. Снегом на крыше бьет кровь. Заразился манерой?

— Что сделал ты хуже, чем люди из веточек змея? Тынц, танец сабель. Мы щит ставим в землю родную, до неба стапель.

— Встретил одну. Не просит свежего хлеба игриво. Лучезарная дочь Феба в отблеске зари, не потеряй меня из виду. А началось следующее, — взялся совсем исповедаться Нрав, но сдержался, воспоминание оказалось окрашенным. — Отдавал необходимое ближе к северо-западному краю, там и узнал про происходящие на свету мракобесия. — Нравилась та в полосатом платье долу, да столь в мозги взял, что часы оставил на тумбочке, а где? Время позднее было, люди совсем отбились от расписания, вроде зовешь на помощь, потерявшим полотенце с именем на пляже соседского отеля, вроде не приспичило, а случай нарушителем отказывается сопротивляться. Или по тревоге, до дна не копают, взять плиты. Бывает такое, живешь восемь лет, хлоп, под землицей кончается плодородный слой, а давала щедро топинамбур, вилки молодые капусты. Солили на отшибе. Из звездного ранней летней весной антуража приплыла мысль, буду вот так лежать между смертью и жизнью, и выбирать, кого что бесит. Мне и сам являлся, но годы были, здоровье и вкус расплавленной карамели, игнорируя тепло. Хотелось плю-

нуть, ответственность перед последующими туристами раз за разом удерживала, вот и в данный момент, воля вышла сильнее стремления. Когда лицезрел того купидона с нею, почти потерял понимание особей. Одна из недобрых историй в третьем лице, лицо делает их добрее, зато не получает по первое число, а первого надо хотя бы делать вид, что на зарплату идет. С сапогов шлангом паюсные отходы не лучше, при условии, что нужна свобода, а не несвободная. По знакомству организовать, смотреть неудовлетворенно на воду, считать круги с ровных голышей, не понять не специально. Аккуратно подбитая портными рубаха. Дальше рассказывал сам начальник, чем было прилично. Поставленный плохо голос предает с потрохами, подружился на супе, но не встал с вареной головой, пока спрашивали пароли, «с месяц тому пришла одна. Я к начальнику строительства! По каким вопросам? У меня нет вопросов, один был. Что обсуждать? Исполнить чужую мечту не то что почетно, а исполнять, когда не готова. Напрасно вы это, кто стоял у ворот в полете. Пропустите! Человек в опасности! Мы тоже люди, проходите. Налево через двор чисто метенный к железу массивной двери. Как думаете — заглядывая проникновенно в лицо провожатому — поверит? Хочется, чтобы проверил. В первый раз или в этой теме? Вот и кабинет, похоже, здесь живет водолаз, словно в жилище Нептуна попала робко. Начальник отчего-то походил на человека из далекого прошлого. Вы извините! Конечно, продолжайте. Я по очень важному делу — спасти друга. Уже давно под чарами вашего подопечного, Вентия Ленелова. Хотела иногда стать Ленеловой, все было весьма мило, познакомились с домашними, так никогда не задевало. Допустим. Затем это странное человеческое общение с непонятными субъектами, в общем, ушел к другой. Обогнала на фотофинише. Тут и работа подоспела. А я, знаете, денный вечер не могу уснуть. Тело отказывается расслабиться. Позвольте все исправить! Как хотите, а хотите? Но мы должны проверить искренность ваших чувств, так понял, чужой брак портить

планируете? Нет! Просто поддержать. Забыть не могу! Но нам проверить должно, что брак не станете ломать, не уведете, я в определенном роде призван буду отвечать. Да что вы! Все наоборот! Понимаете, куда пришла, проверим твое желание желать? Говоришь, не нужен тебе? Нет, нужен, это так, не претендую. А он вам перед всеми признается? Вот и свидетели, подтвердим. Будет ваш, но баш на баш. Есть у меня пара ребят, с провинции богатой, даже не пишет никто, подсобите — устрою с ним randevu. Но перед всеми, нам тут громкие заявления не нужны. Что вы! Так ведь вас совсем не знаю, вот бы мы были знакомы — другое. Но ведь вы не совсем такая! Безусловно, нет, но томление души не оставляет простор для выбора, что там текущее, когда на кону вечное. Значит, игра? С моей стороны все серьезно, ставки выше, чем можно. Готова пойти на все условия, лишь спасти его. Затем спасти брак. Знаете, всю правду сразу сказать не решалась. Боюсь, оставит в прошлом искренние чувства, не одобряю ярлыки, но можно называть многих действительно плохой. Она уже три семьи разрушила страстностью неукротимой, к чему эти поиски настоящего, подавляющее большинство спокойно договаривается. Знаю, они виделись на днях. Понимаете, мне, даже вот я девушка, не ясно на что такое можно подвигнуть примерно мужчину, боюсь, она каким-то образованием зацепила редкостным. Или фашист или фетишист, рифмовал народ, когда очереди были длинные, здесь человек широких взглядов, образованный, прекрасный друг, отзывчивый сосед. С детства всех знаю. Перед всеми, ведь испугаетесь? Готова на многое пойти, оговорить что скажу, лишь бы единению душ способствовать».

— На ходу присочиняете? Это так басенки в бурные течения, ведь все демоны искушают, — исповедник, кажется, реально впервые слушал подобную историю.

— Хороший! Не перебивайте. Смотрите — мне совсем, предположим, недолго остается, — Нрав подкупающим махом обвел стены и ноги в твердой простыне. — С дру-

гой стороны было так. Издревле, люди ждали людей, одни опаздывали немного, другие спешили, пока годы брали свое. А тут — пара лет, заниматься по хозяйству, да ребеночек есть, плюс ходить гулять, по центру, очень красивый старый город, месяцев не больше дюжины. Однако не все граждане живут по домострою. Та гостья руководителя — агент=вербовщик службы своевременной разведки. Дело в том, что не все задумываются, почему не мутятся легко, чисто зноем взгляда на улице сладкие конфетки. Отсюда общественная нормальность содержит миф. Это такая мифология не для всех, только для активных гражданских лиц. Не знаю, как вы исповедуете, не зная излагаемых мной типовых обстоятельств, думаю, вполне благодатно, личное превалирует над частным у одних, о других противоположно. В общем, решает такой актер, что раз туда-сюда типично, там было что-то, тут что-то подобное, отчего бы не договориться с большой компанией и так сказать женившись не менжеваться, а скажем, раз в неделю, или два в месяц, не теряя голову по воле провидения, Эрота патронов, это ведь все гормоны, показали современные ученые еще сто лет назад. Условный рефлекс — вот и весь секс. Кто-то воспекает линии четкие дланей, вспоминает мимику лица, оттенки вдохновляют. Другие, что за изящество ценят, предпочли стать каменными изваяниями, интенция есть, но кризис в целях. Они с тем пойдут, с этим, друг с дружкой покушают с консервированной сайрой лапши, вот и гормональный баланс, единство тела для души. А мне для души требовалось чтобы смело, порывы есть, ветер внутри. Он или в голове, или душа уходит в пятки, или она в сердце вдвойне стучит, типа нет внутренней войне, а как тогда молиться? Впрочем, я не фанат молиться.

— Давай. Туда или сюда. Я пусть и на работе, но твое мнение лучше отрази письменно. Сестра, можно кофе повенски? — но вбежавшая минут за пять молодая красивая медсестричка, только всплеснула руками, выбегая, зардевшись всем прекрасным телом.

— Короче, столько лет прошло, а вспоминать не хочется. В общем, приходит благоверная ждущая моя Лайки в гости к известной матроне. Так и так, слезы, смех, все. Та и говорит, раз такая личная жизнь, значит, не один тебе нужен, а раз ты такая, то типа подобное тянется к подобному, я называю эту формулу «бес подобного», возвращаясь к нашим диспутам, раз ты — то и он, в стопроцентной степени. И чем раньше ты его ложную скромность обойдешь и покажешь, что можно жить и не париться, а то ведь будет в пятьдесят по саунам шастать, а там заболеваний! По счастью, пусть армия ужасающее зло, но есть и там нормальные начальники, могут войти в положение! Мы сейчас его проверим, а он там хранит данные обещания. Он давал обещания? Давал ли я обещания, — Прост потер задумчиво ключицу. — Нет, только она давала. Берут тебя за руки-ноги, несут смотреть фильм. А там твоя с другим, прикинь?

— Сын мой. Да столько лет прошло, боюсь говорить, но тут очень хорошие работники, они намекнули, этой ночи можешь не пережить. Ты бы лучше про свои грехи.

— Все знаки по знакомству. Пусть аналитики, но и такие присутствуют, недоговорили и не договаривают, договорились промеж собою. В иностранных государствах их на пушечный не пускают к душам, а тут встречается напротив, чем сдержаннее, тем лучше. Потом снимают новое кино. Стоит строй, а кто-то, отдаленно похожий на нашего героя, в данном случае меня — действительно совершает развратные действия с той матроной едреной. Ну вошь, как говорил наш бухгалтер, покрывая из своего кармана издержки дебетового хозяйствования. Еще неделя. Снова фильм! Снова моя с другим, может тем же, лица не видно. Ну что, говорят, нравится в наше кино ходить? Нам надоело, ты тут не один, или через неделю последний фильм, или каждую неделю, а то про три фильма мы никому не скажем, а так станешь нашим Аконтом на отпущенное сверху время. Скажи ей, что ты тут ориентацию потерял. В смысле сменил локацию. Дальше свидание, говоришь что надо. Та идет к своей матроне, ахи, портвешка море.

— Дело в том, что не власть погибает, а общество. У меня почти также было. Только фильмов два, я не такой скромняга. Обсудили, поплакали. О дочке надо было думать. Ничего, я все понимаю, даже и принять тяжело, — незаметно вошедший в палату седовласый плечистый хирург, судя по тону, только начинал разговор.

— Выйдите, пожалуйста, имейте уважение, — неожиданно вступился за Проста батюшка.

— Не смотри, что в халате, — работник достал из-за пазушной выемки что-то вроде большого ножа. — Нет, это не совсем то. — Левая потянулась и достала из левого кармана пистолет.

Прост легко поднялся и жестами пригласил батюшку на кушетку, когда тот молчаливо отказался, просто повалил на недавний смертный одр?

— Не признал меня, признай что было.

— Вы приняли меня за начальника воинской части?

— За едрену матрону, разговор с привидениями. Это ведь не просто так владыка послал тебя. У нас везде свои люди. Служишь ты пятнадцать лет, вообще красиво. А теперь вопрос: ты та фигура из фильма? Это не фигура речи. И ты фигаро тут не исполняй.

— Я вас услышал, — вспомнил батюшка из прошлой жизни.

— Лайки знал? Давай без сегодня.

— Простите, но я просто пришел помочь.

— Слушай, ряса. Или врубаешь цивильный дискурс, или я за него не отвечаю. Но действительно много людей вылечил, — работник довольно мило сощурился.

— Это же просто беспредел! Подумайте, что о вас говорить будут.

— Ты это или не ты. Спалил по ресницам. Учти, нам трупы не нужны.

— А что вы хотите?

— Высшей справедливости. Сейчас мы пригласим в помещение пару милах, они возлягут на кровати по обе сто-

роны. Затем фото, у нас сценарного образования дефицит, после краткий пиф-паф, и квиты.

Батюшка попробовал слезать с кровати. Легкий тычок в лоб отправил его обратно. Работник поиграл бликами на стволе.

— Опять эти диалоги, сколько вас видел. Сейчас вылечу тебя от амнезии, или отпущай себе грехи сам. Мы такие не можем, — работник постучал в дверь и в палату впорхнули две работницы. Вмиг сбросив жмущие больничные халатики, они возлегли по обе стороны священника, одна нежно дотронулась тыльной стороной правой ладони до его высокого лба.

— Будет так, — хотел утихомирить обезумевших людей батюшка, да Прост уже щелкал поларойдом, — девушки упорхнули согласованно прочь.

— Это мы покажем кому надо. Теперь выстрел в ногу.

Батюшка зажмурился, готовясь к страшнейшей боли, но ничего не происходило. Он открыл один за другим глаза, в палате был он один. — Говорил мне владыка, не смотри ты голливуд, особенно ночами, — помыслил батюшка, степенно поднимаясь к выходу. Двери закрыто безмолвствовали. — Народ ждал царя. А получил копьё, — произнес в отчетливую хлорку в воздухе батюшка, и мирное молчание, успокаивая, было лишь ответом.

Громкая связь эхом отзывалась на подкорке, Аконт сразу все вспомнил, очнувшись, а не как думал. Трэвелс Чойс выпито поблескивал рядом, словно серебристые мальки в сачке на солнце. Сейчас бы выйти на крыльцо, понежиться в сосновом духе дома. Обрюзгшие пассажиры со всех сторон плелись на выход. Сексуально про текст. Что это могло бы значить в голове толкующего сны, но Аконт был обычный парень, увы махнуть было нечего. Хотелось врезать большинству из проходивших по маскам, но в жир же. — Вкусная была маракуйя! Даже любимая сказала пару слов.

— О да, — вспоминание реального траханья обезличило левый сейчас эротогенный флер сна.

— Выходить будешь?

Глава 12. У ВИП

— А_{конт?} — А вы?

— Моя фамилия тебе ничего не скажет. Но игры с водкой по случаю устрою. Можешь звать меня Гертр.

— Обойдемся без формальностей?

— Простите, Аконт! — К ним стремительно спускалась крайне симпатичная блондинка — само очарование! Красивые глаза оттеняли необычайно уместно подобранный к пудре карандаш.

— Молодые люди! Погодите же. Вас я даже в профиль легко узнала, такой красавчик! Ах да, меня зовут Патриция. Не волнуйтесь, я не из службы контроля багажа.

— Девушка, вы не обознались? Я встречаю гостя, видите, спецтранспорт, у нас мало времени.

— Нет. У меня послание с вашей, Аконт, стороны. От Лайки. А вас как зовут?

— Ты подружку с собой взял? — игнорируя лучезарное лицо Патриции, брякнул недовольно Легойда.

— Да ну что вы! Мама правда может передать весточку через кого приходится.

— Только письмо у меня в багаже, там и фотография есть.

— Садитесь.

Фотография! Лучше бы Патриция выбросила ее в урну. Это было в самом начале вечера, и на карточке Лайки очень похоже, что сидела на колене этого пожилого угодника Истера! Вот и верь после персоналу. Надо бы в головной офис «Роли» дать знать, но на всех не получится найти управу. Они ведь один за одного, как корсары на рейде.

— Давайте и обедом накормим, все-таки десять часов.

— Спасибо. А то мне в банк заезжать еще. Но обременять совестно.

— Мы и так выбились уже из графика, — не зря он делал недоуменные глаза на получении багажа. Может, ей

и не Аконт понравился. Для дела лучше бы он. Молодых использовать надо.

— Надолго к нам?

— На три дня, неделю. Повидать родных.

— Спасибо за весточку.

Они неслись в сторону центра.

— Что же такое делается? Откуда все эти коровы?

— У нас в прошлом году закрыли свиноферму. Люди полностью перешли на говядину. — Патриция передернулась.

— Я цену больше всего индейку. Она не жирная, — начал было шофер, обиженно, что Легойда его не представил, но лицо блондинки смутило.

— Заработать не хотите? — неожиданно, как очень часто по наитию, просил девушку Легойда.

— Вообще я отдохнуть думала, сейчас время такое, на работе горячие три недели.

— Тысяч триста? Делать особенно ничего не надо.

— Это очень большие деньги. Наверно что-то незаконное.

— Как сказать.

— Деньги, движение, приложение интеллекта — согласна. И вообще, все что запрещено законами и осуждается принятыми нормами морали. Три сотни, конечно, лишними не будут.

— Да надо-то на шухере побыть. Авто, смотрю, водите?

— А что вы будете делать? Грабить?

— Заказное убийство. Одного известного жесткого парнягу надо сделать героем. Совсем.

— Не боитесь, что я из полиции?

— Боюсь, — честно признал Легойда. — Но я тебя признал. Ты ведь бывшая Себастьяна Верховена? Помнишь, в пятнашки играли, напившись кентенберри? У тебя еще такой кулон был, на виду валялся.

— Так это ты!

Аконт чувствовал себя не в своей тарелке. Глаза этого Легойды стали сразу есть его мозги, а теперь от возбуждения старых знакомых он просто взлетал в зенит.

— Как ты попала в Союз? Нам еще километров тридцать, можешь не спешить, быстрее нашего водителя не пообедаем.

И Патриция неожиданно стала рассказывать. Как Легойда предположительно помнит, она из очень известной крепостной семьи. Там, за тремя рвами, под сенью скульптурных изваяний и блеском скульптурных групп шло не спеша отрочество с видом на взрослых безобидные возлияния, с пением мух у кровати. Ее звали вначале музой музыки и беззаботного смеха, но между родными и близкими произошла безнадежная свора. Часть выступало за немедленный отказ от коррекции эмоции, более взвешенной позицией подавалось спихнуть разность эмоциональных потенциалов на проблему поколений. Одни боятся страха, другие ленятся от бессилия. Мы, пробужденные для жизни вечной, копошимся в чужом стиранном белье. Много поднималось тогда и сбрасывалось в пропасть. В даунтауне были дальние родственники, после разлада согласились принять все ее многочисленное семейство. Никто никого там не стыдился, не было ссор обид, неуклюжей утренней ругани за чашками. Первые воспоминания — удары судьбы, она всю жизнь бежит от неуместных аллегорий. Одним по сердцу иллюзии, иные не прочь использовать сложные аллюзии. За крепостью, на горе жили самые добрые люди. Она ценила бывать у бедных родственников. Ей было почти пятнадцать, или двенадцать, когда первые детские воспоминания показались не снами, правдой. Буквально пару недель, и он посвятил ее в особенности текущего мироустройства. Мировая политическая повестка оказалась лаконичнее передовиц масс-медиа. Есть мы, они и те. Те оказались не теми, что должны быть с нами, а те — что с ними. Слышали, про хрен с ними? Вот. Он со всеми должен быть, и с нами тоже. Тут ведь ничего особенно сложного, в человеческих организациях. Одни умные, вторые не глупые, третьи — вообще не дураки. А я дурень, — объяснял ей и еще пятерке способных Акдехай. Я против системы. Есть система научных понятий, это совсем не научная организация труда. Совершенно не важно, кто и чем владеет. При правильном подходе каждый

будет годен, вот только те, что не годны, негодники эдакие, они больше по сердцу тем, кто хороводит. Точно в прятках, кто-то водит, кто заводит, кто обводит вокруг пальца. И вот последние вместо чтобы делегировать представительство первым, освободились и стали крутить пальцы вокруг головы. Когда общество просело под гнетом экономических бедствий, это было не столько влияние макропоказателей, сколько желание конвертировать свободу в понятные референты реалистичных ценностей. Романтика стала выражаться языком игорного стола, как верование (beliefs) парой столетий до. Понятно рассказываю?

— В целом да, а что за верование (иудшуаы)? — Легойда хмыкнул. Теперь похоже, лапочка получила достойное образование, зачем, впрочем.

— Иудшуаы (beliefs) — типичный пример суперпозиции. Мне ближе по духу поэтика Просвещения, бедная проза улицы с социальным подтекстом. Проявлять над свечкой в ссылке письмо молоком, было вполне возможно в те годы, но старалась держаться стороны. Все было внове. А на следующий год Акдехай пропал, все немного привыкли к тихому спокойствию вечерних посиделок, гвалту с соседних строек. Когда мы снова встретились, сразу вспылала. Стройный красавец юноша ничем не напоминал позавчерашнего мальчишку разносчика. Для меня он был теперь уже не посторонним в теле чужого, а родственной душой. Мы общались через день, обсуждали общих знакомых. Однажды он пригласил меня к себе «на работу». Первое, что поражало в Союзе — спокойный холодок от тонких перегородок, улыбчивые лица служащих, мастерские фотографии на приятного оттенка чистых стенах. Почти сразу из кабинета выглянул непосредственный начальник. Не успела оглянуться, на пяти пальцах нарисовали. Вы бы что сказали дороже — честь или честность?

— Конечно, честь. Это совесть совокупная масс, решенная с умом в пользу общего блага, не забывая о проблемах конкретных личностей, — Аконт тоже разглядел за образованного собеседника.

— Разве одно возможно без другого, и возможно, что они значат по отдельности. Это не праздный вопрос, рассмотрим праздник как исконно мировое явление и исключительно мирное. Зачем праздновать что-либо, когда нет веселья, и почему настоящий отрыв возможен за закрытыми дверями спален, клубов, элитных парков развлечений? Вокруг сомнения, давление сообществ, гротеск ожидания. Общество — большой вокзал, а люди — трясущиеся пассажиры.

— Ты не изменился, или слишком часто изменялся. Но куда мы едем? — машина давно оставила дорогу аэропорт-город и поднималась по серпантину на утопающую в хвойной зелени вершину.

— У нас тут домик, неподалеку. Там настоящий камин, мясо жарится. Захочешь — потом отвезем в твою гостиницу.

— Так кого надо убить? — перебил предвкушение яств разносольных Аконт.

Вместо ответа Легойда достал из кармана пару фотографий.

— Это и есть филантроп?

— Ненавижу филантропов, — умилилась своей карточке Патриция.

Язык Аконта прилип к небу, по бокам выступил пот.

— Знаешь его, — проиндуктивил Легойда. — Рассказывай, нам не сюрпризы нужны, а призовой фонд.

Провидение не оставило Аконта. Машину резко тряхнуло, вначале чертыхнулся водитель, повело влево и автомобиль влетел в обочину, перевернувшись падающим с небольшого горного водопада совсем мокрым бревном набок.

Потчужа все на свете ужасными проклятиями с похабными словами вперемешку, они вылезли на дорогу. Поперек дороги лежала лента с шипами, такая, для аварийной остановки машин.

— Бежим! — скомандовал Легойда.

— По дороге вверх, — в три раза громче проорал водитель.

Монитор перед охранником был старенький, но красноречивые жесты этой четверки были столь уморительны, что ко-

медия сегодня на ночь вполне может быть сменена на качество.

— Прост! Смотрите, как бегут! Кто из них главный, наверное та обольстительная блондинка, разочарованно швырнувшая в кювет новенькие шпильки?

Прост отделился от полосатых фотообоев и посмотрел.

— Какая славная девочка! Может, случайно затесалась?

— Могу я не уважать, тех кого среди нас нет? — спросил в ответ охранник, — как же его зовут, это ведь у них самый мощный. На неделе дважды спрашивал, подождет до следующей.

Оставшись один, отмотал назад на крупный план и заинтересовался красотой незнакомой блондинки. Лицо рядом привлекло внимание — где-то видел его, когда? Обычный с виду парень, очень напоминает его, вот жизнь сложилась. Ни одной весточки не передал, теперь в лицах других видеть знакомые черты, искать. Однажды в толпе подряд попалось трое кряду. В тот день напился. А ведь очень вредно. И зачем отдал девушку этому, сам бы первый пошел, теперь жди вечера.

Изображение на мониторе резко превратилось в одинокую поперечную фиолетовую полосу, попал в итоге. Второй поднимать.

— Смотрите, еще один! — знание начало работать на дыхании. — Давай в кусты.

— Это ты все, говори, нечего разводить кур на проросшем просе, — водитель махнул пистолетом вверх.

— Довольно с него, — Легойда неожиданно для его комплекции запыхался. — Значит, ты. Берешь девушку и дуете в ее мотель. Чтобы жива осталась, будет тыкать, скажи: Акдехай. Объект завтра за час до полудня будет в библиотеке открывать выставку раритетных марок. Не объявимся, делать самому придется. Икру мне сказали ты кушать не так себе чтобы. На вот, — и он протянул Аконту пистолет. — Это немецкий — автоматический боек.

Аконт кивнул, сглотнул и показал глазами, что да, потом открыл было рот, но Легойда остановил вербальный беспредел:

— Не сомневаюсь. Расчетное время два ночи. У меня друг

правильный там, в домике выше. Надо проверить, не раз спасал, — он мотнул красиво руками полукругом водителю, и они побежали наверх, а Аконт — вниз, к девушке.

Патриция бежала босиком, поставленная накануне стрижка предательски была по шее и горящим щекам. Наверное, это было самое красивое, что Аконт видел, абстрагироваться от обстоятельств, точно та. Оставила адрес, а он вместо нее поехал к своей. А она в Азии сейчас не находит места, могла бы так? Чуть что не по ней, дождь лей. Тянуло вниз, бегать всегда приятно, но Патриция босиком не могла бежать в нужном темпе. Скорее почувствовал, чем увидел кого-то, и мигом стрельнул в появившееся из-под поваленной коряги тело. Человек, правда, то был живой человек, с ужасным криком упал. Аконт достал обойму — там было шесть больших как жареные семена дачного кабачка патронов. Значит, тот был в обойме.

— Ты что делаешь? Нам же не выбраться отсюда!

Аконт напротив ощущал себя в среде непобедимо. Он бы понес ее мешком картошки с машины, но боялся, что появится еще кто-нибудь. Только и командовал — вправо, влево, и шикарная блондинка без возражений мигом претворяла локальные географические фантазии. Убегать — все равно что в стогу искать наоборот. Сейчас самое время для белых, жена отказалась нанизывать, лучше, говорит, заморозим. Морозилка.

Стало реально холодно, но разгоряченный Аконт только больше завелся. Взял Патрицию и тянул вниз. Пусть камни били ее икры и хлестала жесткая трава чарующие голени. Та раз выдернулась, упала оземь:

— И меня пристрелишь?

— Сдохнуть хочешь?

— Прости, я же девушка!

— Тут небезопасно, это тебе не в «Хай» ходить.

Патриция оскорбилась, но воспользовался и повлек ее дальше, та более не сопротивлялась.

Вот и шоссе. Сразу бежал по гляncу мокрого асфальта новый Камаз.

Душевный водитель поднял на руку вначале брови, потом плавно, с достоинством затормозил.

— Скажешь, трахались в кустах и забыли про время. Именно «трахались» скажи, не иначе. А то влетим.

Вдохновленная изменившимися обстоятельствами, Патриция восхитительно улыбнулась глазами.

— Вы в город?

— Куда вам, ребят? Что-то случилось?

Аконт выразительно посмотрел, но она уже говорила:

— Трахались на холме, ребята пошли за дровами, потеряли их. Тут этот дождь, гроза, — Аконт понял, что часа три не ел.

Шофер достал их очень быстро. Тут все. И визит в санаторий, и рассказ про деревенский паром. История бегства, упавшее тело, но Аконт осмелел только в диалоге, меняя местоимения и показывая крутость.

Потом остановка. Икар летел по небу не птицей, а торпедой с подводного корабля. Наши лидеры в подлодках, Аконт пил за это сотку. Он съездил к своей, а не к той, поведала очень личное, пока были в плену. Надо по уму решать. Они взяли номер с одной большой кроватью, хотели спать.

Около трех ночи. Рядом лежала самая красивая девушка в мире. Что же делать, действительно ли тот человек на фотографии — его? А почему бы им не поговорить. Разбудил Патрицию.

— Вы ведь знаете Акдехая?

— Почему ты сказал сказать, что трахались шоферу?

— Это слово не вызвало у него подозрений при твоём изложении.

— Зачем говорить очевидное?

Не ответив, залепил поцелуем губы ей. Она не отстранилась, но и не пустила дальше слюнявого чавканья, но и оно впечатлило.

Отстранился, чтобы оценить изгиб, а девушка неожиданно не прекратила общение, а стала целовать сама.

Так они и заснули снова — как бы не так, в мечтах Аконта.

— Я против игрушечных солдатиков.

— Легойда просил напомнить: Акдехай.

— Да что мне ваши игры, у тебя или железные яйца и железная маска, либо деревянные ноги и избушка на рогах. Для меня жизнь — это не просто там нечто личное, самое важное — убить самого главного.

— Опустошала минибар?

— Ты женат.

— Я много раз неправ. Меняюсь, словно свет дорогих противотуманных фар.

— Дорогих? Ты не похож на человека, дорогой.

— Ты так эротично это говоришь.

— Просто у меня юбочка выше коленок и я не верю в случайные связи.

— Мне завтра надо убить человека. Потому что я бросил друга.

— Разве это проблема? Ту уже убил сегодня.

— И как тебе делить кровать с убийцей?

— Ты в себе, я в себе. Убивать не убеждать. Вижу, что нравлюсь тебе, да душевную старость лениво ломать.

Примерно так они говорили пару часов. Она заснула, он поднял преодолев себя юбку, нет не поднял, не наслаждался видом ее бедер. У них не чувства, это всегда интересно, она не видит в нем хама, но общается нелестно.

Было десять, когда Аконт встал, просыпаясь. Он не самый ранний, стучали. Это был Легойда.

— Гоним.

И вот — нечто из ряда вон, класс классов, наливающий лишний бетон патрон. Это был его седьмой, потом перестал вести счет. Некто Джейми Лукерс. Так хотелось позвать за переборки, откуда такой, а не довелось. Взять за грудки, тыкнуть легко рукой? Можно бить в набат, но бороться, оппонируя. Куда бежать — там Легойда внизу со своим неизменным я.

Прост умильно вручал конкурсантам грамоты. Лучшие дни месяца. Одна из родительниц отвела в сторону излишне активного отпрыска и точно на тренировке класса людей среднего мира наносила, отутюжив предварительно лицо,

легкие помещинки по нижней челюсти. Сценка привлекла всеобщее внимание. Женщины одобрительно кивали, пара хулиганистых мужчин, явно после пары пива, или просто хамы, неодобрительно хмурились. Прост со слезой вспомнил маленького Аконта, решившего дать сдачи специально приглашенному, чтобы проучить сорванца, добрейшему сектанту. Надо было еще раз выпороть, но благоверная испугалась мамы. Не ей ведь с ним мучиться потом! Отмахнув наваждение, попросил было поставить что жизнеутверждающее, но против всяких ожиданий раздался вопль — почти голая превосходная блондинка пересекала по диагонали дорожное полотно.

— Девушка! Или сапоги сними, — советовали из толпы. На маму маленькой гадины прекратили обращать внимание.

— Извините! — не обернувшись приятным низким голосом отвечала Патриция. — Опять слет нудистов моралисты накрыли на Слоновой горе, — а мне нельзя в околоток!

— Вам двадцать есть?

— Все двадцать пять! Детки меня дома ждут, с соседкой оставила. Не выдавайте меня!

— Иди уж быстрее! Дать бы охальнице плетей! — подавались голоса из толпы.

В спину Просту прошипели:

— Не глупи. Тихо влево, за дома.

Прост повел спиной, похоже на пистолет. Делать нечего, зашагал куда сказали.

— Эй! Меня подождите!

Аконт обернулся и обомлел, прямо за ним с ножом и короткоствольным автоматом в непонятной форме без знаков различия высился Проб. Даже фамилию запомнил. Ему резко надоело любое оружие, животные, ужасы и мрак холодного города, печаль пустынных остановок с одинокими пенсионерами. Другой рукой на коротком поводке Проб держал английского терьера в аристократичном наморднике.

— Уберите собаку! Здесь же дети! — кажется, кричала пришедшая. Вдруг ребенок, которого она справедливо трясла за

очаровательную двухцветную курточку под гимнастерку, вырвался и бросился через дорогу — прямо в сторону все еще пересекавшей ту Патриции, с обращением: спасите, женщина!

— Хватайте ее! Распутница почти сбежала! Дел натворила, кладу десятку! Еще отвечать будем! — несколько крепких мужчин, а за ними и женщины, таща за руки даже по трое, что запомнилось Просту, и двое детей погнались за Патрицией.

— Горячая штучка. Здесь таких не жалуют, — заключил Проб. — А ну шагай!

— Пойдите! Вы не понимаете! — Аконт увидел, как толпа настигла ее. Остальные продолжили погоню за еще более напугавшимся малолетним негодником, не давшимся в руки первых настигнувших их.

— Иди или без тебя обойдусь.

Аконт понуро ткнул Проста, общественники.

Не привлекая внимания — кто не отводил взгляд от формы Проба, прятал глаза от автомата, они зашли в глухой двор с одинокими покосившимися качелями и встали у песочницы.

— Вот что, малой. В твои дела не лезу, но защищать от всех не стану. Помнишь меня.

Прост повернулся и предложил два миллиона, чтобы отстали.

— Хватит нам благотворительность проповедовать. Завершай разговоры, а то хлебную корочку не оценишь. Это тебе не в больнице от эскулапов деру давать. В религию ударишься. Попробуем на три.

Аконт воспользовался хамством. С детства помнил одно важное правило: не путаешь право-лево, не запоминай, где селезенка и где печень, вот и сгодилося.

Поднявшись с мокрой земли, Проб, зверея, передергивал что-то, не так чтобы реально пугало, но внушительно.

Аконт на секунду растерялся, принимая решение. Выстрелили одновременно, и теряя сознание, успел счастливо поблагодарить советских конструкторов за стрельбу одиночными, а Проб выругать составными выражениями предохранитель.

Глава 13. ЖЕЛЕЗНЫЕ ДНИ

Жизнь кажется малиной, когда на завтрак парникова я ежевика со свежемороженой морошкой. Сегодня предстояло неприятное занятие, побаловался ягодками. Интересно, она его вообще хочет или хочет вообще? Судя по лицу, пацан даже в Хандренд Рокетс тут не ходил, а это их характеризует почти однозначно. Он ведь не просто парень, могли и молодых послать. Жестами узнав, сколько оставить, легко выбежал к байку тени. Травить байки тетям не бревна нажевать. Нажил тут на два пионерских подъезда. Допустим, ты не коммунист, не капиталист, не похититель фараонов. Да много кто он не, только что все так смотрят. Ну забыл про подножку, нечего по ногам хлопать, сейчас бы так хлопнул тому в каске, или этим быстрым сварщиком. Навигатор неумолимо сокращал расстояние до пункта игрек. Бородатый древний небожитель вон уже три квартала подмигивает, а все молчок. Ужели только грубая сила уважается обитателями места?

Люкс-палас Аконтовой половинки не оправдал ожидания. Достаточно милое место для медовых посиделок. Вот бы попробовать настоящей медовухи, а не обычного забористого взрослого вина. Когда стучал в номер, понял, что за морошкой забыл, как девушку зовут, или это вчерашняя красавица виной. Придется не на ты.

— Здравствуйте! У меня весточка от вашего мужа, Аконта. Вам удобно сейчас говорить?

— Понимаете, он на несколько дней, буквально на неделю поехал домой, очень просила мать его, — вы тут оказались выигрышным.

— Угости даму. Все равно не поверю, но хоть за человека посчитаю.

Взяла прямо со стульев тридцать второй, повернулась резко спиной и сбросила к ногам халат:

— Помогите.

Зеркало сбоку не скрыло сочности аконтовой новобрачной. Точеные ножки, упругий нежный животик. Стараясь не смотреть на ее волосы, Проб ловко застегнул американскую застежку.

— Опыт имел, хорошо. Тогда будешь сам делать заказ.

На байке ехать в лучший на районе ресторан отказалась. В кафе напротив взяли два кофе, фруктовый премиум и четыре десерта, одна на десерты не согласилась.

Мне бы такую стерву, думал Проб. Аконта проглотит целиком. Зачем ему такое счастье.

— Я старомодна. Ко мне на вы, потому что увы, не Пруссия. Я тут честно скучаю, а ты за табакерки?

— Бросил.

— Так и поверила. Откажешься, скажу мужу, что принудил к поцелуям ниже ватерлинии, мне верит. Пока. Или пока?

Поворот, — не успел и подумать Проб, та споро привстав стянула балахон Moonspell, и воспользовавшись впечатлением загорелых коленок, запихнула за пояс.

— Еще и похитителем выставлю. Или придется на выставке картины развешивать, у меня год. Я и про всех Аконтовых знаю. А благонамеренная честнейшая девушка хочет и дальше не общаться на скользкие темы, а то надумаешь пройтись по мартовским бульварам, ясно излагаю?

— Союз распался, а людей не предупреждали, — Проб попробовал последний аргумент.

— Чего все ждали. Предубеждения упреждали часами отправления? на полустанке не стоит возводить вокзалы. Вот идешь на бал в полном комплекте, то не за баллы. Могу напомнить, что ты хочешь забыть, или забыть, что надумаешь вспомнить. Ты самый симпатичный из пацанов Аконта. Я хорошая, бутон или почка?

Оценив ее бренды, с приличествующим вздохом ответил Проб, что бутон.

— Не просишь сменить тон? Значит и снизу тоже ты. Я не фантазерка и уважаю мечты.

— А как же нерушимый договор?

— Это протокол к пакту, ты не нападаешь по факту.

— Весомый аргумент, — прокомментировал Проб руку на своей ширинке, а может и ответил на слова.

— Ты на слова отвечаешь или за себя ручаешься?

Продолжая тиранить недоспавшее его сознание, вела Проба наверх. Не дойдя полтора пролета, остановилась:

— Начнем прямо здесь, пока ведь нет оснований тебе доверять? Я сама не своя, когда мужчина смотрит не только когда снимаю белье, и будешь нормальным хотя бы, заберу кружева, а то ходи так, милашка Джеймс потому что с Гарден-стрит.

— Зачем? Могу и так, — склонился в три погибели, поворачивая красочно голову к высокому потолку.

— Мне нравятся века, а не просвещение, — просветила аконтова, обвиняя Иотирована.

— Уже лучше. Но пока вовсе не хорошо. Можешь лучше, ждать утомилась. Вот так. Хорошие у Аконта друзья, все как на подбор. Получается всю жизнь меня ждал, — наконец услышал и ее ангельский голос.

Теперь ему никто не поверит, хотя он тут совсем не причем. Надо было молодых запрячь. Аконт там за нас проблемы решает, а я тут за столом переговоров.

Улучив момент, отвлекся всем телом и спросил:

— Прости?

— Прими белье.

Аконтова жена неохотно кивнула и забрав свои, недополучив при этом, судя по разочарованной мимике свое, медленно, пугая, что вернется или хуже, пошла по лестнице вверх, а Тигран, ругая себя за прошлые грехи, поспешил вниз. Надо время запомнить, не ровен час. Теперь еще и Джеймс может пожаловать, ему шубы с барских плеч надоело за полцены набивать. Делал бы толчок с младых ногтей, было бы сейчас что-то другое. Теперь еще поцелуи на вечер покупать, тут проблематично. Внизу ободряюще улыбался персонал. Хорошие, даже на чай не вымогают. Правда, и не

помогают. Узнает кто — опять в помощниках рассекать, не сегодня менять вещи на мнения, сказанные вслух и быстро. Ехал так, что только на сигнале пятом понял, совсем борзит. Ненависть к кокпитчикам. Себе погуди.

— Какие люди! — сосед по светофору был неуловимо знаком. — От Аконта весточки не получал? Это твой месяц, потом товарищ хороший растрогаться строго говоря сможет.

— Мне и узнать не у кого?

— Передать, что ты никого не знаешь или пока ничего?

В их деревне не было принято драться на дискотеке, но бывало приятно. Однажды очень красивая молодая особа, приехавшая ненадолго погостить, пошла от Проба покрасоваться перед почти полной луной над шикарной гладью Стикса. А они затихли за деревьями, что предпримет друг. Вдруг сирена, воздух пронзили фонари. Это с города приехали. Больше некому. Взяли его и двух малознакомых с окраины.

— Хуторяне! Слушайте и робейте. Сейчас вам предоставляется такой выбор: или завтра прилюдно бросим с городского моста, или выбирайте сами!

Тир выбрал сам, земляки — с моста.

— Нам ты ценности не представляешь, но тут есть несколько людей с Союза. На фабрике подходящая вакансия. Понимаешь, куда клоним? Тебя же клонировать интереса нет, остается склонить. Или сломаться выберешь об воду? Но там кастинг уже завершен. Вакансия — почему нет, заработает на зиму чего. Союз располагался в тиши, в идиллическом сосновом распадке. А начальники, хотя у него оказалась начальница — падки на припадки. Он никогда более не встречал такой рассудительной дамы. Зато ее помощницы — две моложавые давали оторваться. У меня их две, для смеха, одна носит меха, вторая потешно изобразит сильного лоха, ты за лохов пойдешь наших, будут обижать, помимо работы в управлении.

Фабрика перерабатывала редкие эндемики для фармацевтического гиганта. Поначалу все было совершенно обыденно — принял, подписал, доставил, запланировал. Он уже

ощущал себя всем своим, но в один день уволили приказом на стене. А уже был внесен задаток за дрова, горючее, посмотрел беседку к летней веранде. Своего профкома на фабрике не было, начальница, посетовав на скачки сезонного спроса, отправила в город. У профсоюза был директор, а не председатель, только он один и может помочь — начальница казалась сильно раздосадованной.

Приема ждать довелось часа три. Затем из массивных дверей выглянула постриженная голова и пригласила входить.

— Видел, голова высунулась? — без здравствуйте начал директор. — Это у нас один умный есть, высовывается только он. — Он открыл шкаф. Стриженный стоял там, сложив на груди руки. — Видишь, скелетов в шкафу не держим. Сейчас узнаешь. Ты не из деревни такой-то, я и названия не стал запоминать. Ты городской, корни твои с наших мест. У нас тут просто город вест. Ты отличаешь месть и блеск. У нас не в церкви получают, это твое личное рвение. — Директор протянул потерявшемуся Пробу брошюру. Ты создан для спорта, да жизнь круто изменилась. — Взял из глубин стола небольшой очень качественный портрет Ленина. — Узнаешь? Твоих рук дело?

— Простите?

— Охотно. Что не сразу понимаешь, не стесняйся. Спрашивать можно, когда стеснение на уровне. Ешь куриц? Взять примерно, но не то и то, — нужно когда теснит душу. Все деляя напоказ, для окружающих? Не для себя ведь работаешь! За это уволили и могут повесить?

— Ставки?

— На тебя еще не ставят, пока тебя — в неудобное положение. Доложите! — дверца шкафа открылась, и стриженный подал голос:

— Пока не высовывается.

— Значит что-то вырисовывается.

— Тебе сколько?

— Семнадцать.

— Мне паспорт не цитируй! Тебе все двадцать. Ты мне ни на один вопрос не ответил. Человека на литографии опознал?

— Сюда смотри. Видишь, только кажется, что личность с литографии — вождь пролетариата. Не мог один человек издавать «Искру» и вести к победе над царизмом трудовые массы! Знаешь, для чего такая часть тела, как язык?

— Не говорить, то так целовать.

— Сто раз нет. Проглатывать чтобы. А то мы бы тут задохлись все с обиды. Теперь смотри. Хочешь много денег, много красивых женщин и море каждый триместр не во сне? У нас одно условие — будь в себе.

— У меня должность будет?

— Собой это ты дома бывай чаще. Должен станешь, не расплатишься, было бы чем, хотя не все понимают необходимость правильного отношения, многие приветствуют стиль в общении. Вот обязанности твои могу расписать. Да лучше так говорить буду. Видишь, в шкафу?

— Нет, он же закрылся.

— Эй, макет трупа! Явись.

— Актером хочет стать. Еще несколько лет, и на главную роль претендовать сможет. Каждому по крупицам знаний — от тупиц к ответственным за мирозидание. Завтра тебя заберет наша машина. Помнишь, море женщины — деньги. По рукам?

Тир охотно протянул руку, но она осталась без внимания.

— Смотри, ноги следующие. Так что делай, пока не потянулись дни поздней осени холодным смогом оживленных улиц. Все ешь, тогда подходишь к окну и машешь четыре раза вниз и вверх. Там у нас свои следят. А как хотел. Одни сторожат, пока другие рождают идеи, мнения, ищут в зареве ночной синевы Кассиопею. Слышал, луна наполовину заселена.

— Луна? За кем она?

— Наши Марс застолбили, да не рассчитали, слишком по-стахановски подошли.

— Могу идти? — Проб закончил оговоренное махание.

— Договорились покамест, пока мест нет, а завтра кого-нибудь уволим вместо тебя. Скажи своей руководительнице, что ты не подошел.

Улица встретила окликом проезжающей:

— А ну отойди от бордюра, кому сказала! Что себе думаешь! — женщина среднего возраста воспитывала дочь, оглянулись почти все.

У них наверно дома не спальня, а будуар. Современные студии очень рекомендуются, чтобы непослушные становились послушными, слушали, что говорят. Первые станут не последними, надо ведь обращать внимание на тех кто рядом, а то окажешься в локусе.

Упавшие с моста, встреченные Тиграном тем же вечером выглядели также счастливо, а он почти светился, не каждый день выпадает такое уважение получить. Казалось, и глаз не сомкнул в ту ночь. Машина подошла в назначенное время, поехали на старые промыслы. Заготовка только начиналась, и наемников почти не было. Водитель махнул на кубометра четыре превосходных дров:

— Говори адрес.

Потом закупили солярки, какой-то рыбы половину фуры. В городе остановились не у дешевого бутика. Закупили несколько двубортных рубашек по двадцатке. Проб не уставал удивляться.

Директор встретил в дверях, обнял. Открыл шкаф.

— Залезай?

— Да вы что, — расстроился Проб.

— Тогда так. Просит за тебя семья. Нам мысли гиганты не нужны. Ты человек моего круга? — правильный ответ директор намечал легонько.

— Меня многие боятся. Надо ведь правду отвечать?

— Кому? А то придется за нее отвечать. Например, Изольда, зайдите, просим.

На пороге возникла необычайно красивая девушка славянской наружности.

— За нее — ответишь?

— В каком смысле?

— Ты вопросами не заваливай, я не ответчик. А то истцом станешь.

— Отвечу.

— А вот и неправильно. Она пять миллионов должна, моим хорошим знакомым. В поте лица отработывает. Покажи как.

Изольда похлопала себя по стильному изгибу правой голени.

— Ходячий хороший пример, как надо себя вести, но не обязательно. Правильная девушка. Замуж за мешок не хочет, таскать не может. Тревожно от нее, не находишь?

Союзом станут искушать грубо, лучше оттуда немедля бежать, покажут бедняжку, скажут должна, все это правда, но не твоя вина, они там совсем отбились от рук, — в голове голос друга прорезался вдруг.

— Пойду. Отдам рыбу, дрова, соляру, костюмы, рубашки.

В тот же день Проб сел за два рулета на проходящий поезд и отправился в столицу. Несколько лет полагал, это могло присниться. В том убеждали соседи, заглянувшие посмотреть, как он тут ездит, бывшая с молодым своим, дескать, он тогда сильно нахамил влиятельным людям, и за него отдувается не повинная девушка неземной внешности. За двоих пашет. Только имя Проба отпугивало назойливых благодетелей. А вот когда остался один, как бросил на дороге из-за юбки короткой бывший ему как брат Аконт, а все Иотирова-на делали вид, сердятся, он как старший отвечает за Аконта, который очевидно где-то в Белу-Оризонти не бедствует, отправился Проб в столичный союзный филиал, у них ведь везде отделения. Выяснилось, два миллиона та девушка уже отработала, ему положили семь, а чтобы не переживал сильно, подключили к глобальной сети.

— Нам безалаберные романтики нужны только в виде клиентов. Теперь понимаешь, политика, готов распорядок дня изменить?

— Полностью.

— Частное дело.

А из типового офисного шкафа каждую минуту Пробу виделось, высовывается голова, та ли самая, а то немного другая. В комфортном мраке кабинета было не видно, тем более чего не было.

Глава 14. ПРОСПЕКТАМ

Шеренга тянулась вдоль немаркированной обочины. Легойда старался не привлекать внимания и особенно не держаться за ребро. Одно из лиц навстречу заинтересовало его. Развернулся круто, пошел за ним.

— Угостить?

— Чем?

— У меня сегодня несчастье. Дома находиться не хочу.

Все увещевают.

— В чем причина? Мне работать через час.

— Составь компанию, капнем и в рассыпную.

— Откуда будешь?

— Второй механический. Где заготовки.

— Дизайн?

— Нет, — Легойда показал.

— Уважаешь?

— А что?

Человек выхватил из толпы за рукав бушлата молодого приличного на вид парня в родных сандалетах:

Мужики все не напивались, пошла уже третья. Первый отошел на соседнюю лавку и, сославшись, что гулял ночь, заснул.

— Что тебе надо от нас?

— Механизм.

— Что платишь?

— Восемь и три за скорость.

— Куда я пойду в таком виде?

— А не надо никуда, — Легойда достал локатор и отключил собеседника. Теперь самое неприятное. Сделал аккуратный взрез, и просунув руку, достал четыре кольца. Тысячник. Залатают, будет новый. Легойда проглотил кольца и отбив на локаторе команду, оживил собутыльника.

— Обычно не пьянею.

— Смотри за лавкой. Я скоро.

Легойда остановил тачку:

— К городской тюрьме.

— Работаете там? А то у меня брат попал на ерунде. Адрес подскажите?

— Это в том районе. А что с братом?

— Подрался в лавке за кусок свежего мяса.

— Как выглядит?

— Брата не знаешь? Его все знают, Торстен Лейн.

— Слышал.

Легойда отошел от проходной метров сто и активировал режим ближнего боя. Кольца почти встали, за энергию можно не переживать. Достав хлопушку, проделал в заборе дыру. Дальше без интереса наблюдал, тело бежало, прыгало, било, стреляло, делало отверстия в стенах. Это поначалу интересно, как ты так. Потом не очень. Особенно после джунглей или долины Шон. Локатор вывел точно к камере.

— Проб! Без вещей на выход.

— Знаешь может, тут такой Лейн.

— Так с нами тут. Торс!

— Держитесь за моей спиной, без глупостей.

Машина стояла там же. Надо будет за локатор отдельно отблагодарить. Легойда нажал кнопки:

— Заводи скорей!

— Он не едет, — отчеканил Лейн.

— Что сделали, — взмолился водитель.

— Теперь я водитель, — Лейн вытащил его наружу через окно.

— Прыгай.

По дороге Проб прошелся по Аконту. Такой был мальчик, хороший, воспитанный. Говорил — дайте мне, подведет.

Хороший мужик Проб. Всегда от него истории.

— Союзник! Мы так на него рассчитывали, а он с нами рассчитался.

Такое можно вспомнить, потом говорят, роботы злопаятные.

— Теперь к женщинам?

— Пусть уляжется. Сразу нельзя, поймут кто работает.

— Она переживает.

— Кто сообщил?

— Мало ли добровольцев. Всегда найдутся союзники липовые. Точно не из наших, может там кто, — Проб многозначительно показал вверх.

— И на земле этой грешной я первый пассажир поезда. Одним энергия воздух, но он не терпит транжир, так горе уносит печаль.

— Йод на вате, обжигашь, чтобы обеззараживать. Город закроют на днях.

— Зомбировали?

— Ты не видел, — он настроил локатор на новостной канал.

— Граждане! Кому небезразлично развитие нашей державы, кто готов сказать решительное нет силам, дестабилизирующим обстановку. Ситуация крайне непростая, и мы должны стать тем авангардом, что встанет на их пути. Сплотим ряды. Пусть скажут, это высокопарный стиль, сейчас людям надо чтобы понятно было — кто это там нас за дураков держать думал? Уполномочен вашим мандатом однозначно заявить — ни я, ни члены кабинета министров уходить из-за горстки всегда недовольных профессиональных провокаторов никуда не собираемся. Принципиально. Становится решительно ясно, кто за спокойную жизнь, за достаток, чтобы дети без страха ходили в школу, в профессиональные учреждения, а кто — вольно или невольно работает на врагов страны, — самый непохожий тройник, этот молодой, пробежался по верх камер. — Хотим жить в мире и согласии и внутри страны, и с нашими соседями, с дорогими партнерами. Учитывая серьезность сложившихся вопреки курсу руководителей правительства внешних обстоятельств, имею необходимость заявить. Первое. Не надо нас путать так называемым креативом. На земле выросли, в землю и уйдем, не дай конечно доведется, ничего не пожалеем, нас можно купить на жалость, воспользоваться.

Не мое мнение. Второе. В городе вводится чрезвычайное положение, произошли экстраординарные события. Нечего нам свои прелести показывать. Дальше. Горожане! Программы увели вас, друзей, сослуживцев от подлинного мира, от спасения души. Зарплату государство и частные структуры начисляют в полном объеме. Есть непреложные аргументы. Раньше считали, труд сделал человека, теперь — секс. О подрастающем поколении подумайте! Страна дала образование, работу, возможность найти спутника жизни. Опять эти вопросы — кому принадлежит собственность, заводы. Политикой пусть занимаются профессионалы: юристы, хозяйственники. Основой, уверен, должна быть семья. Люди должны гордиться своей работой, а не пытаться урвать лишний кусок, это вы у той бабушки его забрали. Третье. Задача — сплотиться перед общей угрозой и не дать противникам поступательного развития ни шанса. Что и есть политическая свобода. Я не просто так говорю на эти темы. Союзы — это не только наше достойное прошлое, но обеспеченное будущее. Хватит, есть понятие в экономической теории — кризис реорганизации. Решительное «нет» попыткам расколоть общество. Нам уже не «приколльно» с ваших неуместных телодвижений. Профессиональный союз — уверенность в завтрашнем дне, поддержка каждого, кто умеет и хочет быть полезным. Есть проблемы между собственниками и наемными работниками. Многие предприятия, частные лица не в полном объеме рассчитались еще за прошлое. Прошу, у кого родственники, близкие, знакомые — призовите их к порядку.

Переключили.

— Отсюда не видно, но людей хватает. Только что была небольшая потасовка между сторонниками мобилизации в Союз и демонстрантами. Со мной — Джош Харнетт, заместитель секретаря Союза.

— Вы, как всегда, объективны в подаче информации.

— Объясните нашим зрителями, в чем конфликт. Чего хотят протестующие?

— Есть толпа, люди, которым всегда чего-то не хватает. Да, они заявляют лозунги. По моему мнению, это хулиганы, подстрекаемые заводилами.

— Надеюсь, все образуется, Джош. Спасибо за комментарий. Появились оценки в прессе, «бунт», «революция снизу» — это соответствует действительности?

— Зачем их тиражировать. Небольшая горстка бандитов — а я не собираюсь сдерживаться, задела всех, кто переживает за будущее, спокойствие детей, пенсионеров, которым, я сегодня отражаю мнение тридцати — абсолютно неприятно, что они позволяют себе говорить. Что они дали городу? Понимаю, человек двадцать пять лет отработал — имеет право, чтобы его слушали, и мнение таких людей всегда учитывается.

— Нот сказал, вы близки к установлению личностей организаторов этого беспредела?

Потом были объятия, радость встречи, теплый ужин с видом.

— Как могли подумать, что замешана?

— Все для Аконта. На таких наш Союз и стоит. — Лайки была особенно прекрасна в свете раннего месяца.

— По последней информации, все на офшорах. Он нам ответит.

Раздались выстрелы, неприятный после сытного жаркого тем более запах пороха.

Тир свалился на пол, и похоже, что умер.

Легойда тоже достал оружие. Снова его рассказы про коридор времени слушать не хотелось.

— Его только не убивай, — тянула в Легойду.

— В твоём распоряжении.

Посетители разбегались.

Глава 15. ВЛАСТЬ ВСЕГДА

Хорошо, Прост прихватил пистолет прикуривать. А говорят, вредно в кармане носить. Вышел молодой в классическом поло.

— На колени!

Сопровождалось протяжным воем с сидений. Выскочила девушка, принялась избивать. Крайне удивившись, Прост узнал свою Лайки.

— Что ты делаешь?

Лайки удвоила усилия, теперь она еще и стремилась попать ногой.

— Кто эти люди?

В свете волнующей влечения на фоне двигателя лежали почти у ног без сознания. Думал иногда разобраться с ее, но не так грубально. Надо перезарядить, ночь только началась, а в городе бушуют беспорядки.

Вышедший на шум только пожимал плечами.

— Займусь?

— Оглушена от новой встречи, — Спасибо, выручите с этими налетчиками.

Аконт снова был в том сне, — ледяная пустыня, окруженная горами. Вечерело.

— Все в порядке, где бы ты ни был.

— Я почти нигде не был.

— Готов к новым лишениям?

— Теперь все.

— А что хочешь?

— Дело не могу найти.

— Само найдет, поймешь, все наоборот. Видишь, в километре замерзшая почти река, перейди вброд.

— Что за бред.

— Вы со мной речи ведете? — спросил Аконт у мира вокруг.

— Нет, пустыня, белая, как новая простыня в магазине.

Аконта стало заносить снегом. Решил встать, но снежный покров только подминался, трамбюя его ниже. Наверно, месть.

— Сегодня прошел съезд Союза жителей. По его результатам принято много важных решений. Сейчас готовы дать включение с места. Пайл? — Показали всему миру — что такое настоящая солидарность. Справедливость — под таким девизом состоялось представительное собрание, организованное снизу профессиональными союзами. Честь задать пару вопросов председательствующему на съезде Генри Диллу.

— Заинтересовало предложение секретаря, одобренное единогласным мнением парламента — объявить город зоной чрезвычайного положения. Чем хорошо: комендантский час. Сколько можно терпеть грубость на площадках? Никто не против права человека взять после дня на работе бутылочку. Зачем это делать, где играют дети, тем более поздно?

— Спасибо что приехали, уверен, у многих зрителей превратное мнение о событиях поменялось. С нами также представитель администрации города.

— Так называемые забастовщики вернулись на работу. Окончательно понятно, не пойдет за ними народ. Не надо передергивать. Что до этих демонстраций — мне кажется, а я редко говорю чего нет, это все происки западного капитала. У нас и по области лучшие показатели по средней зарплате и социальные программы — одни из сильнейших в регионе. Не вижу причин для беспокойства, хотя высшая государственная власть все делает, чтобы людям комфортно жилось.

Глава 16. НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Почему водить чужие промахи? Своровали — наймите хоть кого, ночь одна, а вас туча. Так и написано в конце накладной: Наглецов. Хорошо хоть. Ничего не бояться, им здесь, что там. Не берите все, живут поговорками, почитай брошюры, когда стоит. Дождутся, на вопрос покажет, будете улицы мести, если возьмут по инстанциям.

Последний раз был влюблен стажером, в такую же игривую. На КПП застал. Чинно, огурцы, вьются втроем, пчеле медок жаловал. Решил вернуться. За тем и застал Секст.

За день целовалось за оградой, почти соблазнил до смены, а она с другими. Верь после в подлинность чувств!

Огненный бич.

Не пьет он.

Продержался год — без памяти от нее, уволился. Значит, не от сердца. И что в ней, обычный человек, а хочется.

Аванс закинуть! Но там стояла Лайки. Оттеньяла крылья.

— Заработался.

— Внизу побуду.

Ждут решений. В прошлый к полудню.

Ждала не одна.

— Апгринс — Штайзер.

— Душа родственная! Бутылочка с дежурной. Я брат.

— Не помню.

Лайки развела сексуально руками!

— Угощу.

— Зачем.

— Визави выгнали взашей. Играешь?

— Был.

— Бросьте.

— Навидался.

— Месяц не выбирались.

В дороге она намекнула, перепадет, не на тех выходных.

Машина затормозила. — Сегодня по полной.

Заплыли в зал. В углах резались. Завернули.

- Скажи, — оживился спутник.
- Семьдесят три.
- Меньше.
- Тридцать восемь.
- Неплохое. Нам удачу?
- Берем в уме. Анжуйского, не стоит.
- На тридцать?
- В дамки. Из рога пить воздержусь. Не падай.
- Хорошо тут.
- Пойдем?

Нежданно выиграл.

Она мяла пяток настурций. После ставок?

— Завтра без приключений, — на него смотрел начальник.

Затянула их в гардероб, в голову, объятия, спугнувшие из середины ряда модель.

— Лучшее за восемь.

— Чего не жениться, она не против.

— Обручим, за?

Что отвечать.

Нагло кивнула. Сообразили кольца.

— За счастливых супругов!

Игра на нет, желающих не появилось. Выиграли семьдесят. Кто рядом направились в ресторан.

Голова на столе, доска светилась под солнцем. На часах семь.

— Тебе на работу, мне — с небес.

На работе стал всех. Управление, правила кто придумывает, наемных.

— Можете идти.

Трое зашли поздравить.

Двести процентов, или на двести.

— Лайки, знаешь.

— Посмотрим.

В кабинет влетел один из героев.

— Билеты?

— Помогли бесплатно.

— В честь азартной.

Река светилась, била.

Литературно-художественное издание

Алексей Георгиевич Радов

ГОД

Редактор — *Ольга Старикова*

Дизайн обложки — *Анастасия Ткач*

Верстка — *Иван Плигин*

ISBN 978-5-94282-578-8

Подписано в печать 21.10.2016. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Georgia». Объем 8,37 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000».
Тел. (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru